Н.Китаев

Вольф Мессинг

Криминалистический экстрасенс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Н.Н. Китаева (следователя прокуратуры с 20-летним стажем), небольшая по объему, имеет одну особенность, важность которой невозможно преувеличить. В ней собраны впервые публикуемые документальные доказательства, подтверждающие правоту автора, не доверяющему журналистским сенсациям. С падением «железного занавеса», разрушением системы тоталитаризма стало возможным изучение документов из ряда абсолютно закрытых ранее архивов. Н. Н. Китаев в полной мере пользуется сведениями из архивов И.В. Сталина и А. Гитлера, КГБ СССР и КГБ Республики Беларусь, из крупнейших архивных хранилищ России, Грузии, Польши и ФРГ, из национальных библиотек России и Польши, что вызывает уважение и доверие к результатам его исследований.

Выводы, сделанные автором, вряд ли являются неожиданными для многих, но, тем не менее, поражают своей смелостью и степенью радикализма: экстрасенсорика — не наука, отчего ее рецепты, ее методы, ее диагнозы есть обман, а знаменитый Вольф Мессинг не обладал никакими сверхъестественными способностями, которые постепенно придумали недобросовестные авторы.

- Николай Николаевич Китаев
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Николай Николаевич Китаев «Криминалистический экстрасенс» Вольф Мессинг

Неблагоприятная криминальная обстановка в Российской Федерации требует не только совершенствования существующих методов по исследованию информации, связанной с преступлением, но и обращения более пристального внимания на те возможности, которые либо считаются нетрадиционными, либо оспариваются, как не основанные на законе.

Одним из таких нетрадиционных направлений научного исследования, вовлеченных в правоприменительную деятельность, по мнению ряда авторов, представляется парапсихология, изучающая «таинственные» явления человеческой психики — телепатию, ясновидение и т. п. отрасли оккультизма (тайного мистического «знания»). Лица, якобы обладающие такими необычными качествами, ранее именовались магами, волхвами, медиумами, а ныне их зовут экстрасенсами.

С 90-х годов минувшего столетия в России стало множится количество публикаций, авторы которых ратуют за внедрение в процесс раскрытия и расследования преступлений помощи «криминалистических экстрасенсов». Изучение специальной литературы (Г. Шнейкерт. Тайна преступника и пути к ее раскрытию. М., 1925; А. М. Ларин. криминалистика и паракриминалистика. М., 1996.) приводит исследователя к убеждению, что тема привлечения «сверхъестественных» способностей человека в сферу криминалистики и оперативно-розыскной деятельности является предметом давних научных дискуссий у юристов разных стран и времен.

Среди экстрасенсов советского периода личностью № 1, несомненно, является эстрадный артист Вольф[1] Мессинг, чьи выступления в СССР (1940–1974 гг.) с демонстрацией «чтения мыслей» зрителей всегда привлекали большое внимание и вызывали неоднозначную оценку в средствах массовой информации. Безусловно, правоведов здесь интересовали слухи об использовании экстрасенсорных способностей В. Г. Мессинга правоохранительными органами.

Кандидат юридических наук Н.Н. Китаев осуществил трудное многолетнее исследование. Он сделал то, на что многие не решаются, не желая идти наперекор общепринятому мнению и посягать на целую отрасль исследований (парапсихология). Он

отказался слепо верить литературным источникам и отнесся к объекту своего научного интереса непредвзято.

В настоящей книге автор (следователь прокуратуры с 20-летним стажем) не пытается поупражняться в риторике или сделать самому себе рекламу громкими заявлениями. Всего лишь на одном, наиболее известном примере из области российской парапсихологии можно увидеть саму суть исследуемой проблемы: полную несостоятельность «криминалистической экстрасенсорики».

Книга Н.Н. Китаева, небольшая по объему, имеет одну особенность, важность которой невозможно преувеличить. В ней собраны впервые публикуемые документальные доказательства, подтверждающие правоту автора, не доверяющему журналистским сенсациям. С падением «железного занавеса», разрушением системы тоталитаризма стало возможным изучение документов из ряда абсолютно закрытых ранее архивов. Н. Н. Китаев в полной мере пользуется сведениями из архивов И.В. Сталина и А. Гитлера, КГБ СССР и КГБ Республики Беларусь, из крупнейших архивных хранилищ России, Грузии, Польши и ФРГ, из национальных библиотек России и Польши, что вызывает уважение и доверие к результатам его исследований.

Выводы, сделанные автором, вряд ли являются неожиданными для многих, но, тем не менее, поражают своей смелостью и степенью радикализма: экстрасенсорика — не наука, отчего ее рецепты, ее методы, ее диагнозы есть обман, а знаменитый Вольф Мессинг не обладал никакими сверхъестественными способностями, которые постепенно придумали недобросовестные авторы.

В общем плане монография заслуженного юриста России Н.Н. Китаева представляется ощутимым вкладом в такие юридические дисциплины, как криминалистика, оперативно-розыскная деятельность и юридическая психология. Данная работа заинтересует и широкую читательскую аудиторию, что обусловлено также соответствующими приложениями к авторскому тексту.

Доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации и Республики Бурятия
А.А. Протасевич

Выражение признательности

Настоящая книга не была бы написана без поддержки многих людей, поэтому я хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто помог мне в работе. В процессе сбора необходимых материалов (1974–2006 гг.) в мире произошли кардинальные политические и иные изменения, позволившие автору получить доступ к информационным источникам, которые ранее были засекречены и совершенно недоступны для исследователей. Нет нужды доказывать тот факт, что подобная закрытость информации в эпоху тоталитаризма служила питательной средой для всевозможных измышлений, которые и по сей день очень живучи и сильны в массовом сознании.

За содействие в получении консультаций и материалов для создания настоящей монографии выражаю искреннюю признательность: Президенту Московской психотерапевтической академии М. И. Буянову; заместителю директора Российского государственного военного архива В.И. Коротаеву; доктору Рикарде Вульпиус (ФРГ, Берлинский университет); сотруднику государственного архива ФРГ г-ну Геттлихеру; руководителю отдела культуры и науки посольства республики Польша в РФ, г-же Э. Щепаньской-Домбровской; руководителю отдела научной информации национальной библиотеки Польши, доктору М. Зыгмунт; доктору медицинских наук В. М. Блейхеру (Киев); писателю, лауреату премии Службы разведки РФ Т. К. Гладкову (г. Москва); начальнику отдела архивного государственного департамента республики Грузия, г-ну Ф. Данелия; заместителю начальника Центрального архива ФСБ РФ А. П. Черепкову; директору Российского государственного архива социально-политической истории (бывший архив ЦК КПСС) К. М. Андерсону; начальнику Центрального архива КГБ республики Беларусь Л. В. Пименову; начальнику отдела по надзору за соблюдением законов в органах службы национальной безопасности Генеральной прокуратуры республики Узбекистан Е. Т. Агзамходжаеву; начальнику отдела РУ ФСБ РФ по Новгородской области Ю.А. Антонову; сотруднику РУ ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области С.В. Чернову; председателю Верховного Суда республики Татарстан Г. М. Баранову; прокурору республики Татарстан К. Ф. Амирову; ветерану прокуратуры республики Татарстан Ш. М. Галимову; начальнику ГУВД Иркутской области А. А. Россову; старшему следователю ГУВД Иркутской области Н. П. Ермакову; начальнику отдела БХСС УВД г. Иркутска Ю. П. Холматову; председателю Кировского районного суда г. Иркутска Т. В. Орловой; судье Иркутского областного суда Е.Д. Китаевой; прокурору г. Санкт-Петербурга

Н.А. Винниченко; генеральному директору Российской национальной библиотеки В.Н. Зайцеву; заведующему отделом внешнего обслуживания Российской национальной библиотеки Б.В. Сизову; ассистенту артиста В. Г. Мессинга в период 1961–1974 гг. — В.И. Ивановской.

Я благодарен доценту Р.Г. Султановой, а также И.А. Мясникову и Е.П. Машеро за их труд по переводу с немецкого, польского и украинского языков отдельных документов, использованных в тексте настоящей работы.

Автор

Иркутск, июнь 2006 года

* * *

В российской литературе по криминалистике и оперативно-розыскной деятельности все чаще стали появляться призывы использовать способности экстрасенсов для раскрытия и расследования преступлений. Так, В. А. Жбанков упоминает об использовании в правоприменительной деятельности «экстраординарных (экстрасенсорных) способностей отдельных лиц». С.В. Лаврухин предлагает обращаться к экстрасенсам при расследовании сложных убийств, а в отдельных ситуациях — создавать их комиссии.

Доцент кафедры криминалистики Калининградского юридического института МВД РФ С. Побережный заявляет, что криминалистическая экстрасенсорика — «современный нетрадиционный экстрасенсивный метод (технология) диагностики, позволяющий использовать (привлекать) экстраординарные психофизиологические («экстрасенсивные») способности человека (экстрасенса, ясновидящего, гадалки, медиума) при раскрытии преступлений (для розыска преступников, поиска пропавшего объекта, раскрытия причин преступления, экспресс-диагностики криминальной (конфликтной) ситуации и т. п. в условиях конфликтного противодействия расследованию, а также разоблачать ложных (фиктивных) носителей экстрасенсивных способностей, совершающих противоправные действия (преступления)».

Названную тему развивает Е.П. Гришина, которая, рассматривая нетрадиционные формы использования специальных знаний в судопроизводстве, рассуждает о помощи экстрасенсов — лиц, обладающих «сверхчувствительным восприятием, корни которого кроются в особенностях человеческой психики»4. Е.П. Гришина утверждает: «Иногда

помощь экстрасенсов является единственной возможностью получить хоть какую-то информацию о преступлении… Следует признать, что экстрасенсы оказывают немалую помощь правоохранительным органам в поисках преступников и пропавших лиц».

Из двух цитируемых источников, подтверждающих эту убежденность, данный автор, во-первых, ссылается на размещенное в Интернете пособие П.Г. Марфицина и О.О. Климовой «Использование нетрадиционных познаний в уголовном судопроизводстве», но забывает уточнить — приведенные примеры взяты в основном из газетных публикаций, не подтвержденных ни одним научным исследованием.

В качестве второго источника Е.П. Гришина называет сборник «Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений», изданный ВНИИ МВД России в 1994 году по материалам одноименного семинара. Данный труд, изданный тиражом 200 экземпляров, мгновенно стал библиографической редкостью (достаточно сказать, что он не поступил ни в одну из библиотек вузов МВД РФ и его нет в Российской национальной библиотеке). В нем содержатся краткие тезисы выступлений энтузиастов «криминалистической экстрасенсорики», но никаких серьезных исследований по названной теме не приведено.

Прежде чем оценить эту и другую литературу указанного направления, необходимо определиться с соответствующими понятиями

Экстрасенсорным (сверхчувственным) восприятием принято сейчас называть, в частности, телепатию и ясновидение. Специалист мирового класса в области парапсихологии Ч. Хэнзел приводит такие определения:

> 1. Телепатия — восприятие одним лицом мыслей другого лица без какой-либо передачи их по сенсорным каналам
> 2. Ясновидение — сведения о каком-либо объекта или событии, полученные без участия органов чувств
> 3. Проскопия — узнавание будущих мыслей другого лица (проскопическая телепатия) или будущих событий (проскопическое ясновидение)

По мнению Ч. Хэнзела, телепатия — это новое название для чтения мыслей, ясновидение — для «второго зрения», проскопия — для прорицания или пророчества. Приведя в своем исследовании множество фактов, Ч. Хэнзел скептически замечает: «Хотя потрачено много времени, сил и денег, до сих пор не получено ни одного приемлемого доказательства реального

существования экстрасенсорного восприятия». Аналогичный вывод следует из анализа трудов нынешних парапсихологов различных стран.

В практике специалистов отечественной криминалистики и оперативно-розыскной деятельности (система МВД) появление официально разрешенного интереса к помощи экстрасенсов относится к концу 80-х годов минувшего столетия. Созданная по поручению руководства МВД СССР рабочая группа, изучавшая возможности использования нетрадиционных средств и методов в борьбе с преступностью, отметила, что «на местах такая работа проводится на свой страх и риск, бессистемно, ее результаты не документируются, их анализ и обобщение отсутствуют. Больше того, сотрудники нередко опасаются огласки фактов обращения к такого рода способам и методам получения нужной для дела информации, тщательно скрывают ее источники».

Недаром хвалебная статья в газете «Труд», посвященная ясновидцам, помогающим органам милиции, начиналась с интригующего введения: «Раскрыть настоящие имена этих людей — значит подвергнуть их риску: найдутся охотники заставить их замолчать. Ведь свой редчайший дар ясновидения они поставили на службу опасному, но необходимому ремеслу уголовного сыска…».

Для того, чтобы определить истинность или ложность какого-либо утверждения существует хорошо известный прием: берется наиболее известное явление (личность) из категории «загадочных» и подвергается тщательному научному препарированию, проверке на достоверность. В контексте сказанного представляется полезным ознакомить читателей с материалами нашего многолетнего исследования, посвященного самому известному «ээкстрасенсу» советского периода, эстрадному артисту Вольфу Мессингу, выступавшему в СССР в период 1940–1974 гг. с «психологическими опытами» по «чтению мыслей» зрителей.

Техника этого аттракциона давно известна, в ее основе лежат так называемые идеомоторные акты, которые еще именуют «микромоторными» или «зачаточными движениями». Они представляют собой едва заметные движения, бессознательно исполняемые любым человеком в тот момент, когда он отчетливо представляет какое-либо движение или действие. И чем больше он взволнован, тем более ярко проявляются у него идеомоторные акты. Так, например, если человек сосредоточенно представляет себе в мыслях высокую башню, то глазные мышцы так разводят глазные оси, как это присуще нам, когда мы рассматриваем высокий предмет.

Впервые с публичной демонстрацией «чтения мыслей» выступил в июле 1874 года в Нью-Йорке молодой, полуобразованный американец Браун. Он прикладывал к своему лбу ладонь руки лица (индуктора), мысленно дававшего команду на выполнение каких-либо действий. Придерживая руку индуктора в таком положении своей рукой, Браун с завязанными глазами отыскивал загаданного человека или определенную вещь и передавал ее по назначению и т. д. Зрелищные выступления Брауна вызвали большой интерес американского общества и прессы. Появились публикации, авторы которых утверждали, что этот аттракцион наглядно доказывает существование телепатической связи между людьми.

Термин «телепатия» производен от греческих слов «теле» (вдаль, далеко) и «патос» (чувство)

Известный психолог, профессор К.К. Платонов, много лет интересовавшийся проблемой телепатических явлений, определяет их как «передача на расстоянии сигналов и информации о психических явлениях одного индивида другому помимо известных рецепторов».

Первым ученым, развенчавшим «телепатическую» природу «чтеца мыслей» Брауна, был американский невропатолог Бирд. Он продемонстрировал в октябре 1874 года перед многочисленной научной аудиторией в Нью-Йорке целую сотню натренированных людей, которые могли «читать мысли», подобно Брауну, руководствуясь легкими бессознательными движениями индуктора. Впоследствии «чтецы мыслей» появились в разных странах. В 80-х годах 19 века в России с таким аттракционом успешно выступал англичанин Бишоп.

Профессор физиологии Йенского университета В. Прейер посвятил целую книгу (1885 г.) материалистическому объяснению «чтения мыслей» по идеомоторным движениям, утверждая: «Каждый человек читает по движениям мускулов, но не каждый способен достигнуть величайшей степени ловкости в этом искусстве».

В СССР ученые придерживались общепризнанной, материалистической концепции природы идеомоторных движений. В 1928 году сотрудник Института мозга (Ленинград) А.В. Дубровский выступил с научным докладом «О так называемом «чтении мускулов», раскрыв технику и тактику «эстрадной телепатии», когда улавливание идеомоторных движений человека воспринимается публикой, как действительное чтение мыслей. А.В. Дубровский указал: «Едва заметные идеомоторные движения мускулов объекта опыта

воспринимаются безотчетно (бессознательно) периферическими разветвлениями нервной системы, так называемыми кожными трансформаторами экспериментатора, и по нервным проводникам в виде нервного тока дости-гают центральной нервной системы, в частности, тех областей коры головного мозга, которые управляют ответной реакцией экспериментатора в виде ряда двигательных актов, которые ведут к выполнению задуманного объектом опыта… Каждый человек путем соответствующей психической тренировки, путем культуры личности может развить у себя вышеотмеченные способности, и в последних нет ничего чудесного, сверхъестественного».

Сама по себе тема идеомоторных актов слишком подробно описана в научной литературе, чтобы уделять ей здесь много внимания. Упоминание о сути идеомоторики нам необходимо для перехода к вопросу — являлся ли эстрадный артист Вольф Мессинг истинным телепатом, чьи «необыкновенные способности» могли быть использованы как для раскрытия преступлений, так и для нарушения закона? Здесь уместно привести мнение профессора А.И. Китайгородского, автора ряда публикаций, в которых с позиций науки развенчивались известные экстрасенсы.

Он писал об эстрадной телепатии: «Один из приемов заключается в передаче информации зашифрованными фразами. Скажем, можно спросить: «Что у меня в руке», а можно: «Что я держу в руке?» или: «Что у меня в левой руке» и т. д. до бесконечности. В коде, одновременно с тем или иным построением фразы, можно использовать и интонацию Слова произносятся то вопросительно, то как бы с запинкой, то с восклицательным знаком в конце… Короче говоря, код может иметь сотни вариантов, передающих самую сложную информацию актеру, находящемуся на сцене, от зрителей в зале… На наивного зрителя уже и этот прием производит сильное впечатление, и ему кажется, что он присутствует на демонстрации чудесного явления».

Подобные номера у иллюзионистов получили наименование «мнемотехники» (угадывания мыслей), и такие эстрадные выступления известны «на протяжении многих столетий». А.И. Китайгородский далее пишет: «Второй прием «телепатии» — идеомоторика. Разъяснение попытаюсь сделать на примере работы Мессинга, человека, который был, несомненно, талантлив, но для завлечения зрителей он своему искусству давал мистическое объяснение, да и лгал много…

Из зала приглашали зрителя. Ему присваивали имя «индуктор»

«Индуктору» предлагалось взять Мессинга за руку (прошу заметить — не Мессинг брал за руку «индуктора», а «индуктор» Мессинга). «Индуктору» поручалось выполнить некое задание, о котором Мессинг не знал. Он должен был мысленно диктовать Мессингу: «Сойдите со сцены, идите до пятого ряда, подойдите к такой-то даме, откройте сумочку, возьмите носовой платок» — или что-то другое в таком роде. При этом он сопровождал Мессинга до цели. Если человек настойчиво мысленно диктует, у него возникает соответствующее непроизвольное и едва заметное дрожание мышц (во всяком случае у девяти человек из десяти). Это и есть идеомоторика.

Мессинг предлагал завязать ему глаза — номер получался. Я же как-то предложил завязать глаза «индуктору». Мессинг отклонил это предложение. Ему было ясно, что ничего не получится, ибо «индуктор» не будет знать, где пятый ряд, где задуманная дама…

Подобные трюки можно делать даже тогда, когда «индуктор» не держит угадчика за руку. Если идти рядом, то ключ к решению задачи даст походка, дыхание «индуктора»… Экстрасенсы», которым некоторые наши журналы и газеты создали славу выдающихся людей, используют оба эти приема — ловкие трюки и идеомоторику».

Теперь приведем утверждение Президента Московской психотерапевтической академии М.И. Буянова, автора десятков книг, посвященных малоизвестным вопросам психологии и психиатрии: «После смерти Гитлера, Сталина, Брежнева, Андропова и т. д., но не при их жизни, появилось много самозванцев, уверявших, будто они общались с этими личностями, причем не вообще общались, а на оккультные темы. Доказательств эти аферисты, конечно, не приводили; все без исключения посетители Гитлера или Сталина аккуратно вносились в особые журналы, проверить которые проще простого.

Особенно много сообщают о якобы имевших место контактах некогда популярного эстрадного гипнотизера Вольфа Мессинга (1899–1974) со Сталиным. Все это чушь… Как всякий актер Мессинг любил напустить пыль в глаза, придумывать; существуют несколько взаимоисключающих друг друга биографий Мессинга; нет ни одного заслуживающего доверия свидетеля каких-то необыкновенных пророчеств артиста, все «пророчества» Мессинга известны только с его слов…»

«Каноническая» биография Мессинга, известная большой читательской аудитории, вышла в СССР в 1965 году, когда журнал «Наука и религия» с 7 по 11 номер публиковал его мемуары «О самом себе». В тот же период фрагменты этих

мемуаров под заголовком «Я — телепат» печатались в журнале «Смена», газете «Советская Россия» и ряде иных центральных и региональных изданий. Поток литературы, посвященной В. Мессингу, продолжает увеличиваться, но следует признать, что информационной базой для многочисленных публикаций продолжают оставаться мемуары «О самом себе».

Из них следует, что Вольф Гершикович Мессинг родился 10 сентября 1899 года в религиозной еврейской семье близ Варшавы [Góra Kalwaria]. В 11 лет он бежит из дома, оказывается в Берлине, где случайная встреча с профессором Абелем помогает мальчику открыть и развить свои необычные психические способности. По утверждению автора мемуаров, он способен читать мысли людей, умеет «внушить свою волю человеку, скажем, глядя ему в затылок. Или вовсе не глядя». Демонстрируя публике эти фантастические способности, Мессинг, по его утверждению, объездил с концертами множество стран по всему миру, был на короткой ноге с разными знаменитыми людьми, а с 1939 года стал проживать в Советском Союзе.

Показательно, что за несколько лет до появления мемуаров «О самом себе» Вольф Мессинг в интервью журналисту П. Орешкину дал откровенное и полностью материалистичное объяснение своим «психологическим опытам»: «…Это не чтение мыслей, а, если так можно выразиться, «чтение мускулов»… Когда человек напряженно думает о чем-либо, клетки головного мозга передают импульсы всем мышцам организма. Их движения, незаметные простому глазу, мною легко воспринимаются. Допустим, что, выполняя задание, я в какой-то момент совершаю ошибку. И тут же индуктор совершенно бессознательно, помимо своей воли, «сообщит» мне об этом. Его рука окажет неуловимое сопротивление, и нужно обладать большой чувствительностью, чтобы воспринять это…Я часто выполняю мысленные задания без непосредственного контакта с индуктором и даже с завязанными глазами. Здесь указателем мне может служить частота дыхания индуктора, биение его пульса, тембр голоса, характер походки и т. д. То, что мои глаза завязаны, больше всего действует на аудиторию. Мне же работать с завязанными глазами даже удобнее: я лучше сосредотачиваюсь. Такова в принципе моя методика «чтения мыслей».

Аналогичное объяснение эстрадным успехам В. Мессинга давал член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Д.А. Бирюков, который вскоре после окончания Великой Отечественной войны пригласил Мессинга в медицинский институт, которым руководил. Здесь артист демонстрировал перед студенческой аудиторией свое умение улавливать

идеомоторные акты собеседника. Д.А. Бирюков комментировал это выступление так: «Мессинг и некоторые другие разгадчики мыслей обладают способностью улавливать самые тончайшие идеомоторные акты, причем это не обязательно должно быть движение, это может быть только напряжение мышц… Мессинг берет индуктора, то есть лицо, которому поручено задание, за руку и все время ее держит. При этом Мессинг создает разными приемами нервную обстановку. Он и сам очень впечатлителен, обладает своеобразной внешностью, быстро движется по залу со своим индуктором; создаются условия, при которых идеомоторные реакции проявляются отчетливей».

В приведенном выше высказывании М.И. Буянова говорится, что существуют разные биографии Мессинга, исключающие друг друга.

Для начала рассмотрим некоторые аспекты его общеизвестной, «основной» биографии «О самом себе», а потом обратимся к другим вариантам жизнеописания «артиста оригинального жанра»

Исследователь В.Е. Львов, много лет специализировавшийся на изобличении «экстрасенсов в обмане зрителей и ученых, так отозвался о мемуарах Мессинга, помещенных в «Науке и религии»: «…Трудно причислить указанные мемуары к разряду анекдотов (сравнив их, скажем, с подвигами Хлестакова или с безобидными рассказами барона Мюнхгаузена). Слишком уж откровенно выражено здесь злоупотребление печатным словом, слишком цинично и развязно эксплуатируется доверие читателей. Слишком тяжелое впечатление оставляет вся эта коллекция оккультных басен, почему-то нашедшая приют на страницах печати».

В. Е. Львов пришел к такому уничижительному выводу, тщательно проверяя сведения из этих воспоминаний эстрадного телепата. Так, автор мемуаров сообщает, что в 1915 году во время своих выступлений в г. Вене он посетил квартиру Альберта Эйнштейна, где его «поразило обилие книг», и провел телепатический сеанс с Эйнштейном и со «знаменитым психологом Фрейдом». Прочтя мысленное задание Фрейда, Мессинг выщипнул три волоска из пышных усов Эйнштейна.

В.Е. Львов отыскал подробную биографию А. Эйнштейна, изданную Р. У. Кларком в 1971 году в Нью-Йорке, сравнил с «откровениями» Мессинга, после чего заключил: «Как давно установлено биографами Эйнштейна, он никогда не имел квартиры в Вене и в промежуток времени с 1913 по 1925 год вообще не приезжал в Вену. Кроме того, Эйнштейн никогда не

держал в своих квартирах «обилия книг» и говорил своим друзьям, что ему «достаточно нескольких справочников» и что он хранит у себя лишь «оттиски наиболее важных журнальных статей…»

В. Е. Львов, безусловно, прав в своем доказательном скептицизме, но нас интересуют иные случаи, описанные Мессингом, которые в основном и создали сенсационную славу его мемуарам. Таких эпизодов четыре:

1) Случай в поезде;
2) Побег от гитлеровцев из карцера полицейского участка;
3) Эксперимент в банке;
4) Эксперимент с преодолением тройного кольца охраны. Последние два эпизода связаны с именем И.В. Сталина

Рассмотрим все эти фантастические эпизоды объективно

1. Случай в поезде

В мемуарах Мессинг сообщает, как он сбежал из родительского дома и появился на железнодорожной станции. Нужно попросить у читателей извинения за обширные цитаты воспоминаний «эстрадного телепата» и других источников, но без этого не получится критического анализа столь «уникального» литературного произведения. «Я вошел в полупустой вагон первого попавшегося поезда. Оказалось потом, что он шел в Берлин. Залез под скамейку — билета у меня, конечно, не было… и заснул сном праведника. Было мне в ту ночь одиннадцать лет. Но на этом дело не закончилось. Случилось то, что неизбежно должно было случиться: в вагон вошел контролер. Он будил заснувших пассажиров и проверял билеты.

— Молодой человек, — у меня в ушах и сегодня еще звучит его голос, — твой билет…

Нервы мои были напряжены до предела. Я протянул руку и схватил какую-то валявшуюся на полу бумажку, кажется, обрывок газеты. Наши взгляды встретились. Всей силой чувств мне захотелось, чтобы он принял эту грязную бумажку за билет. Контролер взял ее, как-то странно повертел в руках. Я сжался, сжигаемый неистовым желанием. Он сунул газетный обрывок в тяжелые челюсти компостера и щелкнул ими. Протянув мне назад «билет», он по-добревшим голосом сказал:

— Зачем же ты с билетом — и под лавкой едешь? Вылезай!

Через два часа будем в Берлине…

Так впервые неожиданно появилась у меня способность внушения».

Член союза писателей России М.В. Михалков (родной брат Сергея Михалкова, автора Гимна СССР) в обширном интервью Комсомольской правде утверждал, что был хорошо знаком с В. Мессингом, который «в минуты откровения… рассказывал мне разные истории из своей жизни. Вот одна печальная, когда он, четырехлетний малыш, убил человека. Его послали в соседний город к бабушке, и двум старухам поручили за ним следить. Вольф был страшный шалун, и отец предупредил его, что если в вагоне он будет баловаться, войдет контролер и посадит его в мешок. Малыш, конечно, баловался, и старухи, беседуя, о нем забыли. Появился контролер. Мессинг испугался и выбежал в тамбур. Там спрятался в углу. Вошел контролер, осветил фонариком угол и спросил: «А ты что здесь делаешь, зайчик? Иди-ка в вагон», а сам повернулся и встал у двери. Малыш был так доволен, что его не посадили в мешок, что в шутку, по-детски, подумал: «Какой хороший дядя. Пусть он откроет ключом дверь и выпрыгнет из поезда». Контролер открыл дверь, выпрыгнул из вагона и разбился насмерть».

Легенды и мифы, как правило, искажаются от длительных пересказов, напоминая о принципе «испорченного телефона». Рассказ того же М.В. Михалкова о данном эпизоде был помещен двумя годами ранее в Комсомольской правде корреспондентами А. Павловым и С. Кузиной в следующей интерпретации: «Мне одному в минуту откровенности Мессинг рассказал, как он в возрасте четырех лет убил человека. Его по-слали в соседний город к бабушке в сопровождении двух старух. Ехали на поезде, провожатые задремали, маленький Вольф пошел погулять и в тамбуре натолкнулся на контролера. Тот в шутку потребовал билет. Впечатлительный мальчик от растерянности выхватил конфетный фантик и протянул его контролеру, страстно желая, чтобы это был билет. Контролер то ли в шутку, то ли всерьез прокомпостировал бумажку. Но власть над человеком так потрясла Мессинга, что он сразу захотел проверить свою силу еще раз. И не нашел ничего лучшего, как внушить ему, что поезд стоит и надо выйти на перрон. Контролер открыл дверь и разбился насмерть».

Приведенные цитаты позволяют любому вдумчивому читателю отнести «случай в поезде» к разряду вымышленных ситуаций. В.Е. Львов, посвятивший немало времени и сил развенчанию мемуаров Мессинга, прямо утверждает: «Телепатический железнодорожный заяц» — своего рода

блуждающий сюжет в парапсихическом фольклоре!»

2. Побег от гитлеровцев из карцера полицейского участка

Этот потрясающий воображение эпизод Мессинг приводит в первой главе мемуаров «О самом себе» в следующем изложении:

«Когда 1 сентября 1939 года бронированная немецкая армия перекатилась через границы панской Польши, я знал: оставаться на оккупированной немцами территории мне нельзя.

Голова моя была оценена в 200 000 марок. Ведь я еще в 1937 году на выступлении в одном из театров Варшавы в присутствии тысяч людей предсказал гибель Гитлера, если он повернет на Восток. Фашистский фюрер был чувствителен к такого рода предсказаниям и, вообще, к мистике всякого рода…

В дни оккупации Польши фашистскими захватчиками я жил в родном местечке у отца. Отсюда мне удалось бежать в Варшаву. Некоторое время я скрывался в подвале у одного торговца мясом.

Однажды вечером, когда я вышел на улицу, меня схватили. Офицер, остановивший меня, долго вглядывался мне в лицо, потом вынул из кармана обрывок бумаги с моим портретом. Я узнал афишу, которую расклеивали гитлеровцы по Варшаве о награде за мое обнаружение.

— Ты кто? — спросил офицер и больно дернул меня за длинные до плеч волосы

— Я художник…

— Врешь. Ты — Вольф Мессинг! Это ты предсказывал смерть нашему фюреру…

Он отступил на шаг назад, продолжая держать меня левой рукой за волосы. Затем нанес мне удар по челюсти. Это был удар большого мастера заплечных дел. Я выплюнул вместе с кровью шесть зубов… Сидя в карцере полицейского участка, я понял: или я уйду сейчас, или погиб. Я напряг все свои силы и заставил собраться у себя в камере тех полицейских, которые в это время были в помещении участка. Всех, включая начальника и того солдата, который должен был стоять на часах у выхода. Когда они, повинуясь моей воле, собрались в камере, я лежал совершенно неподвижно, как мертвый. Затем быстро встал и вышел в коридор. Мгновенно, пока они не опомнились, задвинул засов окованной железом двери. Теперь надо было спешить… Наконец, темной ноябрьской ночью впереди тускло блеснули холодные волны Западного Буга. Впереди был Советский Союз!»

В истории мировой криминалистики не зафиксировано случая, чтобы узник смог бежать от своих тюремщиков,

телепатически подчинив их своей воле. Поэтому возникает дилемма: случай с побегом Мессинга — единственный и неповторимый в своем роде, либо мы имеем дело с очередной выдумкой мемуариста, вроде вышеописанной встречи с Эйнштейном в Вене…

Ключевым пунктом возникновения этой фантастической ситуации является вопрос — знал ли вообще Гитлер о существовании «эстрадного телепата» Мессинга, выступавшего в цирках и балаганах довоенной Польши? По теме «Гитлер и третий рейх» опубликовано свыше 50 тысяч исследований, и число их продолжает множиться. Сейчас и в России появились книги, посвященные увлечению Гитлера и его окружения мистицизмом, однако необходимо критически относиться к достоверности содержащихся в них сведений. Эти источники составлены на основе газетно-журнальных публикаций ряда популярных изданий, среди которых есть оккультные газеты.

Вот что пишет, например, в предисловии к своей книге «оккультные тайны НКВД и СС» А.И. Первушин: «Целиком и полностью эта книга является компиляцией на указанную в заголовке тему. С самого начала я, не имея доступа к секретным архивам, старался ставить перед собой реальные задачи, то есть обращался только к открытым источникам». Среди названных источников А. И. Первушин широко цитирует мемуары Мессинга «О самом себе», не подвергая сомнению ни один их фрагмент.

Нам представляется, что серьезное исследование должно в первую очередь критически воспринимать сведения мемуаристов, подвергая тексты разносторонней проверке. Здесь не обойтись и без обращения к архивам, в которых можно отыскать недостающие связи и факты. В частности, для проверки версии «Гитлер знал о Мессинге» целесообразным представлялось обращение в Российский государственный военный архив, содержащий 857 фондов трофейных документов, куда входят фонды высших государственных органов Третьего рейха, таких, как Имперская канцелярия, министерств, управлений тайной полиции и государственной безопасности, а также личные фонды многих нацистских главарей и известных деятелей нацистского движения.

На мой запрос заместитель директора Российского государственного военного архива В.И. Коротаев в письме № 235 от 31 мая 2002 г. ответил, что в фондах хранилища не обнаружено никаких сведений об артисте Вольфе Мессинге.

Вторым этапом поисков информации на тему «Гитлер-Мессинг» было обращение к историку, доктору Рикарде Вульпиус, преподавателю Берлинского университета, которой я передал

свою просьбу о поиске информации с помощью доцента Р.Г. Султановой (г. Иркутск), хорошо знакомой с Вульпиус. Последняя вскоре сообщила: «К сожалению, я не смогла, несмотря на все мои усилия, ничего найти о Вольфе Мессинге. Я просмотрела наши каталоги в Берлинских библиотеках (между тем, охваченных и электронной формой), и не нашла ни единого намека на него».

Третьим этапом поисков было мое письменное обращение к директору государственного архива Федеративной Республики Германии. Вкратце сославшись на мемуары Мессинга (глава 1), я просил ответить:

> 1. Имеются ли документальные подтверждения, что Гитлер вообще знал о существовании эстрадного артиста Вольфа Мессинга, жившего в 30-х годах XX в. в Польше?
>
> 2. Имеются ли сведения, что Гитлер и его окружение распорядились после оккупации Польши в 1939 году поймать артиста-предсказателя Мессинга?

Вскоре сотрудник указанного архива господин Геттлихер прислал ответ от 7 февраля 2002 года, где говорилось: «Я благодарю Вас за Ваше послание от 18 января 2002 г. и сообщаю Вам, что после просмотра фондов, касающихся поисков по Вашему запросу, в архивах

> — Правительства Генерал-губернаторства (реестр 52)
>
> — Генерального губернаторства Польши (реестр 102)
>
> — Министерства иностранных дел (реестр 901)
>
> — Немецкого посольства в Москве (реестр 9215)
>
> — Канцелярии рейха (реестр 43)
>
> — Министерства рейха по народному просвещению и пропаганде (реестр 55)
>
> — Немецкого бюро известий (реестр 34)
>
> — Немецкого зарубежного научного института (реестр 4902)
>
> — Мест нахождения службы Розенберга, доверенного лица фюрера по надзору за всем интеллектуальным, мировоззренческим обучением и воспитанием немецкой социал-демократической рабочей партии (НС 15)
>
> — Руководства пропаганды рейха (НС 18)

к сожалению, не обнаружены никакие документы о реакциях Адольфа Гитлера в отношении публичного выступления Вольфа

Мессинга со своими парапсихологическими сеансами…»

Все изложенное служит подтверждением того, что Гитлер вообще никогда не слышал о Мессинге и тем более — никак не реагировал на выступления «эстрадного телепата». К тому же в довоенной Европе имелось множество астрологов, ясновидцев и прорицателей, которые на страницах разных периодических изданий постоянно делали взаимоисключающие прогнозы, обсуждая перспективы политического курса Гитлера. Вождь Третьего рейха просто физически был бы не в состоянии прочесть весь этот объем оккультных выдумок лиц, кормящихся за счет суеверия обывателей.

Теперь возникает другой вопрос — а был ли Вольф Мессинг вообще известен в довоенной Польше, как «эстрадный телепат» или человек, обладающий необыкновенными парапсихическими способностями? Имел ли место факт распространения в оккупированной немцами Варшаве розыскных плакатов с изображением Мессинга?

Мое обращение в редакцию авторитетного журнала «Новая Польша» успехов не принесло. Заместитель главного редактора Е.Редлих сообщил, что никаких сведений о «ясновидце» Вольфе Мессинге в довоенной Польше обнаружить не удалось.

Автор обратился за помощью к сотрудникам посольства Республики Польша в Российской Федерации. Руководитель отдела культуры и науки посольства, госпожа Эльжбета Щепаньска-Домбровска адресовала перечень вопросов автора директору департамента международного сотрудничества министерства культуры Республики Польша. Руководитель отдела научной информации национальной библиотеки Польши, доктор Мирослава Зыгмунт написала: «Отвечая на письмо, переданное нам министерством культуры, сообщаем следующее:

1. Мы просмотрели шесть журналов междувоенного периода, занимавшихся парапсихологией, оккультизмом, тайными знаниями — «Обэим», «Подсолнечники», «Мир духа», «Мир сверхчувственный (не постигаемый чувствами)», «Духовные Знания», «Свет». Ни в одном из них не появлялась фамилия Вольф Мессинг, хотя упоминались другие, известные в то время ясновидцы.

2. Также «Библиография Варшавы. Издания за 1921–1939 гг.» не упоминает ни одной статьи на тему В. Мессинга.

3. В книге Юзефа Свитковского «Оккультизм и магия в свете парапсихологии» (Краков, 1990. Перепечатка книги изданной редакцией ежемесячного журнала «Лотос» во Львове в 1939 г.) также не появляется фамилия В. Мессинга. Автор описывает

гороскоп Маршалка Юзефа Пилсудского, но просчитанный и нарисованный другим ясновидцем — Ю.Старжэ Дзежбицким. Юзеф Свитковский был выдающимся польским парапсихологом, проводил собственные исследования во Львовском университете, собрал и описал деятельность многих медиумов, телепатов, польских и иностранных ясновидцев.

4. Из содержания вышеперечисленных работ можно сделать вывод, что В.Мессинг не был в Польше широко известным и признанным медиумом. В междувоенный период было очень много «чародеев», магов, прорицателей, выступающих на многочисленных встречах и в цирках, но они всерьез не воспринимались в среде парапсихологов, поэтому их деятельность не была описана.

5. В доступных изданиях, афишах, проскрипционных немецких письмах, а также в «Подробной книге Слежки (Наблюдений) в Польше» — Sonderfahndungsbuch Polen, изданной криминальной полицией в июне 1940 г., фамилия В. Мессинг также не упоминается.

6. В настоящее время в Польше растет интерес к явлениям парапсихологии; издаются журналы с этой тематикой. В журнале «Неизвестный мир», 2003 г., № 2 появилась статья М. Худзиньского «Ясновидец Сталина», посвященная В. Мессингу. Автор представляет его биографию междувоенного периода, но это — дословные цитаты из воспоминаний Мессинга, которые последний поместил в упомянутом Вами журнале «Наука и религия». В статье нет ссылок ни на один источник с 1921 по 1939 гг. Также «Нострадамус: провидение и будущее» Алана Хала (Перевод Романа Палкевича, Катовице, 2000) цитирует фрагменты из воспоминаний В.Мессинга».

Отсюда вытекает, что польские специалисты не смогли обнаружить никаких документальных подтверждений существования в довоенный период Мессинга — известного парапсихолога (или известного артиста), никаких гонений гитлеровцы на него не устраивали, а недавние публикации о Сталине и Мессинге просто переписаны из мемуаров последнего, без всякой критической оценки этой информации.

Остальные два сенсационных эпизода мемуаров Мессинга — «эксперимент в банке» и «эксперимент с преодолением тройного кольца охраны» связаны с именем Сталина.

Изучим их подробнее

По утверждению Мессинга, в 1940 году, когда он выступал на одной из клубных сцен Гомеля, его увезли с собой двое человек, доставили в какое-то помещение, где для беседы с артистом появился Сталин. Последнего «интересовало положение в

Польше, мои встречи с Пилсудским и другими руководителями Речи Посполитой… Со Сталиным я встречался и позже. Вероятно, по его поручению были всесторонне проверены мои способности. Помню такой случай. Мне предложили получить сто тысяч рублей в Госбанке по чистому бланку. Я подошел к кассиру, сунул ему вырванный из школьной тетради листок. Раскрыл чемодан, поставил у окошечка на барьер. Пожилой кассир посмотрел на бумажку. Раскрыл кассу. Отсчитал сто тысяч… Для меня это было лишь повторением того случая с кондуктором, когда я мальчишкой ехал в Берлин. Закрыв чемодан, я отошел. Присутствовавшие в зале свидетели подписали акт о проведенном опыте. Затем с тем же чемоданчиком я вернулся к кассиру.

Он взглянул на меня, перевел взгляд на чистый тетрадный листок, насаженный им на один гвоздик с погашенными чеками, на чемодан, из которого я начал вынимать нераспечатанные пачки денег… и откинулся на спинку стула… Инфаркт! К счастью, он выздоровел.

Другое задание состояло в том, чтобы выйти без пропуска из кабинета одного высокопоставленного лица. Я свободно прошел через три ряда охранников, заранее предупрежденных о том, чтобы меня не выпускать. Я выполнил задание без труда. Уйти из карцера в полицейском участке было куда сложнее».

Получается, что И.В. Сталин не нашел лучшего источника информации о жизни в Польше, чем беглого «эстрадного телепата», который всегда был далек от политики. Небезынтересно, что будущий президент Польши Пилсудский и его брат фигурировали на судебном процессе 1 марта 1887 года вместе со старшим братом Ленина Александром Ульяновым (покушение на царя Александра III).

Пилсудский и Ульянов принадлежали к одной организации и готовили одно покушение. То есть, Пилсудского и Ленина в те годы сближало общее семейное революционное прошлое… Обращает на себя внимание и уклончивость Мессинга: он не утверждает, что Сталин являлся инициатором проверки его «способностей», а лишь предполагает это, употребляя слово «вероятно». Он ничего не сообщает про обстоятельства своих дальнейших встреч со Сталиным, позволяя читателям домысливать все, что угодно.

И домыслы, конечно, появились. Историк В. А. Торчинов и кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского университета А. М. Леонтюк издали книгу «Вокруг Сталина: историко-биографический справочник». Среди 850 статей, посвященных разным персонам в окружении Сталина, есть и

биография В. Мессинга, в основу которой без всякой критической оценки положены те же мемуары «О самом себе». Эпизод с преодолением рядов охранников выглядит так: «…По поручению Сталина в Москве проверку его (Мессинга — Н.К.) способностей проводил сам Берия. Именно в его кабинет, минуя многочисленную охрану, вошел без пропуска Мессинг».

В библиографической сноске авторы указали, что мемуары Мессинга опубликованы в журнале «Наука и религия» (1987 год №№ 5, 7, 8, 10), хотя на самом деле выходили они в 1965 году (№ № 7–11).

Причина такой авторской небрежности нам неведома

Журналист М.В. Михалков, на которого мы уже ссылались выше, данный эпизод описывает иначе: «Сталин долго беседовал с ним (Мессингом — Н.К.), потом в шутку спросил: «А вы, товарищ Мессинг, сможете выйти из Кремля, если я не подпишу ваш пропуск и вдобавок предупрежу охрану?…» Через некоторое время Мессинг стоял через дорогу от Кремля, как раз напротив сталинского кабинета. Вождь махнул ему рукой: «Давай обратно!»

«Все просто — пояснил Мессинг по возвращении, — шагая по коридору, я посылал вперед электробиологические волны и внушал охране, что идет генерал, которого надо свободно пропустить. И меня пропустили».

Журналист Ольга Скибинская, которая взяла это обширное интервью у М.В. Михалкова, заметила в самом начале: «Поверить в то, что рассказывает Михалков-младший, почти невозможно. Не поверить — можно ненароком обидеть заслуженного человека».

Для определенного вывода о правдивости рассказов М.В. Михалкова о его встречах с В. Мессингом достаточно подвергнуть анализу тексты интервью этого «заслуженного человека». М.В. Михалков родился в 1922 году. Вот фрагменты его автобиографии: «После получения аттестата зрелости меня приняли в пограншколу НКВД, так как я отлично знал немецкий язык. Окончил я ее в 18 лет и получил направление в город Измаил. Бои… окружение… фашистский лагерь. Потом побег, расстрел… Снова лагерь, снова побег и снова расстрел. Как видите, я остался жив… Мне довелось выдавать себя за офицера эсэсовской дивизии «Мертвая голова», потом «служить» в танковой дивизии СС, немецкой разведшколе в Познани… 25 февраля 1945 года с приближением Красной Армии немецкая разведшкола снялась и заняла оборонные рубежи… Во время боя я, зная пароль, перешел линию фронта к нашим…»

Нетрудно подсчитать, что М.В. Михалков окончил школу пограничников в 1940 году, а в начале Великой Отечественной войны попал в плен. Но вот та же журналистка О. Скибинская

задает М. В. Михалкову вопрос: «Это правда, что от КГБ вы курировали известного мага и гипнотизера Вольфа Мессинга?» И тот без смущения заявляет: «Правда».

Скибинская задает новый вопрос: «А использовались ли способности Мессинга спецслужбами СССР?» На это «компетентный» М.В. Михалков отвечает так: «Однажды мы с ним (Мессингом — Н.К.) приехали в одно из военных училищ, где готовили будущих разведчиков. Мессинг побеседовал с одним курсантом и потом посоветовал генералу: «Надо проверить парня в экстремальных условиях…» Потом Мессинг побеседовал с другим курсантом. «А этот молодой человек очень своеобразный. У него аналитический ум, отличная память, волевой характер, но его главное качество — высочайшее самообладание. В экстремальной ситуации он в долю секунды сможет найти единственный правильный выход и этим избежит смертельной опасности…» Этим курсантом был будущий легендарный разведчик Николай Кузнецов».

Из этого текста следует, что 18-летний выпускник погранШколы НКВД М. Михалков был в доверительных отношениях с Мессингом еще до начала (!) Великой Отечественной войны. Причем каким-то загадочным образом юный Михалков и лицо, еще не получившее советского гражданства, — Мессинг, — удостоились чести тестировать будущих разведчиков в секретной школе! Но главное не это. М.В. Михалков в интервью «Комсомольской правде» признается: «… После войны, когда узнал, что Мессинг гастролирует в Москве со своими «психологическими опытами», мне захотелось познакомиться с ним лично, что вскоре и произошло. Я тогда очень интересовался гипнозом, телепатией и йогой и хотел, чтобы Мессинг помог мне разобраться в моей военной судьбе, объяснил, как мне удалось преодолеть казалось бы, непреодолимые трудности».

Выходит, не было никакого «курирования» Мессинга от органов КГБ, а имел место живой интерес «частного лица» — Михалкова к эстрадному «телепату». И не мог Михалков до войны инспектировать с Мессингом разведшколу, хотя бы потому, что он еще не успел на тот период с ним познакомиться. И не мог Михалков присутствовать при тестировании Николая Ивановича Кузнецова Мессингом: Кузнецов погиб в 1944 году, за ряд лет до того, как Михалков первый раз пришел на сеанс Мессинга…

Налицо вариант «встречи с Эйнштейном» в 1915 году, которой, как мы показали, вовсе не было

Мессинг и Михалков не могли вообще встречаться в спецшколе с Н. Кузнецовым, потому что последний никогда там

не обучался. Николай Иванович Кузнецов стал секретным сотрудником окружного отдела ОГПУ Коми-Пермяцкого автономного национального округа когда М.Михалкову было всего десять лет…10 июня 1932 года Кузнецову был присвоен кодовый псевдоним «Кулик», затем после переезда в Свердловск Кузнецов в 1934 году стал «Ученым», а в 1937 году — «Колонистом». С 1939 года Кузнецов переезжает в Москву, где начинает работать в Главном управлении госбезопасности НКВД СССР.

Один из руководителей советской контрразведки в те годы, генерал-лейтенант Л.Ф. Райхман вспоминал: «…Идеальным вариантом, конечно, было бы направить его (Кузнецова — Н. К.) на учебу в нашу школу… Но мешали два обстоятельства. Во-первых, учеба в нашей школе, как и в обычном военном училище, занимала продолжительное время, а нам нужен был работник, который приступил бы к работе немедленно, как того требовала сложившаяся оперативная обстановка. Второе обстоятельство — несколько щепетильного свойства… У Кузнецова в прошлом — сомнительное социальное происхождение, по некоторым сведениям отец то ли кулак, то ли белогвардеец, исключение из комсомола, судимость, наконец… В конце концов мы оформили Кузнецова как особо засекреченного спецагента с окладом содержания по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. Случай почти уникальный в нашей практике, я, во всяком случае, такого второго не припоминаю»

Автор превосходной документальной книги о Н.И. Кузнецове писатель Т.К. Гладков удостоен за эту работу премии разведки РФ. Он использовал в ней множество до сих пор закрытых материалов спецслужб России. На мое письмо Т. К. Гладков ответил, что лично знаком с М.В. Михалковым, который «разведчиком никогда не был, никого в спецшколах НКВД не инспектировал». Так что и эти утверждения о Мессинге при проверке оказались надуманными.

Прежде чем ответить на вопрос — заставляли ли Сталин и Берия Вольфа Мессинга демонстрировать необычные способности телепата, рассмотрим описанный «случай в банке» с позиций профессионалов банковского дела. Журналист К. Невский, изучивший мемуары «О самом себе», обратился к компетентным специалистам — управляющему Харьковской областной конторой Госбанка А.П. Найдену, главному кассиру указанной конторы В.Д. Босотону и главному ревизору Я.М. Прядку с просьбой прокомментировать утверждение Мессинга о получении ста тысяч рублей в банке. Вместо ответа трое опытных специалистов просто рассказали, как получают деньги в государственном банке (этот

порядок существовал и во времена, описанные Мессингом): «Чек подают бухгалтеру, у которого никаких денег нет. Потом этот документ проходит уже внутренними каналами банка. Чек проверяют ревизоры, если сумма велика, то их не меньше двух. Дальше оформленный чек поступает к кассиру, который готовит документы, отсчитывает деньги и лишь потом вызывает клиента. Он (кассир) спрашивает у клиента его фамилию, какую сумму денег он должен получить и другие сведения (для какой организации и т. п.). Таков порядок».

Этапы этого оформления чека, конечно, не были известны автору мемуаров «О самом себе»

Поэтому в его изложении предполагаемый им процесс получения денег в Госбанке выглядит столь просто (и совершенно неправильно). Об этом пишет и доктор медицинских наук В.М. Блейхер, который на мое уточняющее письмо ответил так: «Нет никаких научно обоснованных данных, подтверждающих сверхъестественные способности артиста В. Г. Мессинга. Все его номера в «Психологических опытах» основаны только на улавливании идеомоторных реакций партнера из зрительного зала…»

Тема предполагаемых контактов «эстрадного телепата» Мессинга с такими советскими руководителями как И.В. Сталин и Л.П. Берия не могла успешно разрабатываться без обращения к соответствующим архивным источникам. Вот что ответил мне начальник отдела архивного государственного департамента республики Грузия Ф. Данелия: «В государственных архивах Грузии нет документов, подтверждающих встречу И.В. Сталина с артистом В.Г. Мессингом в 1940–1953 гг. Их нет и в бывшем партийном архиве Грузии (ныне — архив Президента Грузии). Советуем обратиться в Москву, в архив КГБ или Центральный партийный архив». Заместитель начальника Центрального архива ФСБ РФ А.П. Черепков сообщил: «В Центральном архиве ФСБ России сведений о встречах и контактах Мессинга В.Г. со Сталиным И.В. и Берией Л.П. не имеется»

Как выяснилось, архив ЦК КПСС переименован в Российский государственный архив социально-политической истории (Москва, ул. Большая Дмитровка, 15). Здесь, в частности, хранятся документы, зафиксировавшие ежедневные встречи Сталина с посетителями. Директор архива К.М. Андерсон ответил мне так: «Российский государственный архив социально-политической истории сведениями о встречах и контактах И.В. Сталина с Вольфом Мессингом не располагает. В журнале «Исторический архив» (1994, № 6; 1995, №№ 2, 3, 4, 5–6; 1996, № № 2, 3, 4, 5–6; 1997, № 1) публиковались записи лиц, принятых

И.В.Сталиным в его кремлевском кабинете. Данные о приеме Вольфа Мессинга в журнале отсутствуют».

В мемуарах Мессинга и кинофильмах о нем фигурирует телеграмма от имени И.В. Сталина. Здесь речь идет не о личных контактах, а лишь о стандартной форме благодарности вождя в отношении «правильного поведения» советских людей. Так, миллионы граждан СССР в годы Великой Отечественной войны вносили в фонд обороны свои личные пожертвования (нередко, весьма значительные). Например, на деньги В. Г. Мессинга было построено два истребителя, участвовавшие в боях с немцами. Телеграмма за подписью И. В Сталина, адресованная В.Г. Месингу, была стандартным проявлением такого «высочайшего» одобрения, а самих подобных телеграмм и благодарностей с факсимильной подписью Сталина было огромное количество.

Директор Российского государственного архива социально-политической истории К.М. Андерсон сообщил автору, что в его архиве «хранится очень большая коллекция документов, писем и телеграмм советских и зарубежных граждан об их пожертвованиях в Фонд обороны СССР в 1942–1945 гг. и ответы И. В. Сталина на них. Однако среди документов нет обобщающих сведений о количестве писем по регионам и механизме ответов И.В. Сталина на эти письма».

Нет ничего удивительного в том, что легенда о контактах Мессинга со Сталиным не выдержала документальной проверки

Подобных легенд немало и в отношении гораздо более известных людей, например, о создателе советской атомной бомбы, трижды Герое Социалистического труда, академике И.В. Курчатове. Но вот что сообщают ученые-историки Рой и Жорес Медведевы, авторы многочисленных книг, посвященных Сталину: «Частых встреч Курчатова и Сталина, о которых иногда пишут, не было… В действительности же Курчатов приглашался к Сталину только два раза — 25 января 1946 года и 9 января 1947 года».

Можно обоснованно предположить, что если бы В. Мессинг, проживавший после побега из Польши на территории Белоруссии, действительно привлек к себе внимание советских спецслужб (увезен из Гомеля на встречу со Сталиным, как утверждает артист в своих мемуарах), то в соответствующих архивах об этом должны сохраниться упоминания. На запрос автора ответил начальник Центрального архива КГБ республики Беларусь Л.В. Пименов: «Сведений в отношении Мессинга Вольфа Гершиковича, 1899 года рождения, уроженца местечка Гора Кальвария, в Центральном архиве КГБ республики Беларусь, а также в Национальном архиве республики Беларусь не имеется».

В 90-х годах XX в. российские архивы допустили исследователей в значительную часть своих фондов, ранее закрытых для ученых. Стали доступными и тетради, в которых скрупулезно регистрировались посетители сталинского кабинета с 1927 по 1953 год. Теперь нетрудно убедиться, что многие авторы, сообщавшие о встречах Сталина с тем или иным человеком, либо добросовестно заблуждались, либо лгали — таких встреч вообще не было, как это произошло с проверкой эпизодов «Сталин — Мессинг».

Таким образом, можно считать несостоятельными все главные эпизоды мемуаров Мессинга, на проверку оказавшиеся вымыслом. И здесь необходимо упомянуть документальную повесть И. Шенфельда «Раввин с Горы Кальвария или загадка Вольфа Мессинга». Произведение опубликовано в 1989 году в журнале «Грани» (№№ 153 и 154), издаваемом на русском языке во Франфурте на Майне.

В краткой биографической справке об авторе сообщалось:

> «Шенфельд Игнатий, род. в 1915 году во Львове. Там же окончил филфак университета. Печататься начал в 1935 г. как поэт и переводчик. В 1941 г. оказался в Ташкенте, а в январе 1943 г. был арестован по фантастическому доносу и решением ОСО был приговорен к 10 годам заключения. В ходе этого «хождения по мукам» — по тюрьмам и лагерям архипелага ГУЛАГа — он встретил и сблизился со многими репрессированными писателями и людьми необычайных и трагических судеб. В 1956 г., после отбытия еще и трехлетней ссылки, возвратился в Польшу, где занялся интенсивной издательской, переводческой и литературной деятельностью. В 1969 г. эмигрировал. С 1971 г. живет в Западной Германии и занимается литературоведением. Автор большого числа публикаций в русских изданиях эмиграции, включая «Грани»

Исследование Шенфельда посвящено изучению настоящего жизненного пути Вольфа Мессинга. Автор превосходно знает то, о чем пишет: еще в 30-х годах минувшего столетия он был знаком с ремеслом Мессинга по объявлению в одной из варшавских бульварных газет: «Вольф Мессинг, раввин с Горы Кальвария, ученый каббалист и ясновидец, раскрывает прошлое, предсказывает будущее, определяет характер».

Гора Кальвария — местечко примерно в 40 километрах к югу

от Варшавы, где был развит хасидизм, религиозно-мистическое движение бедных еврейских масс. Незадолго до Второй мировой войны И. Шенфельд посетил Гору Кальвария, где услышал от знакомого такую характеристику В. Мессинга: «Вольф приезжает из Варшавы к отцу и братьям. Это бедные и скромные люди, но всеми уважаемые. А его одни считают дешевым шарлатаном, другие — мешугене, помешанным чудаком, но безвредным. Наши евреи избегают самозванцев, в особенности если у них странные источники доходов. Гадальщик, прорицатель — это не занятие для еврея».

Шенфельд сообщает, что в 1941 году он оказался в Ташкенте, где стал проживать и Мессинг, успешно гастролировавший с «психологическими опытами». В начале 1943 года оба они оказались в одной камере внутренней тюрьмы НКВД Узбекистана — на них донес некий Абрам Калинский, агент НКВД, который «был специалистом по беженцам из Польши. Он их сперва обирал, скупая у них последние ценные вещи, а затем доносил на них органам».

Шенфельд вспоминает: «Так начались наши разговоры, разговоры двух евреев, которых посетило одинаковое горе… Я говорил мало, а молчаливый и недоверчивый до того Мессинг вдруг стал словоохотлив… Может быть, он думал, что настали его последние дни и ему надо было вспомнить всю свою жизнь? А может быть, у него теплилась надежда, что я вдруг останусь в живых и расскажу когда-то где-то о его судьбе…»

Настоящая биография Мессинга разительно отличалась от той фантастической жизни, изложенной в мемуарах «О самом себе»

С юности Вольф выступал в бродячих цирках Польши (номера иллюзионистов). Когда стал взрослым — освоил трюки эстрадной телепатии, в том числе «так называемые «контакты через руку», где при сноровке и соответственном предрасположении можно добиться удивительных успехов».

После нападения Гитлера на Польшу Мессинг без особого труда перебрался в СССР. Здесь он начал выступать с демонстрацией «чтения мыслей», сначала в составе агитационных бригад, а затем с индивидуальными поездками от Госконцерта. Массовый зритель к этим концертам испытывал значительный интерес, что льстило беглому артисту, который признавался: «Я быстро научился ничему не удивляться. А главное — не показывать своего невежества. Если я чего-то не знал или не понимал, я помалкивал и многозначительно улыбался. Всем хотелось знать, как меня принимали на Западе в столицах и других больших городах, что писала обо мне пресса. Прямо я

врать не хотел, а вертел вокруг да около. Да ведь они и не поверили бы, что я до сих пор кроме Польши нигде не был…»

Шенфельд сообщает, что Мессинга вскоре освободили, и он продолжал выступать с концертами, а Шенфельда осудили к 10 годам лишения свободы «за шпионаж». Для проверки объективности мемуаров Шенфельда я обратился в Генеральную прокуратуру Республики Узбекистан, попросив сообщить сведения о его аресте и осуждении. Все сведения, сообщенные Шенфельдом о себе в мемуарах, нашли подтверждение. Начальник отдела по надзо-ру за соблюдением законов в органах службы национальной безопасности Е.Т. Агзамходжаев сообщил, что изучил материалы данного архивного уголовного дела.

> «Установлено, что Шенфельд Игнатий Нотанович,[2] 1915 года рождения, уроженец г. Львова, образование высшее, холост, до ареста 28 января 1943 года работавший экспедитором эвакогоспиталя № 1977 на ст. Бараш, Южно-Казахстанской области, постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 16 августа 1943 года признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.57–1 Узбекской ССР — шпионаж (в редакции 1926 года) и осужден к 10 годам лишения свободы.

На основании протеста военной прокуратуры Туркестанского военного округа от 15 октября 1966 года, определением военного трибунала Турк ВО от 4 ноября 1966 года постановление Особого совещания при НКВД СССР от 16 августа 1943 года в отношении Шенфельда Игнатия Нотановича было отменено, а уголовное дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, то есть он реабилитирован по данному уголовному делу».

В своей документальной повести-исследовании[3] Игнатий Шенфельд;[4] стремится к максимальной объективности изложения фактов, в отношении себя и других лиц. О Мессинге он сообщает, что хотя слава «чтеца мыслей» ему льстила, «сам он ее не добивался и не участвовал в создании вокруг себя легенд… О своем скудном прошлом он не распространялся и, естественно, не был заинтересован, чтобы в нем копались»69.

К этим утверждениям надо отнестись критически: после выхода в свет «Мемуаров» В. Мессинг в многочисленных интервью подтверждал достоверность своего жизнеописания. Так, в 1971 году во время гастролей по Читинской области Мессинг заявил журналисту: «Эйнштейн — необыкновенный человек. Он первым сказал, что я буду «вундерманом». Я прожил у него в доме

несколько месяцев…»

Как уже говорилось выше, Эйнштейн с Мессингом вообще не встречался и в период с 1913 г. по 1925 г. в г. Вене не проживал. Текст мемуаров обязывал Мессинга удостоверять подлинность описываемых в них событий, несмотря на закономерные скептические вопросы, которых возникало немало.

И. Шенфельд называет настоящего автора мемуаров «О самом себе»

«Михаил Васильевич Хвастунов, писавший под псевдонимом «М. Васильев» и известный в Москве как «Михвас», был видным журналистом и ловким «популяризатором» в разнообразных отраслях науки. Он выпустил большую серию «Человек и Вселенная». С Вольфом Мессингом же он встретился, когда составлял брошюру «Человек наедине с собой»… Хвастунов сообразил, каким бестселлером могла бы стать книга Мессинга «О самом себе». Но поскольку Мессинг был полуграмотен, а в русском языке более, чем слаб, был заключен договор, по которому Хвастунов выговорил себе восемьдесят процентов всех гонораров за «литературную обработку» материала (!).

Он затворился с Мессингом в своей подмосковной даче и там в течение недели пытался выжать из того хоть какие-нибудь мало-мальски сенсационные воспоминания. Но воспоминания Мессинга, как мы знаем, вовсе не соответствовали его всесоюзной славе и ходившим о нем легендам. Надо было изобрести новую биографию о блистательной карьере, которая началась… как у Геракла, чуть ли не с пеленок — благо ремесло фальсификации биографий для знатных особ в Советском Союзе широко распространено.

И вот Михвас стряпает невероятный комикс под названием «Вольф Мессинг: «О самом себе». Вся жизнь Мессинга представлена там как вереница чудесных и чреватых последствиями встреч… Ко всему этому стоит добавить, что Михвас иностранных языков не знал, на Западе никогда не был и специфика тамошней политической и общественной жизни была ему неизвестна, правдоподобно же фантазировать он не сумел. Все произведение было состряпано в стиле, «как это себе представляет маленький Вася». Читателей Михвас, по-видимому, считал идиотами, которые примут все за чистую монету; о редакторах советской печати он такого же мнения. Чтобы придать «воспоминаниям» Мессинга вес, Михвас нашпиговал их псевдонаучными вставками из своих же брошюр. Этим должно было быть создано впечатление, что автор воспоминаний глубоко ученый человек и знает, что говорит, когда рассуждает о психологии, психоанализе, магнетизме, гипнозе, оккультизме…

Это также, что не менее важно, увеличивало количество печатных листов».

Подтверждение процитированным фрагментам исследования И. Шенфельда можно найти в открытой печати. Известный журналист Ярослав Голованов сообщал: «…Мой учитель Михвас — зав. отделом науки «Комсомолки» М.В. Хвастунов — в 60-х годах написал книжку о знаменитом Вольфе Мессинге, разъезжавшем по стране с концертами, которые обозначались на афишах как «Психологические опыты».

На мое письмо с уточняющими вопросами, Я.К. Голованов ответил: «В обществе Мессинга я провел один вечер, где и состоялись разговоры, описанные в Комсомольской правде 30 июля 1989 года. Больше я его никогда не видел, так что информатор из меня никудышный».

О работе «Михваса» в 1965 году над мемуарами Мессинга писала и дочь этого журналиста Наталья Хвастунова. О том, что никаких вариантов собственноручной автобиографии Мессинга не имелось мне сообщила его ассистент (1961–1974 гг.) В.И. Ивановская, отметив: «…Вы — единственный человек, который интересуется архивом Вольфа Григорьевича, или, по паспорту, — Гершиковича, — Мессинга после его смерти. Обычно интересовались его бриллиантами… Насчет архива Вольфа Григорьевича могу сказать, что рукописей у него не было… Если называть архивом газеты, журналы, фотографии, афиши, грамоты за шефские выступления, письма с просьбой о лечении, то это хранится у меня в папках…»

После выхода в свет мемуаров «О самом себе» разные профессионалы обратили внимание на неправдоподобность изложенного и путаницу в научных терминах

Специалист по чтению идеомоторных актов В.С. Матвеев, встречавшийся с Мессингом, отметил в этих мемуарах «совершеннейший произвол в употреблении научных понятий гипноза, внушения и мысленного внушения (телепатии), беспрецедентное в советской литературе самоутверждение своей собственной личности и своих редчайших способностей»

В то же время В.С. Матвеев отметил, что Мессинг ни разу не продемонстрировал ни одного из тех фантастических трюков, что описаны в его мемуарах, ни разу не согласился на обследование его «дара» учеными. Сам Валентин Степанович по окончании в 1948 г. Уральского университета работал учителем, а с 1952 г. более тридцати лет преподавал на кафедре педагогики и психологии Уральского государственного университета, читал курсы логики, педагогики, эстетики, физиологии высшей нервной деятельности, занимался научными изысканиями.

С 50-х годов минувшего столетия В.С. Матвеев прочел сотни лекций по теме «разоблачение предрассудков о возможности чтения мыслей на расстоянии». Каждая лекция сопровождалась демонстрацией двух-трех экспериментов с разными индукторами, после чего В.С. Матвеев пришел к выводу, что опыт с «чтением мыслей» может быть удачно проведен всегда, с любым психически нормальным человеком, добросовестно старающимся думать только о загаданном действии.

В своей работе он отмечает: «…Автору настоящей книги на опытах с сотнями людей довелось убедиться, что независимо от возраста, пола, профессии, независимо даже от языка, на котором думает индуктор, каждый человек обнаруживает достаточно выраженные для успешного проведения опытов идеомоторные движения. Опыт не удается или удается с трудом лишь в тех случаях, когда индуктор находится в состоянии опьянения или сосредоточивает внимание на своих движениях, сознательно задерживая идеомоторные акты, но в этих последних случаях нарушается условие опыта — сосредоточение мысли только на приказании экспериментатору о выполнении задуманных действий»

В другой своей книге, выпущенной издательством Уральского университета, В.С. Матвеев подробно рассказывает о своей встрече с В.Г. Мессингом, категорически отказавшемся демонстрировать не чтение идеомоторных актов, а «классическую телепатию», приводит примеры ошибок и мистификаций со стороны В. Мессинга, а также описывает свои успешные опыты по обучению школьников тем же эстрадным номерам, с которыми Мессинг выступал по стране.

В.С. Матвеев отмечает: «Профессиональные артисты-экспериментаторы… нередко прибегают к специальным приемам, чтобы воздействовать на чувства индуктора и вызвать у него идеомоторные движения в яркой форме. Так, В. Мессинг, например, во время опытов проявляет излишнюю суетливость, руки его дрожат, дыхание делается тяжелым, иногда он позволяет себе раздраженно покрикивать на индуктора: «Думайте! Думайте! Вы совсем не думаете!» Все это приводит индуктора в состояние столь большой взволнованности, что он, не осознавая этого, чуть не силой ведет экспериментатора… в соответствии со своим мысленным приказанием».

Аналогичную картину наблюдал на выступлениях В. Мессинга академик Ю.Б. Кобзарев: «Я был на его сеансах, наблюдая за особенно трудными — даже для Мессинга — опытами, когда идущий сзади человек направлял его движение без какого-либо сенсорного контакта. Он страшно нервничал, на

лице была написана мука. Резко бросался из стороны в сторону, влево, вправо, все время сердясь на идущего сзади: «Вы плохо представляете, куда я должен идти! Вы плохо меня направляете, вы не думаете об этом! Вы должны ясно представить себе, как я иду в нужном вам направлении. Тогда я восприму ваш образ.» В конце концов индуктор как-то обучался, и Мессинг шел туда, куда надо»

Кандидат медицинских наук Г.М. Екелова заметила: «Факты, приведенные Мессингом, можно разделить на две категории. К первой принадлежат те, которые легко объясняются современной наукой о мозге, например, почти весь раздел о гипнозе. К другой — свидетельства о загадочных явлениях человеческой психики. Но факты второй категории имеют особый характер — они все без исключения маловероятны. Их описания не отвечают самым элементарным требованиям, которые предъявляются к научным фактам»

Г.М. Екелова дипломатично не называет автора мемуаров лжецом, а прибегает к медицинской терминологии: «Как психиатр, я не могу не обратить внимания на некоторые несоответствия в рассказе Мессинга. Отдельные детали, безусловно, могли появиться лишь в воображении автора, но он твердо уверен, что это было в жизни. Псевдология — так называется это явление — наблюдается у многих людей… Кроме того, Вольф Мессинг в своем очерке сплошь и рядом старается вещи, сравнительно простые и ясные, обернуть покровом загадочности и таинственности».

И. Шенфельд показывает, как литературное создание М.В. Хвастунова, оформленное в виде мемуаров Мессинга, получило неожиданную новую жизнь за рубежом

В середине 60-х годов минувшего столетия специалисты ряда институтов на Западе, особенно в США, стали утверждать, что советское правительство уделяет значительное внимание разработке телепатической связи, с помощью которой в перспективе возможно наладить связь с экипажами подводных лодок, выполняющих специальные задания, а также с космонавтами на орбите. «Кроме того, КГБ с помощью телепатии якобы стремился когда-то осуществить свою заветную мечту: научиться читать мысли политических противников, диссидентов, раскрывать агентов иностранных разведок…»

В контексте названных интересов к парапсихологическим испытаниям, якобы, проводимым в СССР, сотрудницы Американского общества психологических исследований Шейли Острендер и Линн Шредер выпустили в 1970 году книгу «ПСИ — научное исследование и практическое использование

сверхчувственных сил духа и души за железным занавесом». В течение последующих десяти лет книга выдержала 15 тиражей и была переведена на многие языки. Ее четвертая глава носила название: «Вольф Мессинг, медиум, с которым экспериментировал Сталин».

«Эту главу авторши почти дословно заполнили переводом комикса Михваса в варианте, напечатанном в журнале «Наука и религия». Подлинность описанной там биографии Мессинга для пытливых дам — вне всяких сомнений».

И еще один вариант вымышленного жизнеописания Мессинга издала на Западе бывшая московская журналистка Татьяна Лунгина, эмигрировавшая в конце 70-х годов в США. Основой ее книги «Вольф Мессинг — человек-загадка» послужили те же мемуары «О самом себе», придуманные М.В. Хвастуновым. И.Шенфельд пишет: «Ни словом не упоминая о подлинном авторе, госпожа Лунгина придала сочинению Михваса лишь несколько иную форму, форму личных рассказов Мессинга».

Этот откровенно плагиаторский труд, основанный на фантастической биографии, сочиненной другим журналистом, также получил право на жизнь. И. Шенфельд, содержавшийся в одной камере внутренней тюрьмы НКВД в Ташкенте с Мессингом, так объясняет неожиданное освобождение своего сокамерника: «Я допускаю, что жизнь заставила Вольфа Мессинга быть шарлатаном, что она заставила его подписать определенные обязательства и давать сведения известным органам… Ведь его секретное сотрудничество, если им умело манипулировать, может стать просто неоценимым. Или он на самом деле разгадает какую-нибудь тайну, или кто-нибудь ему сам выболтает такое, что до сих пор держал про себя».

В подтверждение своих слов Шенфельд ссылается на факт частого посещения Мессингом московской квартиры военного дипломата, разведчика и писателя А.А. Игнатьева, автора известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю».

«О чем могли часами говорить сиятельный, владеющий всеми европейскими языками утонченный граф и полуграмотный и косноязычный фокусник из местечка Гора Кальвария — одному Богу известно. А впрочем, может быть, не только Богу. Какой-то свет проливает на эту курьезную связь выявленное во время хрущевской оттепели обстоятельство: Игнатьев был засекреченным высоким чином КГБ, а его квартира — явочным пунктом для избранных агентов».

Известно, что А.А. Игнатьев (1877–1954 гг.) еще в дореволюционное время являлся руководителем российской агентурной разведки во Франции. Личность это была, безусловно,

неординарная, Он, например, мог позволить себе написать рапорт с обвинением члена Государственной думы России П.Н. Милюкова в разглашении государственной тайны, завершив свое сочинение многозначительной фразой: «Доношу, что мною будут приняты все меры, чтобы по возможности уменьшить вред, принесенный г. Милюковым делу нашей агентурной разведки».

И этот дворянин, видный представитель секретной службы царской России смог не только избежать репрессий, но в 1943 году получить звание генерал-лейтенанта, что свидетельствует о его высокой оценке сталинским режимом. Сведения И.Шенфельда о том, что арестованный Вольф Мессинг был вскоре освобожден и не подвергался судебным репрессиям также подтвердились.

Вышеназванный сотрудник Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан Е.Т. Агзамходжаев сообщил мне:

«Ваше заявление об оказании помощи в получении информации об аресте и освобождении органами НКВД Узбекской ССР в 1942-43 годах Мессинга В.Г. прокуратурой республики рассмотрено… Информационный центр МВД и службы национальной безопасности Республики Узбекистан какими-либо сведениями в отношении Мессинга В.Г. не располагают…».

Аналогичного содержания ответ я получил от начальника подразделения министерства национальной безопасности Республики Туркменистан А.Оразова: «Архивы министерства национальной безопасности и министерства внутренних дел Туркменистана сведениями о Мессинге Вольфе Гершиковиче не располагают». А ведь именно в Туркменистане, как указывает И. Шенфельд, Вольф Мессинг был арестован при попытке перехода государственной границы и самолетом доставлен в тюрьму НКВД Узбекистана.

Иными словами, в то время, как И.Шенфельд был осужден к 10 годам лишения свободы, его сокамерника В.Мессинга быстро освободили и разрешили продолжать выступления с «Психологическими опытами», без всяких репрессий. По словам Шенфельда, уже в мае 1943 года Вольф Мессинг продолжил свои концерты в г. Ташкенте.

Биография Мессинга, сочиненная М. В. Хвастуновым, продолжает в настоящее время корректироваться и дополняться другими любителями сенсаций. Так, в книге Л. Кочетовой «Все великие пророчества» Мессингу посвящена глава, представляющая аккуратный пересказ мемуаров «О самом себе» с добавлением «новых фактов». Они заслуживают упоминания, поскольку речь идет о репутации Мессинга, как «криминалистического экстрасенса», якобы, заявлявшего: «Ни

один телепат не заменит нормального расследования и суда. Он может быть задействован в отдельных случаях, чтобы найти доказательства, но не более. Такую функцию я выполнял, принимая участие в расследовании нескольких громких дел. Многие юристы, к сожалению, разделяют мнение, что каждый преступник оставляет следы, хотя бы и микроскопические. По-моему, это не так. Немало серьезных преступлений было совершено профессионалами, не оставляющими следов. А если что-то и было, время и обстоятельства стерли их. Такие преступления крайне сложно раскрыть и почти невозможно доказать вину подозреваемого. Ощущения ясновидящего могут служить только отправной точкой для следователя».

Л.В. Кочетова утверждает: «В 1944 году около Новгорода арестовали подозрительного человека. Это был высокий широкоплечий блондин, носивший очки в роговой оправе и выглядевший как настоящий немец, впрочем, он тут же признал, что так оно и есть. Офицеры разведки были уверены, что он является агентом немецкой разведслужбы, но у них не было доказательств. Поняв, что обречен, немец все равно упорно отрицал свою вину. Его пытали и даже организовали инсценировку казни, чтобы вырвать у него признание, но все было бесполезно. Он оказался из тех редких людей, которые могут выносить любую боль и не сломаться. Его не хотели расстреливать, так как подозревали в причастности к целой шпионской сети…

В этот момент офицеры обратились за помощью к Мессингу. Они хотели знать, понимает ли немец русскую речь. Вольфа попросили поприсутствовать на допросах под видом высокопоставленного лица (при этом он был в гражданском). Сам Мессинг, однако, не принимал участия в беседе. За полчаса, в течение которых пленнику задавали обычные вопросы относительно имени и места рождения, Вольф посредством телепатии установил, что немец в уме переводит все фразы с русского на немецкий. Мессинг уже понял, что немец является опытным шпионом, но как доказать это?…Когда допрос был окончен, Мессинг постучал пальцем по папке, которую принес с собой, и сказал на отличном немецком:

— Да, теперь я абсолютно убежден, что вы невиновны

Затем он спокойно встал из-за стола и сказал тем же тоном, но уже по русски:

— Вот и все. Вы можете идти

Пленник тотчас вскочил с места. Однако сразу же поняв, какую ошибку допустил, тут же сел обратно, но было уже

поздно».

Поражают легковесность и противоречивость примера «успеха» Мессинга

Во-первых, «офицеры разведки» не ловят шпионов, это прерогатива «офицеров контрразведки». Во-вторых, контрразведчики не допустили бы в секреты своей работы какого-то гастролирующего артиста, который сам недавно получил советское гражданство. Цель участия Мессинга в допросе явно малоэффективна. Предположим, немец сам признался бы в том, что владеет русским языком. Разве такой факт однозначно доказывает его принадлежность к немецким спецслужбам? А реакция немца на слова Мессинга не может расцениваться, как подтверждение знания русского языка. В общем, биография Мессинга пополнилась еще одним колоритным, но вымышленным эпизодом.

Для надлежащей проверки события я направил письмо и ксерокопию фрагмента данной публикации руководителю управления ФСБ РФ по Новгородской области. Начальник подразделения управления

Ю.А. Антонов сообщил, что «Новгородское управление КГБ было организовано в июле 1944 года (ранее Новгородская область входила в состав Ленинградской области). Из бесед с ветеранами органов безопасности удалось выяснить, что такого яркого случая в их практике не было. Если даже изложенный факт имел место, то разработкой немецкого шпиона могли заниматься следователи управления НКГБ по Ленинградской области»96.

Сотрудник управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области полковник С.В. Чернов ответил: «В тематической картотеке, разработанной архивом нашего Управления, факт поимки немецкого шпиона в 1944 г. и его изобличения с помощью эстрадного артиста Мессинга В. Г. не упоминается».

Второй пример из книги Л.В. Кочетовой посвящен убийству в 1951 г. в Казани 19-летней девушки, которую «сбросили с моста в реку посреди ночи. Девушка была хрупкого телосложения, и, возможно, кто-то притворился, что обнимает ее, а сам перебросил ее через перила. Ее бывшего дружка арестовали через несколько месяцев, хотя против него не было никаких улик. Могие свидетели подтвердили на суде, что он не видел жертву в течение двух лет. Но когда они встречались, то свидания чаще всего происходили на этом мосту, и все обвинения в адрес юноши базировались на этом факте. Парень был подавлен. Он отрицал свою вину»98.

В это время В. Мессинг находился в Казани, заинтересовался

судебным процессом и пришел на него. Здесь экстрасенс определил, что подсудимый невиновен, а также «почувствовал импульсы», исходившие от настоящего преступника, находившегося среди публики. На следующее судебное заседание Мессинг явился с целью отыскать убийцу. «Он интуитивно чувствовал, что этот человек приходит на каждое слушание дела». С помощью своих телепатических способностей Мессинг выявил преступника, мужчину лет 25, которому стал посылать мысленные сигналы: «Встаньте и признайтесь в убийстве!» Нужной реакции виновного не произошло. Тогда во время перерыва в судебном заседании Мессинг написал на листе бумаги фразу «Выхода нет…» Он положил записку на кресло, которое временно освободил неразоблаченный убийца. Когда заседание возобновилось, преступник, обнаружив это послание, начал кричать: «Это я! Я убил ее!»

«Остальное Мессинга не интересовало, — пишет Л. В. Кочетова, — удовлетворенный результатом, он отправился домой».

Не комментируя данный фантастический эпизод, нужно рассказать о результатах его проверки

Мое письмо на домашний адрес Л.В. Кочетовой с просьбой сообщить источники информации по этим двум случаям — осталось без ответа, что удивления не вызвало. Фрагменты издания Л.В. Кочетовой и соответствующие письма я направил Председателю Верховного Суда республики Татарстан и прокурору этой республики с просьбой — опросить ветеранов, работавших в начале 50-х годов в суде и прокуратуре для определения достоверности (или надуманности) этого эпизода.

Вот что ответил председатель Верховного Суда республики Татарстан Г. М. Баранов: «Сообщаю, что каких-либо данных, свидетельствующих о том, что в начале 50-х годов при рассмотрении уголовного дела об убийстве девушки в Верховном Суде республики Татарстан принимал участие парапсихолог Вольф Мессинг, и с его помощью был разоблачен убийца, в архиве суда не обнаружено. Ветераны Верховного Суда такого случая не помнят»

Прокурор республики Татарстан К. Ф. Амиров любезно сообщил: «…Нам удалось переговорить с ветеранами следствия, работавшими в 1950–1952 гг. в г. Казани, ветераном судебно-психиатрической экспертизы которые, несомненно, могли бы помнить столь нашумевшее уголовное дело.

Шанс Мавлеевич Галимов, работавший в то время в прокуратуре г. Казани, и обладающий прекрасной профессиональной памятью, сообщил, что такое уголовное дело

прокуратурой не расследовалось. Более того, осенью 1953 г. он находился на сборах по повышению профессиональной подготовки в г. Ленинграде, где на одном из занятий перед ними выступал Вольф Мессинг. Следственно-прокурорские работники живо интересовались нетрадиционными возможностями раскрытия преступлений, в частности, и способностями В. Мессинга. Какого-либо упоминания своей роли в установлении истины на судебном процессе в г. Казани Мессинг не высказывал, что подтверждает надуманность описанного в книге Л.В. Кочетовой факта.

Лев Ханнанович Бергер, авторитетнейший специалист в области судебной психиатрии, вспоминает, что примерно в 1949–1951 гг. В. Мессинг приезжал в г. Казань с гастролями. Будучи студентом Казанского медицинского института, сам участвовал в сеансах, проводимых Мессингом. В дальнейшем, работая по специальности в республиканской психиатрической больнице, ничего не слышал об эпизоде установления истинного убийцы девушки на судебном процессе с помощью феноменальных способностей Мессинга».

Еще с одной интерпретацией «криминалистических» способностей В. Мессинга познакомились читатели апрельского номера «Юридический мир» (2005 г.). Ю. Кваша опубликовал статью «оперативный работник», посвященную личностным качествам лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Из 16 библиографических ссылок половина — наименования словарей, откуда взята терминология, есть литература по парапсихологии, магии, целительству и православной духовности. Нет ни одного источника (!), непосредственно касающегося профессии оперативного сотрудника. «Венцом» публикации является перечисление почти на целую страницу примеров «телепатического» раскрытия преступлений В. Мессингом (с.39).

Ссылки сделаны на издания, вышедшие спустя много лет после смерти В. Мессинга и автора его «мемуаров» М. Хвастунова, содержащие новые фантастические выдумки.

Кроме того, одна из таких книг — «Пророки и ясновидящие» — выпущена в анонимном виде, без автора

Нет сомнения, что число подобных «новых эпизодов» помощи «телепата» Мессинга органам следствия будет увеличиваться по мере выпуска новых книг, рассчитанных на невзыскательных любителей оккультной литературы. Но существуют определенные критерии объективности работы исследователя. Раз налицо расхождение в источниках, автор обязан объяснить, почему в данном случае он отдает предпочтение этому свидетельству, а не

другому. Если же он подгоняет факты из разных источников под свою версию, руководствуясь исключительно субъективными представлениями или конъюнктурными соображениями, то его утверждениям нельзя верить.

Необходимо упомянуть, что имела место по крайней мере одна реальная попытка прибегнуть к помощи Мессинга в процессе расследования уголовного дела. В июне 1974 г. В. Мессинг выступал с шестью сеансами «Психологических опытов» в г. Иркутске. В тот период автор посоветовал своему другу — старшему следователю УВД Иркутской области Н.П. Ермакову обеспечить присутствие Мессинга на допросе обвиняемой В.

Последняя, будучи директором магазина плодовощеторга, обвинялась в совершении крупного хищения, но вину категорически отрицала, а изобличающих доказательств было мало. Сотрудник управления БХСС УВД Иркутской области, отвечающий за оперативное сопровождение расследования настоящего дела, организовал появление В. Мессинга в кабинете № 50 Управления внутренних дел, где старший следователь Н.П. Ермаков приступил к очередному допросу арестованной В.

Мессинг в процесс допроса не вмешивался, молча сидел за другим столом, никакого интереса у допрашиваемой он не вызвал. В. продолжала отрицать вину. В тот же день оперуполномоченный управления БХСС, приглашавший Мессинга на допрос и доставивший его назад в гостиницу, ознакомил следователя со своей «справкой», составленной, как он пояснил, после беседы с Мессингом. В справке говорилось, что В. потратила крупную сумму похищенных денег на покупку мебели, которую затем подарила своим родственникам. Заявление В. о том, что в интересующий следствие период она, якобы, болела — ложное, а представленный больничный лист фиктивен. Его сфабриковала врач Я., подруга обвиняемой. В действительности обвиняемая В. в период мнимой болезни ездила вместе с любовником отдыхать на юг.

Эта справка была подшита в секретное дело оперативного учета, а ее содержание следователь проверил и получил неожиданное подтверждение данной информации. Правда, и у автора, и у Н.П. Ермакова существовало недоверие к тому, что за 30–40 минут пребывания в одном кабинете с В. Мессинг смог узнать столько сведений, которые невозможно объяснить чтением идеомоторных актов. Однако дальнейшее расследование подтвердило и хищение денег, и приобретение мебели, и поддельный больничный лист, и поездку в Крым с любовником опять-таки на похищенные в магазине средства. В. осудили к 6 годам лишения свободы, была осуждена и врач Я. за подделку

больничного листа.

Участие Мессинга в этом расследовании получило отражение в некоторых публикациях.

Однако надо признать, что последующая тщательная проверка указанного эпизода позволила выявить совсем иное

Много лет спустя автору удалось выяснить, что оперуполномоченный УБХСС, составляя «справку» о «телепатической помощи Мессинга», просто легендировал перед следователем получение агентурной информации в отношении В., которая рассказывала сокамерникам о своих деяниях… На самом деле Вольф Мессинг никаких мыслей допрашиваемой В. не читал.

Наше краткое упоминание о «криминалистических» успехах Мессинга было направлено некоторым видным советским криминалистам с просьбой высказать свое мнение. Заведующий кафедрой криминалистики Ленинградского государственного университета проф. И.Ф. Крылов в своей книге целую главу назвал «криминалистика и парапсихология». Взяв за основу нашу публикацию в журнале «Уральский следопыт», И.Ф. Крылов прибавил к ней ряд других материалов и подверг нашу работу резкой критике за «слепое доверие к сенсационным сообщениям» и за попытку «перенести на отечественную почву «потрясающие» описания, которыми пестрит парапсихологическая литература разных стран».

Совсем иначе поступил заведующий кафедрой криминалистики МГУ профессор А.Н. Васильев, которому я тоже направил экземпляр публикации из «Уральского следопыта». Александр Николаевич 10 января 1979 года написал мне обстоятельное (на 4-х страницах) письмо, в котором откровенно высказался на щекотливую в те годы тему о парапсихологии в криминалистике.

Он отмечал: «Если фактически такие явления есть (я сам наблюдал их…), то, значит, должно быть и научное объяснение, потому что не будем же мы относить их к чертовщине. А наука пока еще досконально не разобралась в этом. А мало ли есть явлений, которые существуют, но природы их мы пока не знаем…».

Далее А.Н. Васильев указал: «Конечно, Вы правы, что в данное время об официальном использовании парапсихологии не может быть речи, но если бы такой феномен был под руками, то я, как следователь, использовал бы его, например, для обнаружения трупа исчезнувшего и предполагаемого убитым человека. Конечно, как правило, должны быть установлены источники полученных сведений о том или ином доказательстве,

но, ведь, если по оперативным данным станет известно, что труп зарыт там-то, и действительно обнаруживается, то разве труп сам по себе со всеми следами на нем и место обнаружения не имеют доказательственное значение? Конечно, имеют».

Желая мне, молодому следователю, успехов в работе, профессор А.Н. Васильев завершил свое письмо так: «Главная трудность заключается в том, что этих парапсихологов «раз-два и обчелся», а будь они под руками, почему бы и не использовать вроде «черного ящика» в кибернетике: результат достоверный, а почему он получается — пока не знаем…».

Еще раньше по данной теме высказался Р.С. Белкин. Когда «Литературная газета» в номере первом за 1975 год опубликовала фотоснимки и фрагменты мемуаров польского «криминалистического экстрасенса» Чеслава Климушко, я направил запрос о реальности подобных явлений в редакцию журнала «Советская милиция». Начальник отдела данного журнала Н. Маркевич в своем письме № 1066 от 12 марта 1975 года сообщил: «С Вашим письмом мы ознакомили начальника кафедры криминалистики Академии МВД СССР профессора Р.С. Белкина. Его мнение, а равно и мнение других ученых Академии, категорично: «экстрасенсы — это шарлатаны. Их «успехи» — совпадение обстоятельств».

После многолетнего изучения проблемы «криминалистических экстрасенсов» автор разделяет точку зрения профессоров Р.С. Белкина и И.Ф. Крылова.

В Советском Союзе с эстрадными номерами «чтения мыслей» успешно выступали другие артисты — К. Николаев, Е. Виноградов, Ю. Горный, М. Куни

Однако никто из них не объявлял себя «настоящим телепатом», не заявлял о своих встречах со Сталиным, Эйнштейном, Ганди и Пилсудским. Доктор медицинских наук П. Симонов, например, отмечал: «По моим наблюдениям, Михаил Куни делает все, что делает В.Г. Мессинг, и даже больше: например, демонстрирует опыты с запоминанием огромного количества информации. Своим замечательным экспериментам Куни тут же дает правдоподобные объяснения. Выступление Куни проходит деловито, спокойно и… очень напоминает обычную научно-популярную лекцию

В. Г. Мессинг — артист. Его имя окружено ореолом загадочности и легенд. Выступления Мессинга проходят в атмосфере известной нервозности, наэлектризованности и самого артиста и окружающей его аудитории. Подобная атмосфера повышает впечатляющее воздействие опытов на зрителей, а с другой стороны, способствует «разработке» индуктора, усиливает

его непроизвольные реакции…»

И не случайно известный артист ленинградской эстрады Михаил Абрамович Куни, упоминаемый выше, так оценил мемуары Мессинга, составленные журналистом М. В. Хвастуновым: «Даже в самой фантастической литературе должна быть логика, здравый смысл, связь с наукой, научной гипотезой, научным предвидением. В приведенных «фактах» (журнал «Наука и религия», «Мессинг о себе») нет ничего общего со всем тем, что я сказал выше.

«Я телепат» — с таким же успехом Мессинг мог бы сказать: «Я Христос» (пожалуй, Христос не смог бы сделать все то, о чем пишет Мессинг). Но более всего меня удивляет, что журнал «Наука и религия», призванный разоблачать мистику и кликушество, делает как раз обратное».

Итоговые выводы нашего исследования таковы:

1. Нет ни одного документально подтвержденного случая, чтобы В. Мессинг оказал помощь правоохранительным органам или спецслужбам, используя парапсихологические феномены телепатии или ясновидения.

2. Вольф Мессинг не обладал никакими сверхъестественными качествами психики. Его многолетние выступления с «психологическими опытами» обусловлены способностью улавливать идеомоторные акты человека-индуктора. Все публичные номера Мессинга успешно повторяли другие артисты, не претендующие на обладание парпсихическими способностями.

3. Наиболее эффективные фрагменты биографии В. Мессинга «О самом себе», создавшие ему широкую рекламу, являются откровенным вымыслом. Именно этот вымысел продолжали всерьез обсуждать действующие лица телевизионного фильма «Вольф Мессинг — первый советский экстрасенс», который был показан 15 февраля 2005 г. в 23 час. 20 мин. на канале «Россия» (ЗАО кинокомпания «Пигмалион», автор сценария — Карина Календрова).

Зрителям преподнесли фрагменты «мемуаров», написанных журналистом М. Хвастуновым, разбавленные кадрами кинохроники минувших лет и воспоминаниями нескольких лиц, часть которых с Мессингом вообще не была знакома. Аналогичного содержания фильм под названием «Я вижу мысли

людей» был показан 20 декабря 2005 г. ЗАО «Первый канал» (составитель — К.Добродина). Здесь уместно привести очень верное наблюдение журналиста И. Елкова: «Как ни парадоксально, но предположения — более востребованный товар на медийном рынке. Читатель и зритель охотно «съедает» самые невероятные версии. Факты же всегда на порядок скучнее».

В самом деле, никакого интереса у массового телезрителя не вызовет сообщение, что «знаменитый Мессинг» на самом деле не обладал сверхъестественными способностями, а демонстрировал публике те опыты идеомоторики, с которыми не менее успешно выступали многочисленные цирковые и ярмарочные «телепаты» Старого и Нового Света еще в XIX веке; что малограмотный Мессинг никогда не был «профессором», не имел чести быть знакомым с лидерами и знаменитыми учеными ряда стран; что его «необычная» биография является вымышленной, наподобие тех биографий, которыми оперируют мошенники разных времен и народов. Такие журналистские «произведения» объясняются еще и тем, что СМИ нуждаются в широкой аудитории. «По этой причине газетные описания имеют оттенок сенсационности, а репортеры и редакторы приукрашивают самые заурядные новости, стремясь их оживить. Подобные истории часто преподносятся так, чтобы читатель был убежден в их подлинности…»

Здесь можно привести мнение крупного русского физиолога, академика, князя И.Р. Тарханова, который еще сто лет назад в своей книге исчерпывающе обосновал с позиций идеомоторики сущность эстрадного «чтения мыслей»: «Тешиться, забавляться этими опытами весьма естественно в качестве приятного и даже пикантного иногда развлечения, и все это для зрителей не представляет, конечно, ни малейшего вреда; вовсе не то, однако, как только опытам этим начинают придавать особое научное значение, открывающее будто бы новые горизонты, новые силы… Тут уж грань безвредности переступается, так как такого рода взглядами, вытекающими из невольного самообмана, поддерживаются ложные взгляды на явления природы и укрепляется то мистическое настроение, которое подтачивает здравый смысл человека».

Президент Московской психотерапевтической академии М.И. Буянов утверждает:

> «Подавляющее большинство нынешних астрологов, колдунов, экстрасенсов — это люди порочные, с психической червоточиной, большинство психиатров считает их нездоровыми». В другой своей книге М.И.

Буянов отзывается об экстрасенсах так: «Приписывая себе необычные способности, разыгрывая простодушных, они самовозвеличивают себя, придают значение своим пустым натурам. А тем, кто им верит, в конечном счете плюют в душу, превращают их в своих рабов».

Ученый с большим стажем, М.И. Буянов проводил эксперименты на известных «ясновидящих», практикующих в Москве. Объектами исследования были 56 экстрасенсов — все они оказались несостоятельными, без рекламируемых «сверхъестественных» способностей. Очевидно, эту несостоятельность столичных «экстрасенсов» понимают и руководители московской милиции.

Вот что сообщает начальник УУР ГУВД г. Москвы: «В практике подразделений уголовного розыска ГУВД г. Москвы случаев раскрытия преступлений с помощью экстрасенсов не выявлено». Данное утверждение полностью развенчивает рекламные заверения экстрасенсов, которых в столице насчитывается несколько тысяч

Очевидно, не меньшее количество прорицателей зарабатывает себе на жизнь и в другом мегаполисе России — Санкт-Петербурге. Начальник УУР КМ ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области официально констатирует: «Фактов раскрытия преступлений по линии УР с использованием помощи экстрасенсов в ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области не имеется». Аналогичного содержания ответ был получен нами и от прокурора Санкт-Петербурга Н.А. Винниченко: «Сообщаю, что случаев использования помощи экстрасенсов при расследовании уголовных дел или проведении оперативно-розыскных мероприятий в Санкт-Петербурге не было».

Сотрудник ВНИИ МВД РФ проф. Л.П. Гримак так высказался о контактах с экстрасенсами: «…Поставить на поток процесс раскрытия преступлений с помощью экстрасенсов оказалось невозможным, и МВД прекратило работу с ними». Начальник отдела, в котором работал Л.П. Гримак, кандидат медицинских наук А.И. Скрыпников заявил: «Если какой-то Сидор Сидорович в прессе разрекламирован как спец по розыску без вести пропавших — значит, это чистой воды самореклама».

Группа московских психологов в середине 90-х годов минувшего века провела обследование 800 человек, считавших себя «целителями», «экстрасенсами»

Четверть из них страдали психозами или находились в пограничном состоянии, 50 % оказались психически здоровыми, однако 18 % из их числа признались, что ими движут

меркантильные или честолюбивые устремления. И только у одного процента участвовавших в исследовании проявился комплекс всех необходимых качеств.

Здесь речь идет о способности к лечению людей, а не демонстрации явлений телепатии или ясновидения, таковых «феноменов» не обнаружили. Недаром П. Скорченко указывал, что «экстрасенсы-целители» не могут выступать в роли «экстрасенсов-розыскников».

А. Палладин, изучавший в США результаты обращений к экстрасенсам представителей различных государственных органов, документально показал несостоятельность «прорицателей». В частности, он сообщает: «Давно и широко экспериментируют с парапсихологией здешние полицейские службы… Если у полицейских парапсихологов и были удачи, то помимо их собственной воли: страх перед ними порой ввергал преступников в панику, и на этой почве был даже случай явки с повинной…»

Надо отметить, что суеверия, содержание посткриминальных сновидений насильственных преступников действительно иногда приводят виновных лиц к явке с повинной. Здесь уместно привести вывод, содержащийся в фундаментальном исследовании В.Е. Львова: «…Вся тысячелетняя история телепатических и прочих подобных изысканий, от начала и до конца — однообразная история обманов и самообманов, бреда и галлюцинаций, басен и выдумок, нацеленных на разжигание мистических и религиозных суеверий».

Полностью разделяю мнение А.Л. Протопопова: «Обращение следователей к ясновидцам еще ни разу не привело к раскрытию преступления…». А.М. Ларин, который в прошлом был известным следователем прокуратуры, справедливо отмечал: «Сегодня наблюдается развал работы, падение профессионального и нравственного уровня сотрудников органов уголовного преследования. Подмена законных, научно обоснованных приемов оперативно-розыскной, следственной, экспертной работы мистификацией, знахарством, шарлатанством, к сожалению, усиливает эту тенденцию».

Наши исследования в сфере возможного использования парапсихологии и оккультизма («тайных наук», магии) в интересах правоохранительных органов показали полную несостоятельность «экстрасенсов» и астрологов.

Известный немецкий криминалист Ганс Шнейкерт еще в 1924 году так отзывался о «криминалистических» экстрасенсах: «Все эти проделки гадалок и ясновидцев не только не помогают ведению уголовного розыска, но дискредитируют авторитет

уголовного правосудия и повышают скрытую преступность вследствие постоянных мошенничеств и обманов».

Объяснение обыкновенного чтения мыслей

Когда в 1875 году в Соединенных Штатах Северной Америки и преимущественно в Нью-Йорке, Браун своими опытами чтения мыслей, которые он не раз повторял и в публичных собраниях и в частных обществах, возбудил всеобщее внимание, не было еще попыток физиологического их объяснения. Метод Брауна, читателя мыслей, распространился, благодаря Бишофу и другим, в Англии, особенно в Лондоне, и, обратив на себя величайшее внимание, вызвал многих подражателей и в Германии в 1880 г. В августе как этого, так и следующего года я был в Англии, и помню, что не раз высказывал тот взгляд, что чтение мыслей основано на восприятии бессознательных и непроизвольных мускульных движений.

Доказательство справедливости этого взгляда я видел в том, что в 1881 году, в Лондоне, один очень ловкий чтец мыслей, не желавший обнародовать своего имени, при неоднократных опытах, производимых в маленькой комнате, окончательно не мог отыскивать вещей, которые я очень живо себе представлял, единственно благодаря тому, что моя рука, которую он придерживал на своем лбу, — не двигалась; тогда как предметы задуманные одним знакомым мне ученым, не умевшим так владеть своими мускулами, каждый раз угадывались. Даже одна из многих булавок, спрятанных в подушку, была правильно найдена. Вскоре затем я повторил те же опыты в Германии, и они всегда не удавались со мною, тогда как с другими результаты получались довольно счастливые.

Слишком занятый другими исследованиями, я обратил снова мое внимание на эти явления только при появлении в Германии Бишофа и Кумберланда. Никогда не видев этих виртуозов и без навыка, я, в 1884 году, воспроизводил довольно удачно их опыты, побуждая и других лиц заняться этим, чтобы убедиться, что тут нет ни малейшей «магнетической связи», ни непосредственного чтения, ни «психического лучеиспускания», но что все воспроизводится преимущественного непроизвольными движениями задумавшего субъекта, вследствие усиленного представления им того предмета, который надлежит найти. Это объяснение я изложил 23-го января 1885 года Йенскому Обществу Медицины и Естествознания, и доказал в том же заседании простыми опытами, что каждый человек в состоянии

бодрствования и руками и головой и другими частями тела производит бессознательные и непроизвольные движения, которые с одной стороны — чисто физические и слагаются из движений дыхания, пульса и импульса, а с другой — психофизические и сопровождаются сильными представлениями.

Все эти движения я могу, при помощи простого, очень чувствительного и верного приема, отдельно графически фиксировать. Я указал и на то, что первые из упомянутых мускульных сокращений, проявляемые независимо от духовной деятельности, имеют однообразный характер, тогда как вторые далеко не имеют подобного характера, а дают возможность при внимании воспринимать и пространственные представления.

Этот факт, весьма важный для понимания чтения мыслей, рассмотрен мной в кратком очерке «О чтении мыслей при посредстве непроизвольных мускульных движений», и затем изложен с дальнейшими к нему добавлениями. Я думал, что высказываю нечто совершенно новое. И действительно, что касается до отличия импульсивных движений от всех остальных, до графического фиксирования и исследования непроизвольных идей, то главное все ново; идея же что чтение мыслей вообще объясняется непроизвольными и бессознательными мускульными сокращениями, была, как я узнал теперь, высказана даже самим чтецом мыслей Брауном в 1875 году.

В 1881 году появилось в Лондоне, что мне стало известно тоже только теперь, отпечатанное в Америке ещё в 1877 году, краткое сообщение недавно умершего известного Нью-Йоркского невропатолога Бирда «Физиология чтения мыслей», в котором он дает такое же объяснение. Редакция в начале прилагает письмо автора от 31-го мая 1881 года, в котором Нестор английских физиологов, Карпентер очень резко обвиняется в том, что он излагал объяснение чтения мыслей, за два года перед тем сообщенное ему Бирдом, не упоминая о нем, Бирде; и таким образом выходило, как будто вся заслуга этого открытия принадлежала ему, Карпентеру.

Я не хочу заниматься здесь расследованием того, насколько это обвинение справедливо. Факт тот, что Карпентер гораздо ранее отделял движения, от которых зависит чтение мыслей, от остальных.

В одном сообщении, сделанным им в 1852 г., он называет их «идеомоторными движениями», и указывает на то, что они проявляются без малейшего участия воли, под влиянием представления господствующего, т. е. заглушающего все остальные предшествующие, причем, производящий их, даже и

после не сознает их.

В своих обоих кратких сообщениях в Лондонском Королевском Институте «О влиянии внушения (suggestion) на изменение и определение направления мускульных движений независимо от воли» (заседание 12-го марта 1852 г.) и о «бессознательной мозговой деятельности» (заседание1-го марта 1868 г.) Карпентер очень ясно излагает, что он разумеет под «бессознательным Gereb ration» и что характеризует «идеомоторные движения», и прилагает их к объяснению целого ряда парадоксальных явлений. Он писал об этом в 1852 году следующее:

Таким образом, принцип идеомоторных движений находит подобающее ему место в физиологической школе, которая без него была бы не полна. И, раз признанный, он может служить к объяснению множества явлений, служащих для многих источником заблуждений, даже и для тех, которые убеждены в их действительности, но никак не могут примирить их с известными законами нервной деятельности. Это те явления, которые недавно приписывались «Од — силе», например, движение гадального прута или колебания вещей, висящих на пальце. И то и другое, как ясно доказано (Джемс Брэд 1846), обусловлено состоянием ожидания при напряженном внимании (expectant attention) со стороны лица, производящего их, причем его воля временно отвлекается от управления мускулами состоянием усиленного выжидания, а достижение известного результата воспроизводит раздражение, которое непосредственно и непроизвольно освобождается в соответствующих мускульных движениях. Это рассуждение во всех отношениях приложимо и к чтению мыслей, которое в то время, в его современной форме, не было еще известно, а потому Карпентер и не мог его тогда так объяснять.

Но когда в 1875 г. Бирд увидал очень ловкого американского чтеца мыслей Брауна, то он мог, как сам говорит, оценить все значение непроизвольных и бессознательных движений, давно известных физиологам, — и в приложении к этому ряду явлений, что он и сделал в небольшом очерке 1877 г., как то доказывают следующие положения, выписываемые нами из той же статьи, перепечатанной в лондонской газете в 1881 году.

Чтец мыслей с завязанными глазами иногда идет очень быстро с человеком загадывающим, вдоль и поперек по комнате или по комнатам, спускается и поднимается по лестницам, выходит на улицу, и когда он приближается к тому месту, на котором сосредоточено внимание задумавшего, то легкий толчок его руки сообщается рукою задумавшего.

Этот импульс со стороны наводителя непроизволен и

бессознателен. Он не знает, что дает его. Но для ловкого и чуткого чтеца мыслей его достаточно как знака того, что искомый предмет близок.

Предмет может быть очень мал, и, тем не менее, скоро найден, как, например, ключ среди многих других ключей, лежащих на столе. Если человек думал последовательно о многих предметах в различных местах комнаты и в заключение выбрал один, то чтец мыслей иногда будет на-правлен в том же порядке к различным предметам, как они прошли в мыслях наводителя, и, наконец, остановится у избранного им.

При всех опытах чтец мыслей может только находить направление и местность или место, если он при этом напряженно следит за большею частью весьма слабыми мускульными движениями наводителя, который не должен ни о чем другом думать, как только о задуманном предмете, т. е. о том месте, где он находится.

Если не достает телесного соприкосновения, или отгадыватель и загадавший сообщаются посредством проволоки, крепко прикрепленной к неподвижному столу, которая не может передавать непроизвольные движения, то опыты не удаются, а если и удаются, то совершенно случайно, так, например из 10 цифр угадывается из десяти случаев один раз. Но и лучшему чтецу мыслей опыты часто не удаются, а если рука лежащая на лбу не двигается, то он никогда не достигает цели. Если мы преднамеренно будем слегка двигать и в обратном направлении, то введем угадывателя в заблуждение. Этот способ обмана легко производится.

Точно так же чтец мыслей введен будет в заблуждение, если соприкасающийся субъект будет думать о чем- либо постороннем, например, о собственных ощущениях руки или о предмете, находящемся вне комнаты, когда это обстоятельство не было вперед обусловлено. Точно так же и при вполне вытянутой руке чтец мыслей не в состоянии будет угадать. Требуемое прикосновение может быть различно:

1) По Брауну человек задумавший кладет свою руку тыльной стороной на лоб чтеца мыслей, а последний противоположной рукой слегка касается его пальцев.

2) Рука чтеца мыслей охватывает кисть руки.

3) Два кончика пальцев взаимно соприкасаются.

4) Третье лицо, ничего не зная о задуманном предмете, берет руку загадавшего и отгадывателя и передает движения первого последнему.

(Double test) — 5) Двое, трое или несколько лиц кладут свои руки спереди и сзади на чтеца мыслей.

6) Рука лежит на плече чтеца мыслей. Последнему завязывают глаза, так что он исключительно руководствуется ощущением.

Движения чтеца мыслей, при этих опытах, могут быть или медленны, осторожны и обдуманны, или же быстры и смелы. Браун в своих публичных представлениях был очень тщателен в установлении телесного соприкосновения и затем быстро направлялся то по надлежащему направлению, то в противоположную сторону, часто так поспешно, что производил даже неприятное впечатление на наводящее лицо. Эти быстрые движения во многих случаях служат к тому, чтобы озадачить лицо загадавшее, лишив его возможности соображать и сознавать напряжения и ослабления мускулов его руки. Источники ошибок многочисленны и должны доказываться попытками раздражения. Даже вполне неожиданные обстоятельства могут ввести ошибки в опыты.

Если чтец по мускулам производит свои представления перед восторженной публикой, то ему легко аплодируют после каждой удачи; и если возбуждение сильно, то шорох и волнение могут начаться еще прежде, чем он достигнет надлежащего места, к которому приближается, и наоборот, если он от него удаляется, то узнает это по многозначительной тишине в публике. Такое представление отчасти уподобляется игре детей, в которой лицу с завязанными глазами говорят «тепло!» при приближении, «горячо!» — когда он касается спрятанного предмета и «холодно» — когда оно удаляется от него.

Каждый человек читает по движению мускулов, но не каждый способен достигнуть величайшей степени ловкости в этом искусстве.

Каждая выезженная лошадь есть чтец по мускулам. Она читает мысли кучера по давлению удилов и знает, когда она должна, сообразно напряжению или ослаблению его мускулов, прибавить или убавить ходу, повернуть в ту или другую сторону, хотя приказания эти не выражаются ни единым словом.

Итак, Бирду было вне всякого сомнения ясно, к чему сводится чтение мыслей, и я сожалею, что не было раньше знаком с его статьей. Конечно, без этого незнакомства не было бы того удовольствия, какое я испытываю при виде нашего согласия в объяснении этого явления; согласие же это очень важно, как признак того, что это объяснение верно в главном пункте.

Карпентер, Бирд и я, тремя различными путями пришли принципиально к одному и тому же объяснению. Карпентер был наведен на изучение этой области явлений в 1843–1850 г. остроумными опытами изобретателя гипнотизма Джемса Брэда, и

именно его исследованиями для опровержения непосредственного перенесения мыслей при так называемом ясновидении, причем он знал, что Брэд мог, загипнотизированных и не загипнотизированных людей, лишать воли и затем заставлять их делать поразительные движения и (даже) вызывать у них галлюцинации. Он ясно высказывает это в шести своих чтениях в «Royal Institution» в марте и апреле 1853 года «О физиологии нервной системы в отношении ко сну, искусственному и естественному, сомнамбулизму и другим родственным состояниям».

Итак, Карпентер при своем физиологическом построении исходил из Брэдизма и опирался на движения, какие производят лунатики и люди, лишенные воли при внушении.

Бирд же занят был повторением замечательных опытов Гитцига и Фритма, которые убеждали его, что трение известных мест лба производит определенные движения при полном отсутствии воли, — когда обратил свое внимание на представления чтеца мыслей Брауна, причем перед ним выступила новая проблема. Электрическое раздражение лба у собаки и кроликов, т. е. чисто физиологический опыт, навел его на мысль о бессознательных движениях у человека, при усиленной деятельности одной части мозга, прежде чем ему представилась возможность удовлетворительных опытов чтения мыслей.

Я же, моими наблюдениями над движением не рожденных, только что родившихся животных и очень маленьких детей с 1877 по 1880 г., — был наведен на мысль строго разделять непроизвольные и вместе с тем и бессознательные движения, по причинам их производящим; так импульсивные и инстинктивные движения я отличал от других непроизвольных движений у маленьких детей, еще не имеющих никаких представлений.

Чрезвычайная легкость, с какой можно всегда в непроизвольных движениях детей отличить присутствие представления, и естественный вопрос, — что впоследствии станет с этим множеством начальных, ненужных движений, повели меня к исследованию, — насколько и у взрослых в этом немом языке движений можно отличать присутствие представлений.

Таким образом, вопрос о чтении мыслей становился для меня естественной частью обширных психофизических исследований.

То, что мы обыкновенно называем чтением мыслей, есть в действительности только один из способов, посредством которых люди через соприкосновение понимают друг друга. Слепые почти всегда — очень ловкие чтецы мыслей, и в темноте люди

понимают друг друга без слов при помощи произвольных и непроизвольных движений.

Младенец молча, без крика, одними движениями сообщает свои желания матери, и то значение, какое при дальнейшем развитии имеют нежное и грубое прикосновение, понимается ребенком отлично само собою.

Но не об этого рода, еще не вполне анализированных движениях, будет речь в этом очерке, а исключительно о тех непроизвольных мускульных движениях, которые встречаются исключительно при чтении мыслей, в узком значении этого слова, и моя задача главным образом состоит в том, чтобы тщательно исследовать и описать, — каким образом эти мускульные сокращения содействуют этим замечательным угадываниям.

Игнатий Шенфельд — раввин с горы Кальвария или загадка Вольва Мессинга (опубликовано в журнале литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли «Грани», издававшемся на русском языке в г. Франфурт-на-Майне (ФРГ), 1989 год. № № 153 и 154)

— Вольф Мессинг? — пробормотал я. — Какой Вольф Мессинг? Неужели тот самый?

Отсидев одиннадцать дней в ледяном и мокром карцере, я еще плохо соображал. Поздно ночью, в полубеспамятстве, приволокли меня сюда, и я не в силах был унять мелкой дрожи. Подвижной лысый сокамерник усердно пытался мне помочь: укутывал в пестрое потертое лоскутное одеяло, поил оставшимся от завтрака кипятком. И уже совсем как милосердный самарянин, сунул мне в рот корку хлеба и зубок чеснока. При этом он беспрерывно тараторил. Но смысл его слов до меня не доходил, пока он не произнес фамилию, в то время уже достаточно известную.

— И вы еще спрашиваете? Типун мне на язык, если это не заправдашний Вольф Мессинг! — Кивком он указал на койку под окном. — Вы будете смеяться: я уже неделю не слыхал его голоса. Он наверное-таки да психованный!

Теперь я рассмотрел тщедушного человечка, упершегося лбом в прижатые к груди колени и охватившего голову руками. То был съежив-шийся комок отчаяния, древний иудей при реках Вавилонских, оплакивающий сожженный Соломонов храм и разрушенный Иерусалим.

В то время как эта фигурка продолжала оставаться безгласной, второй мой сокамерник говорил, не умолкая. Я узнал,

что он, Семен Семенович Радзивиловский, эвакуирован сюда, в Ташкент, из Одессы, и что положение подследственного арестанта его вполне устраивает.

— В военное время что самое главное? Остаться живым, — объяснял он скороговоркой. — В гробу я видел фронт и положил на всякое там геройство. Сегодня в киче и в лагере самое безопасное место, и я хочу отсидеться до победного конца. Типун мне на язык, если я контрик! Я не контрик, я честный советский бытовик, я привлекаюсь по закону от седьмого восьмого за расхищение социалистической собственности. Правда, за это тоже можно схватить вышака, но не шлепнут же человека за десяток вагонов какой-то говенной патоки? Ну, если даже припаяют катушку, так и в лагере же можно себе устроиться по блату и не вкалывать. А там в связи с окончанием войны будет амнистия — и я обратно дома!

Он рассказал, что работал толкачом по заготовке патоки для сахарного завода и сообразил загнать налево часть заготовок. С притыренной выручки жена приносит ему фартовые передачи.

Радзивиловский был рад, что у него есть наконец возможность вдоволь поговорить. Но слушать я его слушал, а сам все посматривал на того, другого, скорчившегося как эмбрион во чреве матери. Перед моим мысленным взором стояло объявление на последней странице варшавской бульварной газетки, набранное жирным шрифтом: «Вольф Мессинг, раввин с Горы Кальвария, ученый каббалист и ясновидец, раскрывает прошлое, предсказывает будущее, определяет характер!»

Далее мелким шрифтом указывалось, что для того, чтобы стать обладателем этих тайн, надо лишь по указанному адресу сообщить точную дату своего рождения и приложить к письму два злотых почтовыми мар-ками. И хотя тут же предлагали свои услуги разные астрологи, хироманты, гадалки, гадальщики и ворожеи, меня тогда заинтриговало это «раввин с Горы Кальвария». Откуда на страницах бульварного листка светоч хасидских премудростей?

* * *

Гора Кальвария, местечко в сорока примерно километрах к югу от Варшавы в семнадцатом веке еще называлось Новым Иерусалимом и сияло святостью: шесть костелов, пять монастырей и тридцать пять часовен Кальварии, в которых было изображено все, что происходило во время последнего скорбного пути Христа на Голгофу, или Кальварию, что то же: оба слова

означают «череп», первое на древнееврейском, второе — по-латыни.

Со временем, однако, Гора Кальвария утратила свое прежнее значение для христиан. И тогда там стали селиться евреи, тоже считавшие это место благочестивым. Из далекого Подолья и Гуцульщины проник сюда хасидизм, религиозно-мистическое движение бедных еврейских масс. Его духовный центр образовался вокруг двора местного цадика. Хасиды считали его наследником своего легендарного основоположника Баал-Шем-Това из Окопов Святой Троицы. Резиденция в местечке Гора Кальвария была самой крупной в Восточной Европе, а «герер ребе» — самым влиятельным из цадиков. Последнего из династии Альтеров, Авраама Мордехая евреи считали «магидом», чудотворцем, прорицателем, и у него были приверженцы во всем мире. На каждый шабас к нему съезжались сотни верующих, а на большие праздники — Новый год и Судный день — десятки тысяч. Чтобы разместить хотя бы часть из них, разбивали большие палатки, а чтобы подвозить, провели из Варшавы узкоколейку, прозванную «Тюхтей».

* * *

Объявление Вольфа Мессинга таким образом наводило на мысль о возможных связях со сверхъестественными силами «магида» и, чтобы проверить, так ли это, я не пожалел двух злотых и послал «ученому каббалисту» даты своего рождения. В ответ получил отпечатанную бумажку, что, по правде говоря, и следовало ожидать. В бумажке были туманные фразы о далеком пути, казенном доме, неискреннем друге, счастливых днях… И хотя были потом в моей жизни и дальний путь, и неискренний друг, и казенный дом, и счастливые дни — но я весьма и весьма сомневаюсь, что к этому имел какое-либо отношение билетик Вольфа Мессинга, подобный тем, что выдергивают попугаи или обезьянки шарманщиков. Билетик я выбросил, но Гору Кальвария запомнил: меня пленяло название и особая магия этого местечка, в котором мне даже удалось побывать. Но, увы, не совсем удачно…

Незадолго до начала Второй мировой войны группа молодых львовских поэтов задумала создать литературное кабаре. Меня послали в Варшаву в поисках текстов для программы: надо было отыскать нужного человечка, Хенноха Фукса — поэта, актера и режиссера. Задача не из легких, так как это был непоседливый плут. В варшавских актерских кафейках я узнал, что Хеннох куда-

то смылся и якобы покончил с подмостками, женившись на дочери какого-то торговца в Горе Кальварии. Я решил туда съездить — благо, тридцать с гаком километров всего. Поговорю с ним, возьму тексты, осмотрю знаменитое местечко и сразу смотаюсь. Я и не представлял себе, какое приключение меня там ожидает. Долго смеялись надо мной, когда я вернулся без желанных текстов!

* * *

Стояла полуденная июльская жара и была пятница, преддверие шабаса. Я с трудом отыскал место в набитом до отказа вагончике «Тюхти». Все пассажиры, кроме меня, были хасидами с бородами и пейсами. Я, по правде говоря, до того времени с хасидами близко не сталкивался. Разве что в еврейском театре, когда смотрел сценическую хасидскую легенду «Дибук» Симона Анского. Она очаровывала меня восточными одеждами и ритуалом религиозных обрядов. Кое-что мне рассказывали о том, что ха-сидизм на первое место ставит чувства, а не сухие предписания раввинов. Слышал я также и об их религиозной экзальтации и мистицизме. Теперь, оказавшись среди них, я увидел, что это по большей части торговцы, ремесленники и просто бедняки-кабцаны. Все были возбуждены предстоящей встречей со святым «магидом» и с нетерпением ждали отхода поезда. Но «Тюхтя» не трогался с места и все вбирал и вбирал в себя новые толпы шумливых хасидов. Когда же он наконец дернул и двинулся, то в нем негде было яблоку упасть: все коридоры, все пространства между скамьями были забиты до отказа.

«Тюхтя» тащился со скоростью чумацких волов, подолгу стоял на каждой остановке и ухитрялся принимать все новых хасидов. Деревянные вагоны его буквально трещали по швам. Жарища была невыносимая. Я уже охотно сбежал бы, но ко мне на колени уселось двое и я не мог пошевельнуть ни рукой, ни ногой. Спутники мои, в отличие от меня, явно радовались и громко пели прямо у меня над ухом. А те из них, кому удавалось высвободить руки, еще и прихлопывали в такт:

— Мыт симхе, йиделех, мыт симхе ломир Им динен! — С радостью, евреи, с радостью будем Ему служить!

— Мир хобен а инзерн Тате им гимль! — У нас есть наш Отец Небесный! — неслось из другого вагона.

Тридцать с гаком километров «Тюхтя» одолел за четыре часа. С помятыми ребрами и без пуговиц выкарабкался я из него на

конечной остановке.

У вокзала приезжих поджидали повозки и телеги. Мне посчастливилось взобраться на одну из них и в такой же давке проехать километр до рынка. Те же, кому не удалось попасть в телеги, всю дорогу бодро шагали рядом, продолжая петь — и при этом приплясывать.

На рынке приезжих поджидала толпа местных евреев, сдающих места для ночевки — главным образом на соломе в сараях. Я еще не успел осмотреться и начать расспросы про Хенноха, как он вдруг вырос как из-под земли и заключил меня в свои объятия. Узнал я его с трудом: бесшабашный, всегда немного заморенный бродяга превратился в солидного обывателя с брюшком и лоснящейся физиономией, окаймленной курчавой бородкой. У висков его штопорились причудливые локончики, которые с натяжкой можно было посчитать за пейсы. Метаморфозу дополняла черная, круглая и широкополая фетровая шляпа и долгополый сюртук. Ну, прямо Чарли Чаплин в роли беглого каторжника, переодетого священником в картине «Пилигрим»! Я не выдержал и прыснул. Хеннох пробуравил меня укоризненным взглядом, закатил глаза и торжественно произнес:

— Ибо написано в книге «Барахот», что раввин Иегошуа бен Леви говорил — «Увидевши друга после тридцатидневного отсутствия, скажи: благословен Тот, кто дал мне дожить до этой минуты! А увидевши его после двенадцати месяцев, реки: благословен, восстающий от мертвых!» Ты же, брат мой, после целых трех лет разлуки, поступаешь, как тот, о котором в книге «Когелет рабба» написано: «Плюющему вверх, плевок упадет на голову».

— Хеннох, старик, умоляю, заткнись или я подохну со смеху! Ты гениально играешь роль талмудистского начетчика. Или ты, может быть, на самом деле превратился в одного из этой пляшущей и поющей братии?

— Но ведь и ты притащился с ними на шабас к цадику. Чего тебе надобно в наших палестинах?

— Да тебя же и ищу, окаянная ты душа! Пока ты еще не совсем погряз в этом темном царстве, мне надо получить от тебя несколько хороших скетчей.

— О, не терзай мне сердце воспоминаниями об Аркадии и жизни дорогих мне лицедеев! Айда ко мне! Побалагурим, переночуешь у нас, а завтра вечером можешь убираться. Я хоть душу отведу.

Мы шагали не спеша. И он, посерьезнев, рассказал, как в один прекрасный день вдруг осознал, что ему уже далеко за тридцать, а у него до сих пор ни кола, ни двора. Что и попойки, и

незатейливые романы с бездарными актрисочками, и постоянное безденежье — надоели. В это время как раз пристал к нему профессиональный шахден, сват, и уговорил поехать с ним сюда на смотрины. Рахиль, правда, оказалась девушкой второй свежести и не первой красоты, но ангельски кроткой и доброй. Весельчака Хенноха она полюбила с первого взгляда. Отец же ее, весьма ортодоксальный и весьма набожный еврей, хотя и не хасид, был вовсе не в восторге от светского жениха. Он тут же крайне невежливо заметил, что если ассимилированный еврей хуже собаки, то еврей без бороды — хуже свиньи. И вообще, можно ли такой темной личности вверить судьбу своей единственной дочери, а в недалеком будущем — большой магазин городской и деревенской обуви? И хотя дочка буквально выплакала глаза, старик не сдавался, и еще неизвестно, чем бы все кончилось, если бы Хеннох не догадался начать с ним диспут на талмудические темы. Выходец из прикарпатского местечка, он в детстве получил традиционное религиозное образование и хорошо помнил тексты священных книг. К тому же ему не раз приходилось выступать на сцене в роли ученого раввина. И вообще, он всегда любил пересыпать свою трескотню нравоучительными притчами и талмудическими остротами.

Старый Кац был сражен: этот безбородый апикорец может заткнуть за пояс всех раввинов округи! Он согласился выдать за него Рахиль. При одном условии: зять порвет со своим блудливым прошлым и внешне не будет отличаться от окружающих евреев.

* * *

Двухэтажный дом Кацов весь пропах юфтой. Внизу были магазин, склад и квартира родителей. Наверх, в комнаты молодых вела винтовая лестница. Хеннох сперва представил меня тестю с некой торжественностью: принять на шабас ораха, гостя, почиталось богоугодным делом. Старый Кац покосился на мою непокрытую голову — чего, мол, хочет от его малодушного зятя этот пришелец из его прошлой греховной жизни? — и только молча кивал. Да разве заслуживает еврей без головного убора, чтобы его удостоили хотя бы одним словом?

У входа в свою квартиру Хеннох запел известную притчу Соломонову:

«Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов, уверено в ней сердце мужа ее… Миловидность обманчива и красота суетна, но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы».

Распевая, он все косился вниз — слышат ли там его благочестивое пение?

Рахиль выбежала навстречу, не скрывая удовольствия от столь многозвучной мужниной похвалы и покраснев до корней волос. От волнения и спешки паричок на ее стриженой голове перекосился. Но она тут же покрыла ее тонкой полупрозрачной тканью и зажгла три свечи в старинном серебряном канделябре. Третья свеча означала, что в доме уже есть ребенок. Действительно — в кроватке резвился здоровый годовалый мальчуган. Трогательно было наблюдать, как хозяйка простерла над свечами ладони, пальцами как бы ловила жар пламени и подносила их к глазам. Губы ее что-то горячо шептали. Я подумал: может быть, она молится, чтобы этот неизвестный чужак не нарушил спокойствия дома и не развеял ее позднего счастья?

Я рассматривал накопленное Кацами богатство — старинную мебель, ковры, серебро — и сравнивал все это с логовом Хенноха на куче старых театральных костюмов за кулисами замызганной сцены. Я так и не мог решить — радоваться ли его сытой до отвала жизни или оплакивать загубленного в нем художника?

Однако пора было идти в синагогу, чтобы молитвой встретить шабас. Хеннох подал мне свою старую шляпу и мы двинулись. Изо всех переулков стекались хасиды в колпаках из лисьих хвостов, в праздничных атласных халатах, из-под которых торчали ноги в коротких панталонах, белых чулках и лаковых туфлях. Хасиды ступали чинно, как средневековые немецкие бюргеры, от которых они переняли свой наряд.

Огромная синагога была выдержана в псевдомавританском стиле. Возле нее — море людей. Здоровенные молодцы из охраны цадика с тру-дом сдерживали толпу фанатиков, чтобы она в воодушевлении не задавила и не разорвала в клочья любимого «магида». Проникнуть в синагогу не было никакой возможности. Однако ловкач Хеннох отошел в сторонку, пошептался с одним из прислужников — и тот впустил меня через боковой тайный ход. Поместили меня на пустовавшей сейчас галерее для женщин и велели держаться в тени и не высовывать носа. И я, как из ложи, не дыша, наслаждался фантастическим зрелищем.

Внутренность синагоги была ярко освещена большими, свисающими с потолка люстрами и множеством свечей. От их пламени воздух дрожал, слоился, их свет отражался алмазной, рубиновой и изумрудной россыпью в разноцветных витражах стрельчатых окон. Справа от Арон-Гакодеша — Ковчега Завета, в котором хранятся священные свитки, у восточной стены, одиноко сидел на возвышении «магид» — невысокий упитанный старичок в собольей шапке, со скрещенными по-наполеоновски на груди руками. В некотором отдалении от его трона бурлила толпа людей с безумно горящими глазами.

Хазн за высоким пюпитром запел красивым, хорошо поставленным голосом «Бои, бои, гакаля» и все молящиеся хором подхватили:

Пойди, мой друг и кликни возлюбленную свою.
Наступает Шабат, достойно прими его и береги.
Пойдем, поспешим навстречу Шабату,
Ибо в нем кладезь вдохновения.
Приди в мир, корона Господня,
Приди с радостью и веселием
К вратам верующих, к избранному народу.
Войди, возлюбленная, войди, возлюбленная!

Во время продолжительного пения молящиеся раскачивались и припрыгивали, пока не впали в такой экстаз, что, выбежав на свободное место перед цадиком, стали в круг, широко раскинув руки, обняли друг друга за плечи и пустились в пляс. Круг вращался все стремительнее, все сильнее притоптывали ноги, все быстрее мелькали бороды и разлетались пейсы. Когда быстрота кружения достигла апогея, отдельные плясуны начали взвиваться вверх и как бы повисать в воздухе — таких антраша не постыдился бы и сам Нижинский. Так, должно быть, взвился первобытный человек, впервые ощутив существование Бога!

Я вышел совершенно ошеломленный.

— Не надо забывать, что первоначальное значение слова «хасид» это «набожный, смиренный и жизнерадостный», — сказал поджидавший меня Хеннох. — Они постоянно ищут Бога. А сегодня еще крепко приложатся к бутылке, потому что, по их словам, во время молитвы горит сердце и этот огонь надо залить.

Рахиль подала нам воду, чтобы омыть руки, а Хеннох, перед тем как произнести торжественный кидуш над стаканом изюмного вина, открыл дверь, ведущую на лестницу:

— Я вижу, Хеннох, что ты поступаешь как Рав Гуна, о котором, если не ошибаюсь, сказано в книге «Таанит», что он, прежде чем сесть к столу, открывал двери и кричал: «Пусть войдет, кто голоден!»

— Великолепно! Браво! Святое место, я вижу, освежает твою память и восстанавливает знания. Но я придерживаюсь скорее того, что написано в книге «Дерех Эрец Зутта»: «Смотри, чтобы двери твоего дома не были закрыты, когда садишься к столу». Зачем? — добавил он вполголоса, лука-во стрельнув глазом из-за жениной спины. — Затем, чтобы соседи слыша-ли, насколько богобоязненно произносишь ты свои молитвы!

Фаршированная щука и хала были превосходны — но больше не было ничего: у верующих евреев в этот вечер пища богатого не должна отличаться от еды бедняка.

Рахиль давно ушла спать, а мы все сидели, осушая бутылочку и вспоминая бродячую жизнь и общих друзей. Было далеко за полночь. Я почувствовал, что вообще не засну, если не выкурю папиросу. Хеннох замахал руками:

— Что ты, что ты, старик! Курение в шабас считается тут одним из семи смертных грехов. Голову оторвут!

— Так спят ведь все!

— Мой тесть и через сутки табачный дым нанюхает.

Мы вышли из дома и отправились за черту города, но конечно, в пределе двух километров, допускаемых в шабас. Спокойную тишину тем-но-синей ночи нарушали лишь доносившиеся издали песни и крики подгулявших хасидов. Мы стояли на высоком откосе, а внизу поплескивала широкая Висла. Я жадно курил, а Хеннох ходил кругами, с опаской всматриваясь в темноту.

— Скажи, Хеннох, что это за Вольф Мессинг, который в газетных объявлениях провозглашает себя раввином из Горы Кальвария?

— Я с ним не знаком, хотя и видел несколько раз. Мессингов тут у нас хоть пруд пруди. Вольф приезжает из Варшавы к отцу и братьям. Это бедные и скромные люди, но всеми уважаемые. А его одни считают деше-вым шарлатаном, другие — мешугене,

помешанным чудаком, но безвред-ным. Наши евреи избегают самозванцев, в особенности если у них странные источники доходов. Гадальщик, прорицатель — это не занятие для еврея. Если он, конечно, не цадик…

Утром Хеннох накинул на спину полосатый талес и мы снова отправились в синагогу, где нам предстояло пробыть до обеда. Волнений и шума было не меньше, чем накануне. Я воспользовался временем, когда особо чтимые евреи, вызываемые по очереди, читали главы Пятикнижия, и вышел в город. Улицы были как вымершие и только кое-где степенно прогуливались маленькие девочки в длинных платьицах. Я прошелся по рынку, осмотрел два барочных костела, ратушу, артиллерийские казармы в классическом стиле, древние торговые ряды. Увидев почтовое отделение, я вошел, купил и отправил открытку с общим видом городка. Осмотревшись и убедившись, что вокруг — ни души, выкурил папироску, посмотрел на часы и решил, что пора потихоньку возвращаться в синагогу.

Я уже был невдалеке от нее, когда увидел Хенноха, галопом бегущего навстречу. Лицо его было перекошено, глаза выпучены от страха.

— Амба! — издалека заорал он. — Давай задний ход и сматывайся! Беги скорее на станцию, авось поймаешь какой-нибудь товарняк!

Я ничего не понимал.

— В чем дело, где пожар?

— Рви когти и не спрашивай! К синагоге только что подошел почтмейстер и рассказал, что сегодня впервые в жизни видел еврея, который осмелился у них в штетеле курить в шабас! Тут с этим не шутят, могут закидать камнями!

Он отскочил от меня и зарысил обратно, бросив через плечо:

— А меня еще ждет разговорчик с тестем…

Вот так и запечатлелась в моей памяти Гора Кальвария.

* * *

После того как осенью 1939 года Гитлер и Сталин оккупировали и разделили между собой Польшу, части евреев из западных областей удалось бежать на восток. Из Белостока в Западной Белоруссии вскоре до нас дошли слухи, что какой-то Вольф Мессинг очень успешно выступает там в открытых сеансах и уже завоевал славу удивительного ясновидца. Фамилия эта никому ничего не говорила, и я, может быть, был единственным, кто вспомнил «раввина с Горы Кальвария».

Вскоре после того как пришла и моя очередь бежать из Львова и я осенью 1941 года очутился в Ташкенте, туда приехал на гастроли, а потом там и поселился Вольф Мессинг. Через какое-то время о нем заговорили, стали писать в газетах, приладив ему звание «профессора», и превознося до небес его сверхъестественное умение читать мысли. Постепенно Мессинг стал превращаться в легенду. Ходили слухи о столпотворениях у входа в зрительные залы, о трех сеансах в день и о громадной деньге, им зашибаемой. Последнее нашло свое подтверждение летом 1942 года: в «Правде Востока» появилась статья о самоотверженном и патриотическом поступке профессора Мессинга, на свои личные сбережения подарившего Красной армии боевой самолет. А еще через день в той же газете была опубликована телеграмма:

«Товарищу Вольфу Мессингу. Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищ Вольф Мессинг, за вашу заботу о воздушных силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено.

И. Сталин».

— Ну и ну! — удивился я, прочитав. — Вот так и идет в гору этот наш «раввин с Горы Кальвария»!

Потом как-то все утихло. В городке говорили, что Мессинг дает гастроли на Дальнем Востоке. Передо мной же в октябре его фамилия возникла неожиданно, причем в таком сочетании, что сразу можно было предположить что-то неладное.

Как-то на улице Карла Маркса остановил меня, не к ночи будь помянут, Абраша Калинский, известный в Ташкенте сексот и провокатор. Об этой благородной специальности я к тому времени уже кое-что знал, но, как вскоре выяснилось, недостаточно. Калинский был специалистом по беженцам из Польши. Он их сперва обирал, скупая у них последние ценные вещи, а затем доносил на них органам. К тому времени он уже «отстрелял» до ста с лишним человек! И мало кто из них вышел живым из тюрем и лагерей…

За мной Калинский охотился уже давно, но мне пока удавалось ускальзывать из его ловушек. Он нагло предлагал мне самые выгодные сделки по купле и продаже золота, бриллиантов и даже долларов. Я посылал его подальше, но он терпеливо и настойчиво продолжал идти по моим следам.

— Слушай, — зашептал Калинский, — подвернулся удобный случай драпануть в Иран. Цена пустяковая: для тебя только десять тысяч.

— Катись ты, Абраша, к такой-то матери! Доложи наверху, что со мною не получается, и отстань!

— Ну вот, ты мне опять не веришь… — укоризненно, с печалью во взоре промолвил Калинский. — А я ведь тебе только добра желаю… Подожди, — вдруг оживился он, — сейчас я тебе докажу, что не вру! Постой тут, а я сбегаю в гостиницу, принесу открытку, которую получил из Тегерана от Вольфа Мессинга. Это благодаря мне он уже в свободном мире!

Тут я повернулся и дал ходу. Это меня, однако, не спасло. Когда через несколько недель меня взяли, один из оперативников спросил с ухмылкой:

— Что же это вы в Иран не захотели?

И вот мы оба — автор «открытки из Тегерана» и я, «в Иран не захотевший», — припухаем в одной тюремной камере. Я снова глянул на «раввина с Горы Кальвария». Комок несчастья не изменил своей эмбриональной позы. А Радзивиловский не прекращал болтовни.

— Смотрите, сколько паек хлеба набралось у него на подоконнике! Он-таки да ничего не замечает. Мне его пайки не нужны, своей жратвы хватает, а вот вы после голодухи в карцере едва на ногах держитесь. Сей-час я у него тяпну одну для вас и типун мне на язык, если он заметит. В первый день, когда его привезли на самолете из Туркмении, он поначалу говорил как заводной и все не верил, что такое могло стрястись с ним, с такой знаменитостью. Но после первых же допросов замолчал. Типун мне на язык, если он не рехнулся!

Мессинга и при мне несколько раз вызывали на допрос. Когда надзиратель открывал кормушку и выкрикивал его фамилию, Радзивиловский за него откликался, а затем тащил его под мышки к дверям. Однажды тот пропал на целые сутки, и мы уже думали — закатали в карцер. Но Мессинга, по-видимому, искусственно кормили: когда его принесли в камеру, рубаха у него была в яичных желтках. И наверное, сделали какой-то укол, потому что он крепко спал. А на следующий день вышел с нами на оправку, ополоснул лицо и руки, а вернувшись в камеру, поел хлеба с сахаром и запил кипятком.

— Разговелся, миляга, — просиял Радзивиловский. — Без жратвы в один момент можно в ящик сыграть. Теперь ты, Вольф, должен наворачивать от пуза! Вот тебе от щедрот моих зубок чеснока. В нем вита-мин «це», как в сальце и маслеце!

Радзивиловский захохотал. Вольф Мессинг поднял голову и на губах у него появилось что-то вроде грустной, извиняющейся улыбки. Эта полуулыбка так изменила его изможденное лицо, что мое необоснованное предубеждение против него смягчилось. Мне вдруг захотелось узнать, что он собою представляет. Но как к нему подойти? Он кажется отгородился от всего мира стеной

недоверия. Что с ним стряслось? Неужели маленькому шпику, говнюку Калинскому удалось «оформить» такую восходящую звезду, как Мессинга? Тут какая-то заковыка…

Но пока что мы отлеживались. Я после карцера, где был почти уже готов «расколоться» и «во всем признаться»; он, после голодовки готовящийся… к чему? Ведь дело у него, насколько я понимал, было ясное и изо всех подследственных в этой тюрьме, наверное, только Мессинг да Радзивиловский знали точно, за что сидят.

Радзивиловский, между тем, хотя и проявлял обо мне заботу, начал меня невероятно раздражать. Сперва своим неутомимым оптимизмом и беспрестанным повторением: «Во время войны, чтобы остаться в живых, нет лучше места, чем тюрьма и лагерь». Потом стала раздражать и его сытая, самодовольная физиономия. И охватывала ярость при виде того, как он обжирается частыми обильными передачами, звучно чавкая и отрыгивая — после чего его брюхо вздувалось барабаном, терзая наш слух и обоняние. Такое нарастание нерасположения к сокамернику обычно приводит к взрыву и драке — кто сидел, знает, о чем я говорю. Но для взрыва я был еще слишком слабосилен.

Примерно через полгода, когда я уже перебывал в других камерах и карцерах, надзиратель как-то велел мне отнести в корпусную каптерку личных вещей шмотки пущенного в расход басмача Рахмана. Среди кучи хлама я заметил в углу старое пестрое лоскутное одеяло, — то самое, в которое закутывал меня Радзивиловский после карцера…

«Неужели из трех узников камеры № 13 погиб именно тот, кто был так уверен, что тюрьма — лучшее место, чтобы выжить в войну, и у которого действительно, казалось, было на это больше всего шансов?» — подумал я. И уже с какой-то теплотой вспомнил его неиссякаемый оптимизм, с благодарностью — его лоскутное одеяло и зубок чеснока. И задумался над коварностью и непредрекаемостью человеческих судеб в это страшное время.

Но до этого было еще полгода. А сейчас Радзивиловский не переставая тараторил, Мессинга же не было слышно, хотя он давно вышел из своего оцепенения и, прислонившись к стене, неподвижно сидел, погруженный в свои невеселые мысли. Я решил попытать счастья.

— День добрый, — сказал я по-польски. Пан ведь с Горы Кальвария? Я там знавал кое-кого.

Он настороженно в меня уставился. Взгляд у него был действительно пронзительный, даже можно сказать — сверлящий.

Откуда вы знаете, что я с Горы Кальвария?

— Я много лет читал объявления в «червоняке» и других

газетах.

— А кого вы знаете в моем штетеле?

— Один мой хороший друг женился на Рахили, дочери Каца, у которого торговля обувью. Это, если я не ошибаюсь, на углу Пилярской и Стражацкой.

Он прищурился и кивнул.

— Ну да. Мы живем там рядом. Рахиль я знал, когда она еще в куклы играла.

Он замолчал, явно что-то перебирая в голове.

— Послушайте, не знаю, как вас звать, — начал он через некоторое время, — а вы, часом, не тот самый хороший друг мужа Рахили, который должен был бежать из нашего штетеле, после того как наш почтмейстер накрыл его с папиросой во время шабаса? Я рассмеялся.

— Тот самый. Хотя и не подозревал, что стал в вашем штетеле столь известен.

— Тогда шолом алейхем! — он подал мне руку и перешел на идиш, который он знал явно лучше, чем польский. — Знаете, что я вам скажу? Все время я вот так тут сижу, а мыслями там. Живы ли еще наши евреи? Рассказывают такие ужасы о том, что немцы там творят! Но мне не верится. Ведь в первую войну они ничего такого не делали, а с нее прошло всего-навсего двадцать с чем-то лет. Знаете, — добавил он, улыбнувшись подвернувшейся мысли, — тот самый Кац мне под ноги плевал за то, что я ходил с непокрытой головой. Так я об этом сейчас вспоминаю прямо с умилением! Вот какие были у нас в то время огорчения. Жилось, как у Бо-га за пазухой.

Так начались наши разговоры, разговоры двух евреев, которых постигло одинаковое горе. Правда, у него был налицо «корпус деликти», от меня же следователь добивался, чтобы я сам выдумал себе вину, да еще так, чтобы это выглядело правдоподобно. Я говорил мало, а молчаливый и недоверчивый до того Мессинг вдруг стал словоохотлив. Причем он обращался не только ко мне, а вел разговор и как бы сам с собою. Может быть, он думал, что настали его последние дни и ему надо было вспомнить всю свою жизнь? А может быть, у него теплилась надежда, что я вдруг останусь в живых и расскажу когда-то где-то о его судьбе, позабочусь, чтобы гибель его не осталась безвестной?

Рассказчиком Вольф Мессинг был плохим. Говорил он нескладно, отрывисто, запас слов его был невелик. Зато он часто и помногу цитировал целые отрывки из священных книг: заученное в хедере крепко засело в его голове. И мне трудно передать его повесть не потому, что с тех пор прошло очень много

лет, — все подробности я запомнил хорошо, — а потому, что как передать все то, что сопровождает рассказ местечкового еврея: грустные вздохи, выразительные гримасы, движения бровей, заменяющие иногда целые предложения, все эти характерные словечки «ой», «вей», «а золхен вей», «ша» и многие другие? Так что хотя я постарался сохранить некоторые характерные его выражения, речь его здесь передана не совсем в таком виде, в каком она достигла тогда моих ушей. Кроме того, Мессинг часто перескакивал через события, я же постарался соблюсти в его рассказе некоторую последовательность.

* * *

— Ай, ай, Гора Кальвария… Просто Гора, как у нас говорили. Это мой вайтиг, моя боль. Наше штетеле, где с вами произошла такая неприятность, во время моего детства выглядело совсем иначе. Я помню еще старую Гору. Весной и осенью, чтобы куда-нибудь добраться, вам надо было месить непролазную грязь. Летом прогнившие дощатые тротуары, переходы, кучи мусора и пыль, пыль. Ну, а зимой, прости Господи, сугробы рыжего от мочи снега. Из каждого угла кричала нищета и безнадежность. Правда, был богатый двор цадика с кучей приспешников — им жилось неплохо. Два-три состоятельных купца, вроде Каца, несколько лавочников, еле сводящих концы с концами, бакалейщики и ремесленники… А вокруг море кабцанства, которому прямо не на что было жить. Я, хоть убей, до сих пор не понимаю, как могли прокормить семью люди с капиталом в десять рублей или злотых? На лоточке у него пара кусков мыла, зубной порошок, шнурки для ботинок и гуталин. Или кошёлка семечек и гранёный стаканчик — мерка. Или связка сушёных грибов. Или низка инжира. Я думаю, что если бы не гроши за ночлег от хасидов, большинство бы с голоду пропало, Боже нас от этого упаси!

О нашей семье могу сказать: мы тоже были горькие кабцаны, хотя, благодарение Господу, не из самых последних. Ведь кроме двора цадика в самой Горе и фруктовых садов в ее окрестностях, в наших местах не было ничего, что могло бы дать заработок людям. Два или три производства мармелада и повидла не в счет — сезонная работа для горстки женщин. О гоях я не говорю, их в Горе было совсем мало, и у нас с ними не было почти ничего общего. Врачи, ветеринары, чиновники, аптекарь, куча ксендзов, военные — это был другой мир, в который наши йиделех и не пытались проникнуть. Мало кто из нас и говорил по-ихнему, прости, Господи, темноту нашу!

Должен вам сказать, что почти треть евреев в Горе были Мессинги. Моего отца звали Хаим Мессинг. Но и Хаимов Мессингов у нас было несколько десятков. Поэтому давали прозвища. Отца моего прозвали Хаим Босой. Как вы думаете, сколько надо ходить без ботинок, чтобы приобрести такое прозвище в штетеле, где большинство детей шлепает босиком до глубокой осени?

Отец мой — не хочу сказать блаженной памяти, хочу верить, что он жив — арендовал сады, с которыми была возня от зари до зари. Этот гешефт имел и свой страх и свой риск: кто мог знать, какой будет осенью урожай? Весь год гни спину, вкладывай деньги, а только осенью узнаешь, пан или пропал. Если получался рейвах, отец с этой прибыли расплачивался с долгами и запасался продуктами на долгую зиму.

Я был у отца первым помощником. Мать — да пребудет священным имя ее! — изнуренная родами, выкидышами, тяжелым трудом, рано состарилась и часто болела. Из детей, кроме меня, в живых остались еще два моих младших брата.

Сад был для меня сущим наказанием. Он был почти всегда вдали от местечка, отец не успевал один ухаживать за деревьями и кустами, бороться с вредителями, и я должен был заниматься окуриванием. Знаете, что это такое? Глаза воспалены, слезы текут, горло дерет, прямо задыхаешься. А потом, когда урожай дозревал, сад надо было стеречь от деревенских сорванцов, которые налетали ватагами, трясли деревья и обрывали кусты. Злую собаку, которую давали мне в помощники, я боялся больше, чем этих шайгецов. Шалаш, в котором я прятался от дождя, продувало насквозь, и ночами я дрожал от холода и страха. Ой, цорес ын ляйд!

Незабываемыми событиями в моей жизни были тогда две поездки с отцом в Варшаву: мы там сдавали товар купцам в Мировских торговых рядах. Второсортные фрукты, или которые с гнильцой, мать выносила на местный рынок. С моей помощью, конечно. Бекицер — без меня ни на шаг!

До осени отец всегда пробивался мелкими ссудами. Когда надо было возвращать Горовицу такой гимляс-хессед, он посылал меня к Гольденкранцу, занять у него на неделю десять рублей. Через неделю — к Горовицу, чтобы теперь у него перехватить десятку и отнести ее к Гольденкранцу. Я, как в том анекдоте, как-то сказал отцу: «Тате, причем тут я? Разве Горовиц с Гольденкранцем не могут сами уладить дело между собой и сами носить эти деньги туда-сюда?»

Когда Бог был милостив и случался большой урожай, да еще удавалось его выгодно продать, отец посылал меня в хедер, чтобы

я немного поучился. Тогда мне позволяли надевать ботинки, а то я, делая честь отцовскому прозвищу, бегал босым до поздней осени. Брюки и курточку мне шили из перелицованной старой отцовской одежды. Еда у нас была: черный хлеб, картошка, лук, репа, кусочек ржавой селедки на ужин и кофе из ячменя и цикория, который мать утром варила на весь день в большой кастрюле…

Но в шабас, поверьте мне, совершалось чудо: на столе появлялись рыба, мясо, белая хала. Отец отпивал глоток вина на кидуш, горели свечи и наша серая и мрачная комната, полная старой рухляди, становилась праздничной. На белой как снег скатерти даже щербатые ложки, вилки и старая глиняная посуда казались красивыми.

В казенную гойскую школу я никогда не ходил, а в хедер бегал охотно и учился успешно. В то время как большинство других учеников бездумно горланило, читая очередную главу хумеша и переводя ее на идиш, я старался все понять и вникнуть во все подробности. Я так донимал вопросами нашего старого меламеда ребе Янкеля, что с него, бедняги, семь потов сходило.

Запомнилось, как особенно задел меня Лот, племянник Авраама. — Ну, вся эта неприличная история с его дочерьми. Вы помните? Пришли два ангела вечером в Содом, когда Лот сидел у городских ворот. Помните, как сказано в книге Бытия: «Лот увидел и встал, чтобы встретить их, и поклонился лицом до земли. И сказал: государи мои! зайдите в дом раба вашего, и ночуйте, и умойте ноги ваши, и встанете поутру и пойдете в путь свой…» Видите, я могу еще слово в слово цитировать.

Ну и потом, вы, конечно, помните, как ночью собрались жители Содома и вызвали Лота из дома и сказали: «Где люди, пришедшие к тебе на ночь? Выведи их к нам, а мы познаем их». А Лот никак не хотел и предлагал своих малолетних дочерей. Этого я не мог понять: что это еще за варварство такое?

— Реб Янкель, — сказал я, — не понимаю, чего этот Лот так перепугался? Ну, что такого, что содомляне хотели познакомиться с этими пришлыми людьми?

Наш меламед покраснел под седой бородой как рак и промямлил, что они хотели не «познакомиться», а «познать». Но я не отставал:

— Реб Янкель, не понимаю, в чем тут разница?

Тогда он решился.

— Они хотели спариться с ними, как мужчина с женщиной…

Местечковым еврейским мальчикам не морочили голову сказками про аиста, и мы знали, что к чему. Но в этом случае что-то не вязалось с моими познаниями: ведь ангелы же явились в

виде мужчин?

Запинаясь и осторожно подбирая слова, бедный реб Янкель запутанно объяснил, что люди могут иногда проявлять дикую извращенную похоть. Но мне все-таки было неясно: ведь гости были непростые, почти сразу после того они «людей, бывших при входе в дом, поразили слепотою, от малого до большого». Так что? Не могли они это сделать немножечко раньше? Я не понимал, что это, как теперь говорят, проверка: Бог хотел знать, готов ли Лот для Него на такую жертву? Ну, как это было с Авраамом и закланием Исаака. Но старый реб Янкель был не догадливей меня. Да ему ученики вообще редко задавали вопросы, а такие, как я, вероятно, никогда.

Ну, а дальше по ходу книги Бытия похождения дочерей Лота меня еще больше возмутили: эти милые девушки напоили отца допьяна и по очереди его изнасиловали — только потому, что не смогли найти себе женихов. Если Тора должна быть примером для подражания, то спасибо вам! У нашего соседа, сапожника Шмуля Клоца были две засидевшиеся дочки-бесприданницы, дюжие такие девки. Так что, им надо было брать пример с дочерей Лота? Нет, знаете, я тогда разочаровался в Священном писании навсегда.

Отец мой не был хасидом и у нас со двором цадика и с этими неистовыми толпами, всегда готовыми петь и плясать, не было никаких отношений. За исключением разве того, что, как все, нуждавшиеся в деньгах, мы, несмотря на тесноту нашего нищего жилья, ухитрялись сдавать приезжим богомольцам каждый свободный кусок пола для ночевки. В большие праздники нам часто приходилось ютиться в сарайчике, который кишел крысами, тараканами и сороконожками. Тут же рядом была вонючая помойка, где шмыгали одичавшие паршивые кошки. Да, жизнь была невеселая, хоть гевалт кричи.

Светлейшим моментом в моей жизни бывал праздник Пурим, карнавал еврейской бедноты. Молодежь рядилась, кто во что мог, и ходила по улицам, разыгрывая сцены из библейской Мегилот Эстер. Выступал царь Ахашвер, его добродетельная жена Вашти, которую разгневанный царь прогнал за то, что она не захотела показать красоту своего тела царским гостям. Доморощенные актеры изображали в лицах, как Ахашвер подыскал себе другую жену, красавицу-еврейку Эстер, как его министр Аман — перед которым все падали ниц, кроме Мардохея, дяди Эстер, — задумал устроить еврейский погром: «Всех с женами и детьми всецело истребить… без всякого сожаления и пощады». И как с помощью Эстер всех евреев спасли, а Амана отправили на виселицу, приготовленную для Мардохея.

Все женские роли разыгрывали парни, мастерившие себе царские одежды из старых портьер и скатертей, а короны — из позолоченной бумаги. Лицедеев сопровождала толпа статистов из ребят, напяливших на головы чалмы из тряпья — они изображали простой народ, еврейский и персидский. Я выстрогал себе деревянный меч и сразу стал рангом выше — попал в царскую свиту. Бродячие лицедеи заходили и в богатые дома, получали там подаяния.

Долгими вечерами пуримшилеры бродили по улицам, приставали к знакомым и незнакомым, делая им неприличные предложения. Зажигали лампионы, запускали ракеты, которые рассыпались серебряными звездами… Все это придавало нашему штетеле сказочный вид. Выглядели новее ободранные и перекошенные дома, выпрямлялись сгорбленные спины, округлялись впалые груди, покрывались румянцем бледные щеки. Очевидно, именно тогда я неясно ощутил, что существует искусство как форма отражения и приукрашивания действительности. А поскольку зрелища облегчают жизнь, я начал к ним тянуться. Но в Горе не было никакого искусства. Никогда, ни в одном доме я не видел ни одной картины. Да и зрелищ было — а золхен вей! Один раз заехал бродячий фотопластикон. Мне удалось проскользнуть без билета и через окошко с увеличительным стеклом поглазеть на объемные панорамы, изображавшие большие города, храмы, дворцы, пирамиды, джунгли. Там было лазурное небо, много солнца, много света, много сочной зелени и пестрых цветов. Не хотелось верить, что такое может существовать взаправду. Серость нашей жизни была удручающа.

Мне было тринадцать лет, когда внезапно скончалась блаженной памяти мать моя. Как бывает у бедняков, внешне она ко мне большой нежности не проявляла, но была настоящей идише маме, и ее широкий передник не раз служил мне надежной защитой от отцовского гнева. Я помню слезы в ее глазах, когда вечером в шабас она зажигала свечи и, положив нам, детям, на головы свои натруженные шершавые руки, благословляла нас. Руки ее дрожали, а губы нашептывали заклинания от дурного глаза.

Я смутно помню, как пришли старухи из хевра кадиша, чтобы обмыть мать и одеть в смертный саван. Четверо евреев несло на плечах носилки с телом через все местечко, а мы плелись сзади, слушая, как женщины нараспев причитали, восхваляя покойницу, которая жила как ребцин и должна за свои добродетели удостоиться вечного упокоения в геннадим с праведниками. Над могилой я прочел кадиш, потому что после бармицвы считался

уже мужчиной.

Во время тех семи дней, когда вся семья горевала, сидя шиве на низеньких скамейках, я все думал, как теперь быть. Шехель, здравый смысл подсказывал, что в Горе меня уже ничто не держит и что надо уходить и отыскивать себе место под солнцем. Я ведь еще нигде не был и ничего не видел, кроме Мировских торговых рядов в Варшаве. Но я молчал, затаив мысли, и ждал подходящего случая.

В Гору Кальвария иногда заезжали бродячие балаганы, а в храмовые католические праздники даже третьеразрядные цирки. Наши евреи этими гойскими зрелищами не увлекались. Они с удовольствием слушали в синагоге выступления странствующих хазенов. Об их искусстве, голосе и манере исполнять псалмы они могли потом спорить и рассуждать неделями. Но я, видно, оказался выродком, потому что распевов хазенов не любил, зато при одном слове «цирк» начинал дрожать от восторга.

Цирк «Корделло», как я сегодня понимаю, был скорее намеком на цирк. Но тем не менее, я совсем потерял голову, когда у монастырского вала у излучины Вислы забелело его шапито. Это было скорее семейное предприятие. Отец, пан Антон Кордонек, был директором, дрессировщиком, эквилибристом, мастером всех цирковых искусств в одном лице. Пани Розалия, его жена, тоже умела проделывать все, что демонстрируют цирковые артистки в манеже. Двое сыновей, силачей и акробатов, две малолетние дочки-наездницы, да дядя Конрад, один заменявший целый оркестр — вот и вся труппа. Чуть ли не членами семьи считались две пары лошадей, работавших в манеже и ходивших в упряжке, любимец детей пони Цуцик, вислоухий ослик Яцек, бодливый козел Егомощ, да шкодливая и озорная обезьянка Муська. Были еще две собачонки из породы шпицов и пятнистый дог.

Хотя денег у меня не было, я ухитрялся попасть на все спектакли, пролезая прямо между ног у зрителей.

Из-за ремонта цирку пришлось задержаться у нас довольно долго — и все это время я дни напролет вертелся вокруг жилого фургончика, двух фургонов побольше и палатки, огораживавших стоянку цирка. Привлекали меня запах конюшни, отзвуки тренировки и будни иной, увлекательной жизни. Я был счастлив, если мог помочь: принести воды, дров, охапку сена или соломы. Циркачи постепенно привыкали к моему молчаливому присутствию и добровольной помощи. И когда меня в один прекрасный день дружелюбно пригласили: «Эй, жидэк, садись с нами к столу!» — я понял, что стал у них почти своим человеком.

В ермолке, в четырехугольной накидке с вырезом для шеи, с

мотающимися внизу арбе-каифес, я сидел молча. Не только потому, что невероятно стеснялся: я ведь по-польски знал всего несколько слов. Не сразу смог я прикоснуться к трефной гойской еде. Хозяева меня ободряли, добродушно посмеиваясь. Трудней всего было, конечно, проглотить свинину. Господь наш, элохейну, прости мне, блудному сыну, который первым из рода Мессингов опоганил свой рот этой нечистой едой!

Когда цирк стал собираться в путь, я прямо впал в отчаяние. Впервые я приобрел друзей и сразу же терял их. Я проворочался всю ночь, а под утро взял свой тефилим для утренней молитвы, завязал в узел краюху хлеба и луковицу, и вышел из спящего еще местечка по направлению на Гроец. Отойдя шесть-семь верст, я сел на бугорок у дороги. Вскоре раздался топот копыт и громыхание фургонов. Когда они поровнялись со мной, пан Кордонек увидел мою зареванную физиономию, он натянул вожжи и произнес: «Тпру-у!» Потом немного подумал — и не говоря ни слова, по-казал большим пальцем назад, на фургон… Залезай, мол! Так началась моя артистическая карьера.

За оказанную мне доброту я изо всех сил старался быть полезным членом труппы. Преодолев страх, я научился обхаживать и запрягать ло-шадей и ходить за другими животными. Пейсы свои я обрезал и напялил на себя что-то вроде ливреи. Нашлась для меня и обувь.

Я был хилым малым, и хотя уже вкусил премудрости Талмуда и мог кое-как комментировать Мишну и Гемару, но к жизни был еще не очень приспособлен, — в особенности к цирковой. Но со временем я научился стоять на руках, ходить колесом и даже крутить солнце на турнике, делать сальто-мортале. Я мог даже выступить клоуном у ковра. Первый мой самостоятельный номер был с осликом: я пытался его оседлать, а он меня сбрасывал и волочил по манежу. В другом номере меня преследовал козел, а обезьянка дергала за уши.

Кордонки относились ко мне, как к члену семьи, и я не жалел, что ушел из штетеле. В свободное время мама Кордонкова обучала своих дочек и меня польскому языку и грамоте. Папа Кордонек показывал мне секреты иллюзионистских трюков. Моя невзрачность и невесомость очень подходили для факирских выступлений. Я научился ложиться на утыканную гвоздями доску, глотать шпагу, поглощать и извергать огонь.

Меня прямо распирало от гордости, когда я смог написать на идиш первое письмо домой. Адрес по-польски я тоже надписал сам. Я писал, чтобы они не считали меня пропавшим, что я теперь имею специальность, что мне живется хорошо, и что я не забываю читать кадиш за упокой маминой души. В подробности я

предпочел не вдаваться.

Я тогда действительно радовался жизни, как птица, вырвавшаяся из клетки. Может быть, это и были самые лучшие годы моей жизни. Я потом уже никогда не мог без волнения смотреть на бродячие цирки, встречая их на своем пути.

Кочуя из местечка в местечко, мы объехали весь Привислинский край. Плохо было зимой: дороги заметало, в нашем жилье на колесах становилось совсем холодно. Заманить зрителей в продуваемое ветром шапито было трудно. Иногда мы выступали в пустых сараях, лабазах, пожарных депо. В самые лютые морозы мы отсиживались в родной деревне Кордонков и жили на сбережения. Весной же все начинало крутиться по-старому, снова жилось привольно и перед нами открывались все дороги.

Совсем неожиданно, в разгар лета 1914 года вдруг разразилась война… Страх сказать — мировая! Немцы наступали, русские отступали, фронты передвигались, людям было не до зрелищ. Молодых Кордонков призвали в армию, и наш цирк распался. Пришлось мне возвращаться домой. Гнев отца я смягчил, отдав ему почти все, что заработал. Отец в мое отсутствие вторично женился, и хотя мачеха была добрым человеком, я не мог смириться с мыслью, что она занимает место мамы. Товарищей у меня не было, все от меня шарахались: я был одет как шайгец, курил, редко бывал в синагоге. Я был апикорец — отрезанный ломоть. Отцу я еще более неохотно помогал и в своем штетеле прямо задыхался.

Кордонек не раз упоминал посредника по устройству цирковых артистов, какого-то пана Кобака. Я отправился в Варшаву его искать. Ночевал в притворах синагог, в клоузах, где талмудисты ночи напролет корпели над книгами. И в конце концов этого пана Кобака. я нашел. Он оглядел мою тощую фигуру и сделал большие глаза. Но когда я сослался на работу в цирке «Корделло» и продемонстрировал несколько несложных акробатических номеров, он взял меня на учет в амплуа факира. Через неделю я получил от него письмо — сколачивались тогда небольшие труппы для ярмарочных балаганов.

Мне пришлось выступать с группой лилипутов, с парой великанов, с бородатой женщиной, с человеком с лошадиной головой и со всякими другими монстрами. Один ловкий антрепренер придумал показывать меня в стеклянном гробу, заверяя публику, что я голодаю уже сорок дней и принимаю только газированную воду. К этой роли я очень подходил: специально худеть мне не приходилось. Я лежал неподвижно, подремывал, а из-под чалмы торчал мой длинный нос и были

видны впалые щеки. Как «глодомор Такамура» я даже приобрел некоторую известность: про худых и заморенных людей стали говорить, что они выглядят как Такамура на сороковой день голодовки. Этот голодный номер так хорошо кормил меня целых два года что я пополнел и пришлось прекратить валять дурака.

Когда работы не было, я возвращался в Гору. Чтобы еще раз убедиться, что мне там нечего делать. Я там томился в ожидании приглашения на работу. Между тем мировая война окончилась, и новое польское правительство сразу призвало меня на военную службу. Тут вспыхнула и другая война, польско-советская. Я был здоров, хотя и хил; меня зачислили в санитарную часть. Я там показал несколько фокусов, прогремел «маги-ком» и вскоре меня стали приглашать для выступлений в разных воинских частях.

После демобилизации я взялся за старое. Выдающимся артистом я не сделался, мыкался по балаганам и луна-паркам. Жил неважно, но не возвращаться же в Гору, копаться в отцовских гнилых яблоках? Я начал подумывать о чем-то более подходящем.

В это время из Германии и Чехословакии пришла к нам мода на публичные выступления разных ясновидцев и телепатов. Газеты много писали о чешском еврее Лаутензаке, который под псевдонимом Эрика Гануссена проделывал удивительные эксперименты в кабаре Берлина, Вены и Праги. Вскоре и в Польше заговорили о своих медиумах: Гузике, Оссовецком, Клюско. В тяжелое время инфляции, кризиса и безработицы людям хотелось какого-то чуда, хотелось узнать, что принесет будущее. Когда подводил здравый шехель, искали необычайного. Я понятия не имел об этих вещах и меня эти бубы мансес, бабушкины сказки, не волновали. Другое дело знать те трюки, при помощи которых все это проделывалось. И я решил постараться узнать, что нового в мире иллюзионистов.

Жил я тогда скромно, снимал угол у одной вдовы в еврейской части Варшавы. И как-то решил в первый раз пойти в модное варьете на улице Новый Свят. Шик и блеск этого заведения меня ошеломили. В полуподвальном, отделанном со вкусом помещении, освещенном неярким светом вращающихся цветных люстр, за богато накрытыми столиками в ложах сидели господа в смокингах и дамы в декольтированных нарядах. Бесшумно сновали официанты во фраках. Боже мой, куда тут мне в моем потрепанном «лучшем» костюме? Я. забился в темный угол возле стойки бара и оттуда наслаждался новой для меня атмосферой. На небольших подмостках с задником в виде раковины выступали поочередно шансонье, танцевальные дуэты и комики. Потом вышел артист в безукоризненном фраке, четко выделявшемся на красном плюшевом фоне. Этот напудренный и напомаженный

хлыщ игриво кокетничал с публикой и в такт нежной музыке демонстрировал иллюзионистские номера с игральными картами, зажженными сигаретками, платочками и шариками. Сами по себе номера были простенькие, — но надо было видеть, как этот хлыщ их подавал! Он шаркал ножкой, грациозно изгибался, посылал в публику воздушные поцелуи. Я смотрел, как зачарованный, и думал: ну, куда мне, горемыке, до него! Нет, никогда бы я не сумел так выпячивать тухес и так им вилять! Да и рылом я не вышел…

Но вот конферансье объявил, что теперь выступит известный телепат и ясновидец Арно Леони, который читает человеческие мысли как открытую книгу.

Вышел солидный дядька с хорошенькой ассистенткой и начал проделывать захватывающий номер. Этот с публикой не кокетничал, голос его был внушителен, а тон повелителен. Он держал зал в напряжении, работал в темпе, подгоняя свою ассистентку и публику, заставляя их действовать по своему внушению. Он угадывал, где запрятаны предметы, объявлял, что находится в карманах господ и сумочках дам, прочитывал цифры сквозь запечатанные конверты. Это были фокусы самого высокого класса.

Я понимал, что это держится на трюках, но на каких точно, — не соображал. Однако я сделал два важных вывода: что главная роль тут принадлежит ассистентке и что такие штуки мог бы не без успеха проделывать и я. И, вдобавок, что это не так уж сложно: публика любит, чтобы ее обманывали. Словом, я загорелся новым амплуа.

Я начал донимать пана Кобака: где можно обучиться этим телепатическим хитростям и доходное ли это дело, дает оно парнусе или нет? Пан Кобак об этом не имел никакого понятия и направил меня к некому пану Циглеру, антрепренёру артистов варьете. Тот со мной, лапсердаком, сперва и говорить не захотел. Куда ты, мол, Мессинг, прешь? Телепатия, мол, не твоего ума дело, тут требуется солидное образование и изучение психологии. Но я не сдавался и твердо решил освоить все эти тонкости. Оказалось, что эстрадных телепатов уже не так мало, но котировались они по-разному. Но вообще-то это новое искусство прочного места себе еще не завоевало.

Я перестал морочить голову Циглеру, но мысль овладеть новой специальностью засела прочно — надоели дешевые ярмарочные балаганы и дурацкие факирские штучки. Не буду же я всю жизнь жечь себе огнем глотку и тыкать в нее шпагу!

Я долго искал и, наконец, мне удалось познакомиться с неким паном Залесским. Это был телепат не крупного разряда, но

ремесло знал хорошо. К сожалению, он был горький шикер и иногда напивался до потери сознания. Он долго ломался, но наконец взял меня, с условием, что не только ничего мне не будет платить, а что я должен внести за учебу ребегельд. Я отдал ему почти все мои более чем скромные сбережения и снова стал жить впроголодь, словно факир в стеклянном гробу.

Старый пропойца не торопился посвящать меня в тайны телепатии, но ведь и я не лыком шит. Я начал копаться в букинистических лавках на улице Свентокшижской и разыскивать книги о телепатических экспериментах. Читать я, как вы уже знаете, был не очень горазд, к тому же плохо понимал терминологию и мне пришлось пробиваться как сквозь китайскую грамоту. Но я все же одолел книги Охоровича, Манчарского и Рише в переводе с французского. Через некоторое время я уже мог с грехом пополам ассистировать маэстро Залесскому.

Он стоял на сцене с плотно завязанными глазами и любой из публики мог убедиться, что повязка непрозрачна и плотно облегает голову. Вдобавок он еще демонстративно поворачивался спиной к залу, где я в это время шнырял между рядами. Я обращался к одному из зрителей и просил его вручить мне какой-нибудь предмет. Ну, что может быть в карманах у человека в такой обстановке? Чаще всего мне подавали часы. И тогда я показывал их зрителям, а затем таинственно, как бы стараясь направить телепатический ток на маэстро, спрашивал:

— Что у меня в правой руке?

Маэстро корчился, как пораженный электрическим током, а затем глухо выдавливал:

— Ча-сы…

После того как гром аплодисментов стихал, я спрашивал:

— А что у меня в левой руке?

Это означало — очки.

— А что у меня теперь в левой руке?

Здесь речь шла о расческе.

Существовала подробно разработанная система обозначений для всех предметов, которые люди носят при себе. Надо было только очень остерегаться детей, — и я их потом всегда страшно боялся: у них в кармане могла оказаться стрелянная гильза, ракушка или живой воробей…

Еще проще был номер со словами или цифрами в запечатанном конверте: в шляпу или коробку, куда собирали записки из публики, надо было только незаметно подбросить свой собственный листок, а затем его ловко оттуда извлечь.

Я тут никаких секретов вам не выдаю, их почти все знают. Так можно одурачить только какого-нибудь простофилю из

глухомани. Но должен сказать, что со временем телепатические номера все более услож-нялись и за изобретениями выдающихся телепатов угнаться было нелегко. Вскоре были введены, теперь широко применяемые, так называемые «кон-такты через руку», где при сноровке и соответственном предрасположении можно добиться удивительных успехов.

Через полгода я решил выступить самостоятельно. С Музей, бывшей ассистенткой моего маэстро, мы отправились в клуб железнодорожников под Варшавой — там я и дебютировал. Обливаясь потом от волнения, я метался по эстраде и нес какую-то словесную чушь. Выручила опытная ассистентка, умная шикса, которая меня так хорошо вела, что я счастливо дотянул до конца. Хотя бурных аплодисментов не было, я благодарил Всевышнего уже за то, что меня не освистали. Знаете, что я вам скажу? Я этого волнения перед выступлением так никогда и не смог преодолеть. Как выступать, так у меня сразу такое начинается в животе! С годами это даже усилилось.

Плохо ли, хорошо ли, но я овладел новой специальностью и стал с грехом пополам выступать — хотя и не в шикарных варьете с красным плюшем. Нашелся и антрепренёр, рискнувший организовать турне по Польше. Втроем мы объезжали города и местечки, находили помещения, расклеивали афиши и выступали по два-три раза в день. Публика была, слава Богу, не очень взыскательна, а со сборами было как когда. Но расходы мы покрывали и у нас в карманах кое-что оставалось. Только это была снова та же жизнь на колесах…

* * *

Мессинг умолк: в коридоре гремели баки с баландой и сквозь массивные двери камеры завоняло гнилой капустой. Когда Мессинг поднялся с койки и с миской в руке пошел к кормушке, меня вдруг осенило — ведь я уже когда-то видел эту фигуру! Когда я был в третьем классе львовской гимназии, наш классный наставник как-то объявил, что завтра после уроков в гимнастическом зале выступит телепат с сеансом угадывания мыслей. Билет стоил пятьдесят грошей — это я хорошо запомнил; на фамилию же телепата вообще не обратил внимания.

На подмостках суетился человечек с торчащим крючком носом и лохматой головой; взгляд у него был пронзительный. Голос был скрипуч, а речь, хотя и невнятна, но повелительна. В своем темном костюме он был удивительно похож на нашего преподавателя математики по прозвищу Галка. Не все его номера

захватывали юных зрителей, но были и интересные. Вот он хватает кого-то за руку, стремится из зала и находит в уборной спрятанную шапку. Браво! Браво! Но Антек Мерский и Метек Барщ, два наших озорника, перемигнулись — и когда один из них в присутствии ассистентки спрятал в коридоре перчатку, другой ее тут же потихоньку перепрятал. Напрасно метался озадаченный телепат, выкрикивая свои заклинания! В конце концов он сник и плаксиво пожаловался, что кто-то в зале хулиганит и не дает ему сосредоточиться.

Это было пятнадцать лет тому назад. Глядя на его остриженный арестантский череп, я не мог удержаться от смеха, вспомнив его лохматую голову и нашу мальчишескую выходку. Мессинг, конечно, этого случая не помнил, но заметил, что не зря же он всегда опасался детей.

— Почти пять лет эти гастрольные поездки обеспечивали мне довольно состоятельную жизнь, — продолжал Мессинг, похлебав баланды. — Я смог кое-что отложить, позволить себе сделать перерыв. Но нельзя сказать, чтобы я был доволен этой работой: бесконечные поездки, мерзкие меблированные комнаты, тошнотворная вонь дешевых столовых. И никак не мог я освободиться от волнения перед выступлениями — каждый раз я робел, боялся скандала, провала и разоблачения. Я решил снова искать что-то новое, что-то более спокойное и надежное.

Я знал многих гадалок, ворожей, предсказателей будущего, выступавших на ярмарках и в луна-парках. Большинство из них жило хуже моего, но были среди них и свои звезды. В бульварных газетах ежедневно бросались в глаза объявления: психо-астролог Шиллер-Школьник — или графолог-хиромант Ян Шаржа-Дежбицкий — предсказывают будущее. Просили они за свои услуги недорого. Но ведь регулярные объявления влетают в копеечку! — значит гешефт давал свой навар.

Неплохо было бы этим заняться. Но сперва надо хорошо обмозговать. Техника ведь у всех одна и та же, но большинство едва сводит концы с концами, а у этих немногих — успех. В чем секрет? Я познакомился со всем, что было мне доступно в области астрологии, оккультизма, кабалистики, особенно со знаками Зодиака и влиянием конфигурации звезд на человеческие судьбы. Снова пришлось взяться за книги, будь они неладны…

Но ведь в книжке не найдешь отгадку, почему Шиллер-Школьник на этом деле делает гешефт, а другие едва держатся на поверхности? Как составить объявление так, чтобы читатель обратил на него внимание, не пробежал равнодушно мимо? Я понял, что любой гороскоп составить куда легче, чем это чёртово

объявление — я уже правильно сообразил, что именно в нем главная загвоздка. В объявлении Шиллера-Школьника был всегда портретик: сосредоточенное, излучающее энергию лицо, искусно намотанная чалма, а в ней брошь с крупным камнем, густые брови, жгучий взгляд. Ян Шаржа-Дежбицкий был знатным шляхтичем, и в его объявлениях красовался старинный родовой герб: ясновельможный пан изволят снисходить, приподымая тонкими аристократическими пальцами завесу твоего будущего…

Ну, а чем я могу ошарашить клиентуру? Поместить свою морду с крючковатым носищем и оттопыренными ушами? Любуйтесь, мол, вот Вольф Мессинг с Горы Кальвария… Стоп! А ведь «Гора Кальвария» — это совсем неплохо. Священный город, праведники, паломники, густой мистический соус. А если вот так: раввин Вольф Мессинг с Горы Кальвария предсказывает, угадывает — и так далее?

Я снял комнату на улице Новолипки в еврейском квартале Варшавы, нанял старичка-пенсионера для переписки, заказал в типографии варианты гороскопов и начал давать объявления, которые вы сами читали — и, заметьте, очень хорошо запомнили! Колесо закрутилось. Начали поступать письма. «Достопочтенный пан Раввин, помогите, не знаю, как быть…» Люди просили совета по делам любви, семейного счастья, имущественных отношений. Даже хотели, чтобы я угадывал для них счастливые номера лотерейных билетов! Это я-то, человек, который на четвертом десятке не сумел еще наладить свою собственную жизнь, был горьким кабцаном, никому не нужным бобылем… О, если бы я умел угадывать номера лотерейных билетов, которые выигрывают! Я показал бы тогда всем, как жить! Пока же я ходил в соседний ларек и обменивал на злоты почтовые марки, приложенные к письмам.

Лотерея не лотерея, а я, кажется, впервые поставил на хорошего коня. Письма поступали регулярно, я смог снять отдельную квартиру, стал даже ездить отдыхать в еврейский пансион в Сродборове под Варшавой. Я уже стал кем-то: стоило назвать свое имя и фамилию, как люди сразу величали меня раввином и заискивающе улыбались. Когда я приезжал в наше штетеле на праздники к отцу, которому, конечно, помогал деньгами, то даже наши евреи стали ко мне относиться с уважением, приглашали в гости, спрашивали совета. Местные польские интеллигенты — ксендз, директор школы, аптекарь охотно со мной беседовали, даже на политические темы. Я стал хорошо одеваться, посещать лучшие рестораны, ездить на извозчиках. Вокруг меня стали увиваться шахдены, предлагая заманчивые партии: девиц из обедневших семейств,

состоятельных вдовушек, соблазнительных разведенных красоток. Но я уже привык к холостяцкой жизни и в ближайшем будущем жениться на собирался. Не возьму греха на душу: несколько лет мне жилось хорошо, никаких забот.

Вот, говорят, что в Польше царил антисемитизм. Оно так, наверное, и было, но я этого никогда не чувствовал. Кордонки помогли мне начать новую жизнь. Я ездил к ним в деревню, когда они состарились. Там меня принимали как члена семьи. И во всей деревне ко мне никто плохо не относился, хотя моя национальность написана на моем лице. Да я ее и не думал никогда скрывать. Я старался ничем не выделяться, всегда жил своим трудом, развлекал людей, предоставлял им иллюзии, — а ведь в этом нуждается каждый…

Старая жизнь кончилась, когда Гитлер напал на Польшу. евреи побежали на Восток, где уже наводила свои порядки Красная армия. До Буга, где проходила демаркационная линия, добраться было нелегко. Советские пограничные посты чинили всякие препятствия, не понимая, почему так бегут евреи: они понятия не имели о том, как относятся к нам немцы. Да и Гитлер ведь был у них тогда еще союзником.

Брест-Литовск был набит беженцами и поток их не прекращался. Место для ночевки я нашел с трудом — в притворе синагоги между бездомными шнорерами. Я решил двинуться в Белосток, который теперь стал столицей Западной Белоруссии. У меня там были старые знакомые.

Жить становилось все труднее. Польские деньги, которые у меня были, обесценились; а вскоре их вообще изъяли из обращения. С питанием становилось все хуже, расцветала спекуляция. Я прямо не знал, как мне быть. Дело с гороскопами, как я понимал, окончилось навсегда. Я не знал ни белорусского, ни русского языков, которые стали повсюду обязательны. Особенно обидно было, что я не знаю русского: ведь до восемнадцатилетнего возраста я жил в Привисленском крае, то есть в Российской Империи. Но мой отец считал, что русский язык мне ни к чему. Ох, темнота наша!

В небольшом кафе, куда сходились всякие артисты-беженцы, мне сказали, что нам надо всем явиться в горисполком, записаться в новосозданный профсоюз работников зрелищных предприятий. Я зарегистрировался, но работу мне никто не предлагал. Я уже думал, что на старости лет придется стать уличным или дворовым фокусником и собирать в шляпу подаяния.

Но вдруг милосердный еврейский Бог пожалел меня и спас от позора. Я узнал, что в областном Доме культуры набирают

артистов для каких-то агитбригад. Я не знал, что это за штуки, но на всякий случай пошел. В вестибюле было много нашего брата, всем работа нужна была позарез.

Нас по очереди впускали в зал, где за столиками сидели люди в военных или темных суконных гимнастерках. Кто-то шепнул, что это партийные лекторы-пропагандисты из Минска. Потом я узнал, что их задача — объяснять местному населению, как плохо жилось в панской Польше и как хорошо станет под солнцем сталинской конституции. Они рассказывали о миролюбивой политике непобедимого Советского Союза и о том, как недавно били японцев-самураев на Хасане и Халхин-Голе. Но люди быстро разобрались что к чему, и для того, чтобы они вообще пришли слушать эту болтовню, их надо было приманить хорошим концертом. Вот этой приманкой и должны были стать мы. В первую очередь требовались аккордеонисты, баянисты или гармонисты и, куда ни шло, скрипачи. Годились вокалисты, куплетисты, юмористы, художественные чтецы. Было место и для иллюзионистов.

Я попал к товарищу Прокопюку, рябому, косому, но доброму мужику. За его спиной уже топталась кучка отобранных артистов. Я все не мог решиться, какую из своих специальностей назвать. И когда очередь дошла до меня, неожиданно для самого себя, выпалил:

— Я телепат!

Товарищ Прокопюк выпучил глаза. Я пытался объяснить ему по-польски, что это такое, и по глупости вставлял научные слова, от чего глаза его еще более округлялись. Тогда из отобранных им артистов вышла миловидная блондинка и стала бойко переводить. Товарищ Прокопюк задумался и велел мне явиться вечером в клубное помещение. А я по-просил милую дамочку — ее звали Сима Каниш, она была певицей из еврейской театральной студии в Варшаве — остаться со мной и на скорую руку подготовиться к выступлению. Она была родом из волынского городка Клевани, поэтому и знала русский язык.

Вечером в клубе собралась вся ихняя знать — лекторы, инспекторы и директор Дома культуры с сослуживцами. Хотя я и демонстрировал самую простую программу, но волновался невероятно, потому что понимал — от успеха или неуспеха зависело будущее. Мое волнение передалось и Симе, и я чувствовал, что она дрожит. Но все прошло неплохо: несмотря на долгий перерыв, я ничего не забыл. Я находил предметы, отгадывал, читал сквозь запечатанные конверты адреса и цифры. Зрители глядели во все глаза и только изредка перешептывались. Под конец я совсем обессилел. Сима догадалась подать мне

стакан воды.

Кое-кто зааплодировал. Но потом наступила тягостная тишина. Когда началось обсуждение, Сима переводила мне на ухо, о чем идет речь. Директор Дома культуры, гомельчанин, сказал, что я прямо задал им за-гадку, что явление это — необычное. Такого он еще никогда не видел и не знает, есть ли под всем этим научное обоснование или это лишь хитрое ловкачество. Но выступление надо признать очень интересным.

Товарищ Прокопюк заявил, что по его мнению — я человек удивительных способностей, необыкновенное явление. Он обратил внимание присутствующих на мою нервную дрожь и запинающуюся речь. «Ведь это нервное возбуждение, чуть ли не эпилептический припадок, типичный транс с помрачением и экстазом! А ведь у нас на Руси, — добавил значительно товарищ Прокопюк, — в древние века наши юродивые пользовались большим уважением. Наш народ чтил их и верил, что они обладают даром прорицать будущее…»

Тут поднялся секретарь ихней партии и поднял скандал. «Здесь развели какую-то идеалистическую антимонию, — кричал он, — преклоняются перед кривляньем жалкого эпилептика! Марксистский подход к искусству не допускает никакого мистического шарлатанства, а требует непри-миримой борьбы за чистоту советской эстрады!»

Я уже подумал: прощай мечта о каком-то честном труде! Но вдруг оказалось, что большинство не испугалось и было против этого важного секретаря. В конце концов Прокопюк предложил: «Пусть товарищ Мессинг выступит на показательном концерте, а мы понаблюдаем за реакцией публики. Если его выступление будет успешно и принесет пользу нашему делу — очень хорошо».

И вот мы в клубе текстильщиков. Товарищ Прокопюк рассказал про ужасы панской Польши, про солнце сталинской конституции и про битых самураев. Сима очаровательно пела русские песни, музыканты наяривали. Каждый из кожи лез, чтобы только получился, как у нас говорят, цимес-пикес.

Я выступал последним в сокращенном репертуаре и показывал самые проверенные и эффектные номера. Меня принимали хорошо, не щадили аплодисментов, тем более что это было за здорово живешь: вход был бесплатный. Местные жители были отчасти уже знакомы с выступлениями телепатов, а некоторые даже и меня самого помнили по прошлым годам. Но вы бы видели присутствовавших в зале зрителей из Советского Союза, которым, надо думать, никогда не приходилось видеть ничего подобного! Они были явно растеряны, смотрели на меня с благоговением и страхом, и кругом было слышно: «Кудесник, ну

прямо кудесник!» Они, кажется, на самом деле поверили, что я читаю мысли и все знаю.

Сразу же после концерта за кулисы пришел немолодой уже командир и, смущаясь, рассказал, что от него убежала жена с молодым любовником. Так не мог ли бы я сказать ему, где теперь эта изменница. Я чуть было не ляпнул, что она скорее всего в кровати со своим фрайером. Но у него в глазах было такое отчаяние, что я прикусил язык и уверил его, что так уж переоценивать мои возможности не следует. Сколько раз мне потом это пришлось повторять не только простолюдинам, но и людям, которых никак к простакам не причислишь!

Наша агитбригада в небольшом автобусе отправилась в объезд двух районов. Два-три раза в день товарищ Прокопюк крутил свою пластинку, а мы развлекали публику. Должен сказать, что Прокопюк заботился о нас как родной отец, обеспечивал удобным ночлегом и сытной едой, что в то время было не так уж просто. Я был все время с Симой и нас уже считали парой. Должен честно сказать, что никогда в жизни я не чувствовал себя таким счастливым. Впервые я понял, как жалко погряз в одиночестве и как хорошо иметь рядом близкое существо. Симе было уже за тридцать, воспитывалась она без отца, и жизнь ее не очень баловала. Про прошлое и про всякие там обманутые надежды я ее не расспрашивал и только наслаждался ее присутствием. Для меня она была самой умной, самой красивой и желанной. Это, наверное, так поздно ко мне пришла любовь, о которой я, старый дурак, оказывается, даже не имел понятия. Я тогда и не представлял себе, какой оборот примет моя жизнь и еще не решался серьезно поговорить с Симой, но уже не представлял себе будущего без нее.

Месяц пролетел быстро и наша труппа вернулась в Белосток. Нам вполне прилично заплатили, прибавили за дорожные расходы и велели готовить новую программу. Я уже подбирал в уме слова, чтобы вечером непременно объясниться с Симой, как вдруг за мной явился какой-то тип и сказал, что должен срочно доставить меня в Минск. Его русской скороговорки я не понимал, да он мне и не давал слова сказать. И вот именно тогда меня так закрутило, что из этого водоворота я до сих пор не вырвался. Я себя прямо проклинаю за то, что не проявил воли, не уперся и не потребовал, чтобы Сима поехала со мной. Надо было сказать, что без нее я шагу не сделаю. Но я почему-то был уверен, что сразу вернусь и все улажу. А вышло вот что.

В Минске меня поместили в лучшую гостиницу, в такой номер люкс, какого я в жизни не видел. Выступать пришлось перед какими-то высокими чинами и спешно искать себе

индуктора с русским и польским языками — благо в Белоруссии это не проблема. После выступления меня приглашали в какие-то кабинеты, о чем-то много со мною говорили, но до меня доходило только «прямо кудесник» и «колоссальный успех». И все это происходило настолько молниеносно, что я очухаться не успел, как мне сунули на подпись договор. Договор был, оказывается, с Госконцертом и надо было тут же выезжать в гастрольное турне по самым большим городам Советского Союза. Москва прикрепила ко мне администратора, который всем заворачивал, а по договору мне была гарантирована самая высокая ставка. Когда я впервые увидел расчетную ведомость, то даже не мог поверить, что это все — мое, и спросил, не ошиблась ли бухгалтерия? Ну что я стану делать с такими тысячами?

Но я быстро научился ничему не удивляться. А главное — не показывать своего невежества. Если я чего-то не знал или не понимал, я помалкивал и многозначительно улыбался. Всем хотелось знать, как меня принимали на Западе в столицах и других больших городах, что писала обо мне пресса. Прямо врать я не хотел, а вертел вокруг да около. Да ведь они и не поверили бы, что я до сих пор кроме Польши нигде не был, а с прессой сталкивался, только когда давал свои объявления в газетках.

Симу я, конечно, не забыл, но как-то не было возможности во всем этом базаре не то что за ней съездить, а даже о ней думать. И как я мог тогда так упустить свою любовь и счастье! За это я и несу теперь ответ. Все заслонила мысль о том, что вот явилась ко мне фортуна, когда я уже ничего не ожидал от жизни и мечтал лишь о том, чтобы как-то обеспечить себе старость. Помните, в Книге Притчей мудро сказано:

«Иной выдает себя за богатого, а у него ничего нет; другой выдает себя за бедного, а у него богатства много».

Это как раз меня касается. Меня возили из города в город, я жил в лучших гостиницах, обедал в шикарных ресторанах, шил костюмы у самых дорогих портных и жил в каком-то чаду. Я уже прямо утопал в деньгах. Вокруг меня всегда толпился народ. Тот просил автограф, этот — совета и помощи. Какой-то Мессинг ввалился с чемоданами в гостиницу, где я остановился, и кричал, что он мой двоюродный брат, какие-то девки звонили по телефону, врывались ко мне в номер…

Я уже и сам поверил, что я не такой, как все, а особенный. А что, если меня Господь действительно наделил сверхчеловеческими силами? Ведь не может же такое количество людей во мне ошибаться? Я и сам чувствовал, как во мне развиваются и проявляются гипнотические силы. Чем чёрт не шутит, когда Бог спит! Приятно было видеть во всех городах этой

необъятной страны афиши, на которых крупными буквами стояло: «К вам едет Вольф Мессинг». Сейчас, в этой вонючей камере, я очень хорошо понимаю, что главное богатство — свобода. Не надо мне было тогда слишком выделяться, лучше было оставаться посередке: не совсем в тени, но и не на самом ярком свете.

По правде сказать, меня через некоторое время начала подавлять эта суета сует. И среди великого множества людей я вдруг понимал, как я снова одинок. И сразу приходила мысль: надо съездить в Белосток, отыскать Симу. Но потом все откладывалось. План выступлений заслонял собою всю личную жизнь…

И вдруг — снова война! И с кем, со вчерашними союзниками, немцами! Белосток был сразу захвачен. Через несколько месяцев после начала войны меня отыскал Артур, аккордеонист нашей первой советской агитбригады. Он рассказал, что как только началась война, Сима сразу ушла из Белостока, думая добраться до своей Клевани. Ах, если она попала в руки к немцам, то это до конца жизни будет на моей совести!

Двадцать второго июня, когда немцы напали на Советский Союз, я был как раз в Тбилиси. Поспешил в Москву, — там скоро начали готовиться к эвакуации и Госконцерт прикрепил меня к Ташкенту. Предлагали Новосибирск, но я на свою голову захотел в этот проклятый Ташкент: экзотика, теплый климат… Работать тут пришлось, как никогда в жизни — одно за другим дополнительные выступления в армейских частях, на военных заводах. Город сперва был ничего, но потом повалили беженцы, эвакуированные. Стало тесно и совсем голодно, вы сами знаете.

Меня это, правда, не касалось. Номер в приличной гостинице был для меня забронирован, мой администратор, Лазарь Семенович, все доставал на черном рынке, переплачивая в десять раз, — но денег у меня было больше, чем достаточно. Обеды нам готовила его жена, потому что даже в хороших ресторанах кормили только черепашьим мясом и крабами.

Смертельно усталый я заваливался вечерами в кровать и мечтал о том времени, когда кончится война и я вернусь в родной штетеле, в Гору Кальвария. Господи, как меня, богача, будут там встречать! Как это пелось в модной песенке: «Тэн шум, тэн гвалт я собе выображам»! Я видел себя в смокинге, в накидке на белой шелковой подкладке, с шляпокляком на голове — прямо как Гарри Пиль в кино. Я грезил о том, как въезжаю в длинном белом шевролете на наш рынок, где уже собралось все население местечка. Оркестр добровольной пожарной команды играет бравурные марши, полицейские удерживают толпу, которая ко

мне так и прет, прямо как хасиды к цадику. Бургомистр с золотой цепью на груди держит речь. Отцы города, говорит он, гордятся своим славным сыном Вольфом Мессингом! Все кричат «ура» и поют «сто лят, сто лят нехай жие нам!» А я, весь в слезах от счастья, объявляю, что за свой счет учреждаю среднюю школу, больницу и приют для престарелых. Крик восторга снова сотрясает воздух, а я бормочу себе под нос: «Нате вам Вельвеле Мессинга, который и в школу никогда не ходил и для которого не нашлось здесь в этом штетеле невесты! Вот вам кабцан, кортенверфер Вольф Мессинг!»… Дурацкие, детские мечты нищего, попавшего из грязи в князи…

И еще — только, пожалуйста, не смейтесь! — была у меня глупая мечта. Не знаю, запомнили ли вы Черск, захолустье к югу от штетеле, и старый, полуразрушенный замок там? Говорят, ему шестьсот лет и принадлежал он когда-то какой-то итальянской королеве Боне. Мальчишкой я смотрел с развалин его башни или с крепостного вала на долину Вислы и окрестные сады. Когда сады цвели, это был незабываемый вид! Я давал волю фантазии и воображал себя хозяином замка. Так что же теперь помешает мне купить эти развалины и восстановить их в прежнем великолепии? Так я мечтал, позабыв мудрость отцов наших: «Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день».

Шел второй год войны. Я много гастролировал по восточным и южным областям, далеким от фронта. Как-то в июле, когда я вернулся в Ташкент, меня попросил зайти — точно в таком-то часу, с просьбой ни в коем случае не опаздывать — директор нашей конторы Госконцерта. В конторе уже были директор, заведующий отделом кадров, секретарь ихней партии и еще какой-то солидный мужчина, оказавшийся представителем городского комитета партии.

Они любезно начали меня расхваливать, говоря, что горды — такая, мол, знаменитость, как я, работает именно у них. Ну, и так далее. Потом партийный секретарь сказал, что страна переживает критический момент, что полчища немцев рвутся к Сталинграду, что лучшие сыновья родины проливают кровь в ожесточенных схватках, что весь тыл должен помогать фронту. И что советские люди жертвуют свои последние сбережения…

Тут он взял ручку и лист бумаги и спросил:

— А сколько вы, уважаемый Вольф Григорьевич, обязуетесь пожертвовать?

Я говорил вам, что всегда боялся растеряться во время выступления. А растеряться пришлось здесь, перед ясновельможными партийными чинами. К такому вопросу я не был подготовлен и понятия не имел, сколь-ко тут принято давать,

сколько дают другие. В наших польских злотых я разбирался неплохо, в ихних денежных делах — слабо. Дома, в Польше, вся моя жизнь была тяжелой борьбой за существование, я рад был, если имел парнусу и сводил концы с концами. А здесь неожиданно привалило счастье и дождем посыпались деньги. И я знал только одно: надо их копить на будущее. А от окружающей меня жизни был вдалеке, все мое время проходило в разъездах и выступлениях. Администратор избавлял меня от всех забот, кормил и одевал, время от времени сообщал, что все дорожает, а я кивал головой. В тот момент я знал только, что сильно подорожали папиросы «Казбек», которые я курил.

Но тем не менее я решил не ударить в грязь лицом и поразить их.

— Тридцать тысяч! — сказал я.

Они переглянулись и наступило тягостное молчание. Я понял, что если и поразил, то не с того конца, а потому решил поправиться:

— Пардон, я хотел сказать: сорок тысяч.

Представитель горкома криво усмехнулся и процедил:

— Вы, оказывается, шутник, Вольф Григорьевич. Смешно, сорок тысяч при ваших-то баснословных барышах! На днях председатель корейского рисового колхоза, товарищ Ким Цын Хен из своих личных трудовых сбережений пожертвовал миллион рублей. Вчера в «Правде Востока» было описано, как он привез нам огромный сундук с деньгами. Три кассира Госбанка пересчитывали их целый день. Вот это — пример патриотизма!

Я обомлел. Неужели они и от меня миллиончик потребуют?! Прощай тогда мечты о богатстве, прощай белый шевролет и Черкский замок! Я вернусь к тебе, мое штетеле, таким же кабцаном, как ушел…

Когда я немного очухался, то решил все-таки постоять за свою безбедную старость. Я собрался с духом и сказал:

— Пишите пятьдесят тысяч и разрешите мне уйти, я себя что-то неважно чувствую.

В гостинице я повалился на кровать и курил до одурения. Да кто они такие вообще? И кто я им такой? Я не член ихней партии, которым они могут крутить, как хотят! Я в этой стране временно, можно сказать, на гастролях. Вот кончится война, и я им скажу: прощайте!

И тут я с ужасом вспомнил, что еще в Минске принял советский паспорт! Мне сказали, что так легче будет гастролировать. Я сразу весь вспотел. В какую же это историю я влип! Какие цуресы я навел на свою голову! Я никогда политикой не интересовался, что Россия, что Советский Союз, для меня было

одно и то же. Мелюха как мелюха, государство, как все другие. Ну, слыхал, что были там какие-то процессы, ну, расстреляли кого-то. За что, я не помнил, я не слушал ни коммунистов, ни их врагов. И вдруг я сообразил, что кроме того, что у них тут главный балабос — Сталин, ничего не знаю. Если говорить честно, я совсем не знаю, как и кем управляется эта страна, паспорт которой у меня в кармане.

Прошло несколько дней. Я старался не думать о неприятном разговоре, но беспокойство не проходило и мне даже во сне чудился этот корейский председатель колхоза и его большой сундук, который всей тяжестью давил мне на грудь.

Мы готовились к гастрольной поездке по Сибири. Я зашел в нашу контору на улице «Правды Востока». Потом решил немного подышать свежим воздухом в парке имени Горького. Возле касс ко мне подошли двое в штатском и сказали, что меня срочно вызывают в Комитет по делам искусства. Вот, мол, даже машину прислали…

Мы подъехали к какому-то большому зданию, которое охранялось часовым, получили пропуск, поднялись на второй этаж. Эти двое в штатском попросили меня подождать на скамье в коридоре и ушли. Я сидел, сидел, но ко мне никто не выходил. Я курил, пока были папиросы. Часа через три я почувствовал страх. Где я вообще нахожусь? Почему меня тут так долго держат? Я уже хорошо понял, что здесь и не пахнет Комитетом по делам искусства. Со страху я так вспотел, что даже рубаха прилипла к телу. И вдруг я заметил, что губы сами шепчут запомнившееся с детства: «Барух ата Адонай элохейну мелех гаолям, йоцер ор уворай хешех…» Господи Боже наш, Владыка Вселенной, освети душу мою и изгони мрак!

За окнами уже стемнело, зажглись лампочки под потолком. Я полудремал и пытался вспомнить, где должен был выступать сегодня вечером. Что делает Лазарь Семенович, где он меня разыскивает, большой ли переполох в Госконцерте?..

Толчок в плечо заставил меня очнуться. Передо мной стоял коренастый крепыш в военной гимнастерке.

— Вы Мессинг Вольф Григорьевич? Пойдемте со мной!

Это был капитан Иванов. Фамилию его я узнал позже, сам он мне ее не назвал.

Мы свернули в боковой коридор и вошли в небольшой кабинет. Капитан сел за письменный столик, а мне даже не предложил сесть. Он очень долго листал какие-то бумаги, а я все стоял. Наконец он поднял глаза и спросил:

— Слушайте, вы! Как точно ваше имя и отчество?

— Вольф Григорьевич.

— Бросьте дурака валять! Я спрашиваю, как на самом деле звучат жидовские имена, твоё и твоего тателе?

— Мое Велвел. Отца Хаим…

— Вот так надо было сразу признаваться! Хорош гусь! Будешь отвечать за то, что внес в наш советский паспорт фальшивые данные! Родился где?

— В Польше.

— А точнее?

— В местечке Гора Кальвария.

— Мы, то есть органы государственной безопасности, наводили справки и выяснили, что там находится оплот жидовского мракобесия и что там все сплошь раввины. Ты тоже раввин?

— Нет, я всегда был артистом.

— А нам известно, что вы даже в прессе объявляли себя раввином.

— Это для рекламы.

— Очень странно! Почему вы не объявили себя муллой? Или пастором? Для вас лучше будет, если вы сразу признаетесь, что вы есть подлинный раввин, служитель жидовского религиозного культа!

— Я им никогда не был.

— А с каким заданием вы приехали в Советский Союз? Что вы здесь потеряли? У себя дома людям голову морочили и сюда морочить приехали? Да еще и карман себе при этом набивать?

— Я бежал от немцев.

— А зачем именно вам нужно было от них бежать? И если бежать, то почему не в другие, соседние страны? В Румынию? В Венгрию? Почему именно в Советский Союз? Может, вы приехали разыскивать своего родственничка, известного врага народа Станислава Мессинга, не зная, что он уже ликвидирован? Ну-ка, признавайтесь!

У меня от всего этого завертелось в голове, и я прислонился к дверному косяку, собираясь с мыслями. Капитан рявкнул:

— Стоять прямо! Ты не в синагоге, а в советском учреждении! Я вас спрашиваю: кем для вас являлся Станислав Мессинг?!

— Я впервые слышу это имя. В нашем роду никакого Станислава никогда не было.

— В вашем роду также не было ни Вольфа, ни Григория, а были Велвел и Хаим! И он там для вас был Соломон или Сруль, а как к нам явился, то для маскировки стал Станиславом? Сволочь, руководил МОПРом и даже словчился затесаться в наши доблестные органы! Но гнев народа его не миновал и он получил свои девять граммов. Чего и вам не избежать. Цену этим

перебежчикам из Польши мы хорошо знаем. В польской армии служили?

— Служил.

— Когда, в какие годы?

— В 1920 году.

— Как раз в то время, когда панская Польша вела агрессивную и контрреволюционную войну против Советского Союза! На каких фронтах и в каком чине вы сражались против доблестной Красной армии?

— Никакого чина у меня не было. Я был санитаром в тыловой части. Никакого фронта я и близко не видал.

— Врешь ты все, контрреволюционная гнида! Эх! И зачем я на тебя время теряю? Сейчас тебя шлепну, чтобы небо не коптил!

Тут капитан выдвинул ящик стола и выложил на письменный стол вот такой пистолетище со странной деревянной рукояткой и длиннющим стволом, — такого я никогда в жизни не видел. У меня потемнело в гла-зах…

Я очнулся на полу. Капитан брызгал мне в лицо водой. Он помог мне встать и подвел к столу.

— Вы что, маузера никогда не видели, чтобы сразу так шмякнуться? Я ведь вас еще и не допрашивал. Это была просто беседа.

Капитан снял телефонную трубку и сказал, чтобы его соединили с майором Сааковым. Вскоре в кабинет вошел смуглый улыбающийся офицер приятной наружности.

— Ну как, Мессинг, побеседовали с капитаном Ивановым? — вежливо спросил он. — Я не всегда согласен с некоторыми из его методов, но ведь это все на пользу нашего святого дела. У меня к вам тоже есть один вопросик: готовы ли вы на деле доказать свою лояльность к советской власти, которая предоставила вам убежище и кусок хлеба? С маслом, если не ошибаюсь?

— Я на все готов.

— Вот как хорошо! А сколько бы вы могли пожертвовать Красной армии, нуждающейся в вооружении? Сумма всех ваших сбережений нам, между прочим, доподлинно известна.

Я глотнул слюну, а затем выдавил:

— Сколько хотите, столько и берите.

— Ну, это прямо прекрасно! Запишем: миллион рублей.

Официантка принесла мне бутерброды и чай, а секретарша в это время оформляла какие-то бумаги и я что-то подписывал. Мне предложили папироску и я с наслаждением ее выкурил.

Полночь давно прошла, когда они привели меня в гостиницу. Я проспал чуть ли не сутки. Лазарь Семенович ходил вокруг меня на цыпочках, ничего не спрашивал и обращался со мной, как с

тяжело больным. Через день мы отправились в Новосибирск.

Туда мы добирались долго — без конца надо было пропускать военные эшелоны. Я всю дорогу лежал на полке и думал о том, что произошло в кабинете капитана Иванова. Судьба опять сыграла со мной скверную шутку: я стал игрушкой в руках ихней банды и кто знает, что они еще при-думают. А что они придумают, в этом я не сомневался. Они открыли мое слабое место, они поняли, что я человек совсем не геройского склада, и за-хотят мной помыкать как им заблагорассудится. Вряд ли ограничатся гра-бежом моих кровных денег. Они захотят, чтобы я стал в их руках последней проституткой, захотят использовать меня, как им вздумается!

В Новосибирске меня ожидала телеграмма от Сталина, про которую вы, вероятно, знаете. В вестибюле уже сидели корреспондент ТАСС и местный газетчик. Надо было давать интервью и выступать по радио. А еще через два дня меня повезли на военный аэродром, поставили возле истребителя, велели улыбаться и жать руку какому-то летчику. В таком виде нас сфотографировали у самолета, на котором возле лозунга «За победу над фашизмом!» было написано, что советский патриот В. Г. Мессинг подарил этот самолет летчику Балтики, — это в Новосибирске-то! — герою Советского Союза К. Ковалеву. Хоть бы для вида выкрасили тот покорябанный самолет, который я будто для них купил! Нет, никому еще так дорого не обходился советский патриотизм! — думал я.

А мой администратор, милейший Лазарь Семенович, ходил от счастья, как пьяный, и все меня обнимал и целовал.

— Вольф Григорьевич, — захлебывался он от восторга. — Вы даже себе не представляете, кто вы теперь и какие неограниченные возможности у вас в руках! Человек с телеграммой от самого Сталина в кармане может задержать на улице любого милиционера… Да что там милиционера! Он может задержать любого генерала и хлестать его по мордасам сколько душе угодно! Господи, мне бы такую силу! Да я бы их всех на колени поставил!

А мне было совсем не радостно и совсем не было желания ставить кого-то на колени и хлестать по мордасам генералов. Кое-кого из органов — другое дело. Впрочем, на такое я навряд бы решился даже с телеграммой Сталина в кармане. Я видел перед собой маузер капитана Иванова, слышал вежливый вкрадчивый голос майора Саакова и телеграмму ощу-щал, как продолжение их коварной игры.

А жизнь шла своим чередом. Я много работал, но успехи меня не радовали. Что-то во мне надломилось. В сентябре мы

вернулись в Ташкент. Я ужасно боялся этого города, мне все казалось, что именно здесь за мною все время кто-то подсматривает и меня где-то в темноте подстерегает капитан Иванов. Два раза в месяц я расписывался в расчетной ведомости, переводил на книжки все более крупные суммы и мои сбережения снова начали расти.

Эвакуированные в Ташкент знаменитости из мира литературы и искусства искали со мной знакомства, приглашали в гости, хотели посмот-реть, что я на самом деле собою представляю. Но я, если только это было возможно, избегал встреч. Я не привык к такому обществу, да и о чем мне было с ними говорить? И вообще — как можно жить в стране, где человек не может быть ни в чем уверен? Какой-то Станислав или Соломон Мессинг занимал у них высокие посты и был, вероятно, настоящим коммунистом. Разве мог он предполагать, что ему в один прекрасный день скажут, что он «враг народа», и пристрелят, как собаку? А ведь он был у них свой человек, работал в одной шайке с ними. Но это его не спасло. Что же может спасти меня, польского еврея, человека чужого и в ихней бели-берде не разбирающегося? Чувство обиды и ощущение угрожающей опас-ности не покидали меня. И вдруг — проблеск надежды!

В коридоре гостиницы «Узбекистан» я иногда встречал сравнительно молодого человека, прилично, на западный манер, одетого. Судя по тому, что у него в это тяжелое время был постоянный, забронированный номер, было ясно, что это какая-то шишка. Простых смертных сюда близко не подпускали. Со временем мы стали на ходу здороваться, а однажды, когда я спустился в садик во дворе гостиницы, чтобы напиться в буфете чаю, мы с ним оказались за одним столиком. Мы перебросились несколькими фразами и было приятной неожиданностью услышать чистую еврейскую речь. Вот вы тоже говорите на идиш, но чувствуется, что это не ваш главный язык. А он говорил на хорошем мамелушен, как в моем штетеле. Это был Абрам Калинский и он тоже был родом из штетеле, может, чуть побольше моего, из Ломжи. Я там не раз выступал и у нас нашлись общие знакомые.

Я уже говорил, что неохотно схожусь с людьми. Но в его обществе почувствовал себя сразу хорошо. Подумал: какой добрый и чувствительный человек!

Мы стали заходить друг к другу в номера. В Ломже у его отца была фабрика мыла, говорил Калинский. Но он не пошел по стопам родителя, а стал активным коммунистом и организовывал забастовки; даже на отцовской фабрике! Поляки его в конце

концов забрали и приговорили к большому сроку. Спасло его, как он сказал, родство с Львом Захаровичем… Кто такой Лев Захарович? Как же, это же Мехлис, начальник Политуправления Красной армии! Мать Калинского сообщила Льву Захаровичу и он добился, чтобы его родственника включили в число политзаключенных, которыми как раз обменивались Советский Союз и Польша.

В Советском Союзе Калинский, по его словам, был уже пять лет. В присоединенном Каунасе он был директором фабрики парфюмерных изделий «ТЭЖЕ» и очень подружился с Полиной Семеновной, которая и устроила ему перевод в Ташкент. Как? Полина Семеновна кто? Так это же Жемчужина! Жена Молотова, хорошая женщина с хорошим еврейским сердцем, настоящая идише маме! Ей была подчинена косметическая промышленность…

Что и говорить связей с важными людьми было у Калинского хоть отбавляй. Здесь, в Ташкенте, он тоже знался с партийными и правительственными шишками. Бывал у Тамары Ханум, народной артистки СССР, дружил с известным певцом, бывшим кантором синагоги, крутил роман с прославленной киносценаристкой. Поскольку у него была невзрачная фигурка и довольно заурядное лицо, я думал: какой же ум и какое сердце должно быть у этого скромного на вид человека, если он пользуется таким успехом?

Иногда Калинский рассеянно вынимал из кармана какую-нибудь дорогую вещицу — кольцо с драгоценным камнем, старинную брошку, золотой портсигар. Я как-то не удержался и спросил, как ему удалось все это вывезти?

Он ответил, что большинство из этих вещей ему не принадлежат. Вокруг такое горе, война согнала людей с насиженных мест, к нему прихо-дят несчастные эвакуированные, освобожденные из ссылки и просят по-мочь продать вещи, чтобы купить себе кусок хлеба. А у него есть кое-какие знакомства и иногда удается найти покупателя. Рубль с каждым днем все более обесценивается и многие сведущие люди считают, что в это беспокойное время лучше держать капитал в золоте и драгоценностях.

Его благотворительность я, конечно, взял под сомнение, но о том, что рубль все больше и больше обесценивается, я знал. Мой Лазарь Семенович мне уши про это прожужжал. И я попросил Калинского сделать мне одолжение: достать немного золота и бриллиантов. И — о, дурак я, дурак! — какое-то количество долларов.

У Калинского времени всегда было вдоволь. Он рассказывал, что проводит вечера в хороших домах города, где якобы

волочится за дамами, скучающими без мужей-фронтовиков. Играл он и в карты и говорил, что ему везет, что он всегда в выигрыше. А вообще-то — как он как-то сооб-щил мне, оглянувшись сперва по сторонам, — он находится в распоряжении правительства для каких-то особо важных поручений.

После моего возвращения с гастролей по Сибири, сопровождавшихся историей с подаренным армии самолетом, Калинский поздравил меня с выпавшей на мою долю честью. Но увидевши мою довольно кислую мину, быстро добавил: «А золхен вей!» А потом еще тише, многозначительно, принятую у нас фразу: «Рука дающего не оскудеет!» И я подумал — он знает, каково у меня на душе!

Когда я через несколько недель после этого вернулся с гастролей по городам Средней Азии, то застал Калинского очень оживленным. Он похвастался, что получил лестное и очень интересное задание: содействовать укреплению советско-иранской торговли. Он в постоянном контакте со смешанной комиссией, обосновавшейся в Туркмении, в городе Мары. С подъемом рассказывал, что уже дважды ездил на перевалочный пункт в Душак на самой иранской границе, и что у него там завелись друзья на той стороне, с которыми он кутил в иранском кишлаке Калезоу. Там нет даже отзвуков войны. Есть все, чего душа пожелает. А цены, цены! — все неимоверно дешево!

Мне Калинский привез в подарок коробку иранских сигарет «Хорасан», обратив мое внимание на изящную упаковку и высокое качество табака.

Воодушевление Калинского особого впечатления на меня не произвело, но одна мысль засела крепко: если так легко перейти границу, то почему там не остаться? Но я, конечно, ничего не сказал.

И я опять много разъезжал и выступал. Совсем вымотался и решил взять двухнедельный отпуск. Тут снова на горизонте появился Калинский. Он привез мне в подарок отличной черной икры из Ирана и рассказал, как весело провел время на той стороне. Я сказал, что ему завидую.

— Но ведь у вас теперь свободное время, — заметил он. — Я обещаю, если вы, конечно, пожелаете, устроить вам поездку на ту сторону.

Мне сейчас тяжело рассказывать, как по-идиотски я попал на эту примитивную удочку. Калинский посоветовал мне сказать в конторе, что я хочу отдохнуть и подлечиться в санатории в Байрам-Али, рядом с Мары. Возражений не было. Администратор оформил путевку и достал билет на поезд. А я действовал как

загипнотизированный.

Через два дня после моего приезда в санаторий ко мне явился Калинский. Сегодня, сказал он, в его распоряжении машина с шофером и мы могли бы поехать поужинать. Мы сидели в уютной чайхане, ели хороший плов и пили душистое вино. С нами были два сотрудника Калинского, один туркмен, другой русский, — очень милые, приветливые люди. Мы выпили с Калинским на брудершафт и на обратном пути он сказал, что Душак находится в погранрайоне, куда нельзя без пропуска. Но это пустяки: пропуск он мне достанет.

Через день выяснилось, что с пропуском какая-то задержка, а у Калинского уже назначена встреча с иранцами. Но это не беда, он попросил этого его туркменского друга и тот все за него устроит. Калинский посмотрел мне прямо в глаза и посоветовал захватить с собою деньги и все драгоценности, которые у меня есть. Я понял, что он догадывается о моем намерении покинуть эту чудовищную страну, где человек не хозяин своих, заработанных тяжелым трудом капиталов. Правда, мелькнула у меня мысль, — а не слишком ли рискованна эта затея? — но слишком уж много во мне накопилось. Обида прямо жгла.

Туркмен заехал за мной на неприметной полуторке. В поселке Теджен нас ожидал Калинский, который очень торопился на свою встречу. Он сказал, что надо дождаться вечера и тогда меня поведут в условное место. До темноты я просидел в чайхане, потом подъехал грузовичок и туркмен велел мне залезть в кузов и накрыться брезентом. Просто так — от любопытных глаз. Мы долго тряслись по ухабистой дороге, остановились на каком-то пустыре и пошли по руслу высохшего арыка. В темноте раздавался не то вой, не то душераздирающий детский плач. Это малхемувес, злой дух, охотится за моей головушкой, подумал я и в нерешительности остановился, — а стоит ли идти дальше?

— Пошли, пошли, — сказал мой спутник. — Это шакалы.

Кажется, Абрам говорил о какой-то лесной сторожке, подумал я. Какая тут может быть лесная сторожка, когда вокруг не то что леса, а и кустика не видно? Но тут мы натолкнулись на какую-то хибарку. В ней при свете «летучей мыши» я рассмотрел старика в чалме. Он поздоровался, придвинул мне скамейку и что-то залопотал.

— Он спрашивает, что вам нужно, — перевел мой спутник.

Я сказал, что хочу отправиться в иранский кишлак Калезоу, где у меня назначена встреча с друзьями. Старик опять забормотал.

— Это будет стоить сорок тысяч рублей, — перевел мой туркмен.

Я кивнул, вынул деньги и мы ударили по рукам. Я распахнул шаткую дверь — и столкнулся с капитаном Ивановым…

В грузовом отсеке небольшого транспортного самолета я лежал на полу, прикованный за руку к ножке скамьи и без конца блевал. До самого Ташкента меня немилосердно подбрасывало, как будто летчик нарочно выискивал воздушные ямы. Но боль от ушибов была ничто по сравнению с болью от обиды, что меня одурачили, как последнего идиота! Меня, олуха, водили вокруг пальца, а я только хлопал ушами. Не надо было быть телепатом, простая человеческая догадливость должна была подсказать, что тут шитая белыми нитками провокация. С лоснящейся морды капитана Иванова не сходила глумливая ухмылка:

— Попался, ясновидец? Нас, русских, на мякине не проведешь!

Я не могу пожаловаться: капитан меня не бьет и голодом в карцере не морит. Признания от меня добиваться не надо — состав преступления налицо. Мне даже дали прослушать записанный на какой-то американской машинке разговор в этой развалюге на границе. Иногда только следователь донимает вопросами, не родственник ли я этому несчастному Станиславу Мессингу? Иной раз Иванов нажимает, чтобы я сознался, что я шпион. Во время моих сеансов я, мол, очень часто интересовался документами, находившимися в карманах военнослужащих.

Нет, нет, у меня ни малейшей надежды, что я выберусь живым из этой беды. Не зря я так боялся Ташкента: тут мне суждено погибнуть. На этот раз предчувствие меня не обманывает. Господь поставил на моем пути Абрашу Калинского и затмил мой разум, чтобы я не мог его разгадать. И нет никого в мире, кто прочел бы кадиш за мою грешную душу. Йисгадал вейискадаш шмей раб…

Меня вскоре снова отправили на десять дней в карцер «за отказ помочь следствию». В камеру № 13 я больше не попал. И Мессинга вообще больше не встречал.

Вот и весь пересказ того, что рассказал мне Вольф Мессинг во внутренней тюрьме Узбекского НКГБ, в камере с номером, который, по мнению многих, приносит несчастье…

Еще раз повторяю: рассказчик он был скверный; я ввел в его исповедь кое-какую хронологию. А, прочтя записанное, понял, что и плохой рассказчик говорит интересно, если не врет.

Начало его жизни было такое же, как у тысяч других местечковых евреев. В диковину было только избранное им ремесло. Война бросила его в мир иных измерений и удивительное стечение обстоятельств вознесло его челн на

гребень высокой волны успеха и закружило затем так, что прославленный ясновидец долго не умел разобраться в том, что вокруг него происходит, — в то время как многие из окружающих искренне считали, что он всё и всех видит насквозь. Если бы не привалили к нему успех и громадные деньги, им навряд заинтересовалось бы начальство капитана Иванова и Абраши Калинского. Он так бы и мыкался до конца войны и вместе с другими беженцами вернулся в родное штетеле, — где из всех его евреев в живых осталось всего-навсего два человека. Да еще два его двоюродных брата в 1946 году вернулись из таких далеких сибирских поселков, в которых никто и слыхом не слыхал об удивительной карьере сына Босого Хаима. Он оплакал бы гибель своих родных и близких и подался доживать свой век в Тель-Авив или Бруклин, как многие евреи. Но вышло иначе.

Когда я с ним расстался, дела его выглядели — хуже не придумаешь. Исход, казалось, мог быть только один. Но тут снова произошли события, положившие начало явлению, которое не назовешь иначе, как феномен Вольфа Мессинга. Постараюсь изложить свою версию, основанную на фактах и на догадках…

Весною 1943 года мои следственные дела приняли очень плохой оборот. Я уже давно кое-что наговорил на себя, подписал нужные проку-рору протоколы допросов и ждал завершения следствия, считая, что мне дадут срок и отправят в лагерь.

Но вдруг в это время немцы обнаружили могилы польских офицеров в Катынском лесу, да еще догадались пригласить комиссию из нейтральных иностранцев, неопровержимо установившую, что кровавая расправа учинена весною 1940 года чекистами. Скандал получился в мировом масштабе и убийцы метались в поисках материалов, которые могли бы отвлечь внимание от катынского преступления. Среди прочего, им дозареза надо было скомпрометировать польское правительство в Лондоне и разработать ложные обвинения против сформированной в Узбекистане армии генерала Андерса, которая к тому времени уже перебралась в Иран. В роли агента, проводившего в жизнь «преступные замыслы» Лондонского правительства, должен был выступить я.

Неисчерпаемая фантазия Калинского разработала сценарий, согласно которому мне приписывалась попытка поднять вооруженное восстание народов Средней Азии против советского ига. По этому сценарию я был организатором диверсионно-террористической сети и снабжения деньгами, взрывчаткой и оружием завербованных мною националистов — узбеков, казахов и туркменов.

Но я наотрез отказался взять на себя честь выступления в

столь высокой исторической роли, чем чрезвычайно разочаровал доблестные органы. Я даже не польстился на обещание устроить мне открытый показательный процесс. Напрасно начальник следственного отделения полковник Гнилощуков доказывал мне всю выгоду такого процесса: я не буду осужден заочно в массовом порядке Особым Совещанием, а ин-дивидуально; я смогу выступить перед Военным Трибуналом, да еще в присутствии представителей иностранной прессы!

— Ведь ты имеешь, бля, шанс прогреметь на весь мир! А потом, кто знает? Советская власть всегда учитывает чистосердечные признания и может оказать милость, — по-отечески заботливо уговаривал он меня.

Но я, неблагодарный пес, так заартачился, что задал чекистам лишнюю работу: им, беднягам, пришлось снова поставить меня на круглосуточный «конвейер». Так продолжалось несколько дней. Достойные сожаления следователи старались изо всех сил: выбивали мне последние зубы, швыряли мои битые кости на мокрый бетон холодных карцеров. А я все не соглашался.

Со временем они уже примирились с мыслью, что из попытки восстания народов Средней Азии ничего не получится. Бить и фактически даже допрашивать меня перестали, но по долгу службы вызывали в кабинет и не слишком беспокоили. Я стоял по стойке «руки за спину» у дверей кабинета или сидел на краешке табурета, а они писали письма, читали газету или любезничали по телефону с девушками из централи.

Как потом оказалось, эта двухмесячная задержка почти наверняка спасла мне жизнь. Когда мне в конце концов зачитали, что ОСО при НКГБ СССР припаяло мне червонец без никакой добавки, и я попал на пересылку в Куйлюк на окраине Ташкента, то узнал, что попади я туда на несколько недель раньше, то наверняка сыграл бы в ящик. Там только что затихла эпидемия кровавой дизентерии, скосившая сотни заключенных. Рассказал мне об этом чудом оставшийся в живых парикмахер-лобкобрей… Но я, увлекшись воспоминаниями, перешел на лагерный жаргон — прошу прощения!

Незадолго до прочтения мне приговора, в мае 1943 года, в кабинете следователя Перевалова произошло нечто странное и для меня непонятное. Это было в субботу, днем. Вошел следователь Каган, с ласковым прозвищем Яша-убивец, и вполголоса стал совещаться с хозяином кабинета — куда им пойти вечером, чтобы развлечься после трудов праведных. По привычке заключенного я, как зверь, вслушивался в каждое их слово. И вдруг до меня донеслось:

— А не сходить ли в наш клуб? Там для руководящего и среднего состава сегодня выступает Вольф Мессинг.

Я чуть с табуретки не свалился. Батюшки, да что же это такое?! Неужели старый воробей сумел выкарабкаться из смертельной ловушки?

В камере я начал строить догадки. Неужто, несмотря на позорный провал его телепатического штукарства при попытке бежать в Иран, энкагебешники все еще верят, что он обладает какой-то таинственной силой и может им пригодиться? Может быть, они хотят, чтобы он научил их читать мысли подследственных? Пожалуй, они скоро отменят обычные допросы с рукоприкладством и начнут допрашивать «через руку»? Как у многих заключенных, мои предположения ограничивались кругом тюрьмы, допросов, следствия…

Прошло несколько недель, и от свежих арестантов я узнал, что в городе снова появились афиши, извещающие о предстоящих выступлениях Вольфа Мессинга. И тут меня внезапно осенило. Я представил себе, как кто-то здесь, в Ташкенте, на самом верху наркомата, знакомясь с делом о попытке перехода государственной границы подследственным Мессингом В. Г., вдруг вспомнил слова телеграммы: «Примите мой привет и благодарность Красной армии, товарищ Вольф Мессинг…» И как этот очень высокий вдруг стал совсем маленьким и покрылся холодным потом.

Как это я сразу не догадался! Кто может знать, как отреагирует Генералиссимус, если узнает, как поступили с человеком, которому он выразил благодарность в прессе? Тут не помогут ссылки на наличие несомненного состава преступления — уж Хозяин-то знает, на какие штуки способны его соколы. Как это они там, в заср… Ташкенте посмели обидеть полезного человека!! И уж Хозяин не скажет, как говорили во времена отсталого царского режима: «А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!» Хозяин скажет: «А подать сюда голову Ляпкина-Тяпкина!»

И там, на самом ташкентском верху, спешно решили бить отбой. Дело замять или обратить в этакую шутку. Болван Иванов пусть как следует извинится. А этого жида Калинского гнать в шею, чтобы его вонючего ду-ха здесь не было! Или еще лучше: посадить!

Хотя, конечно, может быть, я и ошибаюсь. А что, если ташкентские чекисты с согласия или без согласия Москвы решили, что не следует резать курицу, которая может нести золотые яйца? Ведь у Мессинга через некоторое время можно снова грабануть миллиончик. А кроме того, можно ведь прибрать этого ясновидца к рукам, заставить его верно служить. Ведь его

секретное сотрудничество, если им умело манипулировать, может стать просто неоценимым. Или он на самом деле разгадает какую-нибудь тайну, или кто-нибудь ему сам выболтает такое, что до тех пор держал про себя.

А может, он и на самом деле смог в чем-то убедить этих сааковых и гнилощуковых? А может, чем чёрт не шутит, ему удалось их загипнотизировать?

Не знаю, не знаю. Можно строить множество предположений. Но наиболее правдивой показалась мне моя первая догадка о решающей роли телеграммы Сталина. Тем более, что, скорее всего, Ташкент о деле Мес-синга Москве не сообщил, хотя сообщить, как мне думается, был обязан. Правда, мысль об этом пришла мне в голову только через семь лет, когда я разменял восьмой год срока.

Был конец июня 1950 года. Началась война в Корее. Я в то время вкалывал на 19-м штрафном лагпункте Мордовских лагерей. Ночью меня разбудили и повели к начальнику. Тот, держа какую-то бумажку, вдруг — небывалое дело! — подал мне руку. И торжественно заявил, что меня срочно вызывает Москва. Он считает, что меня освободят, и я смогу вер-нуться в Польшу.

Сердце у меня, естественно, заколотилось, хотя надо сказать, что этого я уже давно ожидал. Дело в том, что моя сестра была знакома с Владиславом Гомулкой — еще тогда, когда он был мастером на фабрике конвертов во Львове и никто даже во сне не мог себе представить, что он будет генсеком и первым вице-премьером послевоенной Польши. И вот, года четыре назад, где-то в 1946 году, ко мне в Молотовские лагеря на Урале дошло письмо от сестры. Она сообщала, что Гомулка пообещал что-то предпринять для моего освобождения. Потом связь с ней прервалась, — но как-то нарядчик мне шепнул, что лагерное начальство по требованию из Москвы составляет мою характеристику. Начальство, видно, не очень спешило, потому что я продолжал припухать, а тем временем Гомулку обвинили в национализме, сняли со всех постов, а потом посадили, и он стал чуть ли не таким же зэком, как я. Но когда я узнал, что меня вызывают в Москву, то понадеялся, что дело, когда-то пущенное в ход Гомулкой, двигалось, так сказать, самотеком и вот теперь дало результат.

Но я ошибся. В Москве мне руку не подали, а стали таскать по Бутыркам и Лубянке. Я даже недолгое время удостоился чести припухать в одной камере с Его Величеством Пу-и, последним китайским, а во время японской оккупации маньчжурским императором! (О нем много лет спустя, в 1987 году, американцы сняли трогательный и красочный фильм, получивший 9

международных наград и принесший громадные барыши.)

Лишь через месяц меня вызвал мой следователь капитан Кожухов и представил мне какого-то полковника Рублева — якобы начальника контрразведки СССР. Полковник вел себя корректно, и я сперва подумал: это оттого, что он разведчик, а не профессиональный чекист. Он говорил обиняками, и я долго ничего не понимал, пока по его туманным намекам не сообразил, что ему очень льстит знакомство со столь выдающимся западным разведчиком, как я. Он ознакомился с моим делом: даже смешно, что человека моего масштаба осудили за мнимый шпионаж в пользу какой-то задрипанной Польши…

Он все тянул свои трели-морели, а я, распахнув хайло и развесив уши, пытался сообразить, вокруг чего он разводит всю эту хитромудию. И в конце концов понял: до моего ареста я, оказывается, был ни больше, ни меньше как одним из главных резидентов британского Интеллидженс сервис на всю Среднюю Азию! Я не знал, плакать или смеяться. Но поскольку полковник Рублев меня не бил, на меня не орал и — даже трудно поверить! — не матерился, я стал защищаться по существу. Обвинения были абсурдны, чувствовалось, что кто-то сильно морочит советскую контрразведку высосанной из пальца информацией. Атмосфера допроса была чуть ли не кафкианская, и я охотно бы передал ее подробнее, если бы не опасался, что оторвусь от феномена Вольфа Мессинга.

Через несколько дней Рублев объявил, что мне предстоит очная ставка с человеком, который обещает меня обличить и прижать к стене прямыми доказательствами. Обличителем оказался Абраша Калинский! Прямо как в плохой кинокартине: все один и тот же отрицательный тип. Вид у него был довольно потрепанный, одет он был в какие-то военно-тюремные лохмотья, а по столь знакомой мне желтизне и отечности лица можно было без труда определить, что славный деятель много лет провел за решеткой у параши.

Признаюсь — сладостен был мне вид злодея, попавшего в яму, которую он копал другим! А из его туманных речей я понял: на этот раз Калинский наговаривает на самого себя! По его словам, он много лет был агентом Интеллидженс сервис, одновременно ловко маскируясь под профессионального советского сексота. Он без конца ссылался на какого-то сэра Джорджа, упоминал даже город Мары в Туркмении. В его рассказе то я был его подчиненным, то он — моим. Калинский городил такую околесицу, что я, несмотря на всю опасность положения, стал смеяться.

Наконец Рублев грубо выругался, велел увести провокатора и

проветрить кабинет. Потом заговорил со мной совсем иным тоном. Из его слов и из того, что я впоследствии слышал от бывших сокамерников Калинского по Лубянке, мне удалось в общих чертах восстановить историю его падения. Она — наглядный пример того, что даже самое рьяное стукачество, даже очень прибыльное вначале, часто в конечном счете кончается у параши.

Весной 1943 года, после истории с Мессингом, Калинского убрали из Ташкента. Генерал-майор НКГБ Жуков велел одеть его в форму польского капитана и перебросил в Сельце на Оке, где формировалась новая польская армия с полковником Берлингом и писательницей Вандой Василевской во главе. В ее командный состав входили кадровые советские офицеры польского происхождения и старые польские коммунисты, чудом оставшиеся в живых после чисток. Среди этих людей в организационном лагере и должен был продолжать свою славную деятельность Калинский.

Но одно — нанизывать на кукан бежавших их Польши необстрелянных поляков и евреев и обводить вокруг пальца телепата из Горы Кальвария, а другое — пытаться провоцировать стреляных воробьев, прошедших огонь, воду и медные трубы. «Капитана» быстро раскусили и демонстративно бойкотировали. Оконфуженный Калинский, понимая, что здесь на его крючок не только никто не попадется, но могут в темном углу и пристукнуть, дал дёру в Москву, где стал выдавать себя за польского военного атташе. После нескольких скандалов он настолько осточертел своим хозяевам, что они решили от него избавиться, запрятав как «социально-опасный элемент» (СОЭ) в исправительно-трудовую колонию в Ховрино по статье 35 УК.

В отместку Калинский решил ни больше, ни меньше, как скомпрометировать Советский Союз и дважды пытался отправить на Запад через свою бывшую сожительницу Татьяну Златогорову какие-то материалы, компрометирующие советских дипломатов. Затея эта обошлась ему дорого — в общей сложности пятнадцатью годами одиночного заключения в специзоляторах. Одно время ему угрожал расстрел, и, безнадежно запутавшийся обладатель «государственных тайн», летом 1950 года додумался обмануть смерть, добившись открытия нового дела и перевода в следственную тюрьму. Он заявил, что много лет был агентом Интеллидженс сервис и готов раскрыть целую сеть своих бывших коллег — английских агентов. Их список он составил из фамилий своих жертв, которые, как он не без основания надеялся, давно уже погибли в лагерях.

Но я, как бы это ни было для Калинского прискорбно, чудом

остался в живых, из обвиняемого стал свидетелем и в течение долгого времени рассказывал следователям Лубянки об «успехах» Калинского среди поляков и евреев в Ташкенте.

Стоит, между прочим, обратить внимание на то, что эти его художества легли в основу вышедшего в 1974 году в Ташкенте романа «Цвет восточного неба». Автор, ведущий писатель Узбекистана Борис Пармузин, получил допуск к следственному архиву тридцатилетней давности и был поражен обилием дел против поляков в 1941–1943 годах. Все эти дела были результатом неутомимой деятельности одного и того же человека — Абрама Калинского, который фигурирует в книге под фамилией Тадеуша Дальского, «пламенного польского патриота и мужественного советского разведчика». Именно так рекомендует его генерал-лейтенант Алексей Бессчастнов, председатель КГБ Узбекистана в предисловии к роману, подтверждая подлинность подвигов Калинского-Дальского…

Однако мне пора вернуться в кабинет следователя Кожухова на Лубянке — и в август 1950 года. Как-то этот молодой капитан спросил, не знаю ли я, зачем в действительности ездил Калинский в туркменский город Мары, где мы с ним якобы встречались с одним из начальников английской разведки, таинственным сэром Джорджем.

— Насколько мне известно, — ответил я, — Калинский туда ездил, чтобы довести до конца организованную им провокацию с нелегальным переходом в Иран Вольфа Мессинга.

У следователя округлились глаза и он велел повторить, — может, ему показалось, что он ослышался. Я повторил подробнее, а на вопрос, откуда я все это знаю, сослался на рассказ Мессинга в камере № 13. Капитан внимательно слушал, в протокол, однако, уже больше ничего не вносил.

На следующий день меня в кабинете следователя ожидало несколько высоких чинов. По их требованию я снова во всех подробностях рассказал, как Калинский заманил одураченного им Вольфа Мессинга в воображаемую «лесную сторожку» на иранской границе. Они внимательно слушали, обменивались быстрыми взглядами, несколько раз прыскали со смеху — смешили их не козни Калинского, а святая простота знаменитого ясновидца. Протокол и на этот раз не велся.

Я подумал: они хорошо знают, что Калинский возводил ложные обвинения и провоцировал, знают, что людей сажали без причины. Что меня тоже посадили ни за что. И решил попытать счастья. Администрация Лубянки выдавала раз в месяц листок бумаги, ручку и чернила каждому подследственному, желающему подать жалобу или заявление в любую инстанцию. Я обратился к

министру госбезопасности — им тогда, кажется, был расстрелянный впоследствии Абакумов — с просьбой: в связи с провокаторской по отношению ко мне ролью Калинского пересмотреть мое ташкентское дело и отменить приговор.

Через неделю меня вызвал какой-то полковник и сообщил, что дело мое оставлено без последствия. И голосом богини Справедливости добавил:

— Даже если вы и невиновны в том, за что вас осудили, то вас надо держать в заключении хотя бы уже потому, что вы слишком много знаете о Калинском и Мессинге!

После того как я в камере несколько оправился от столь откровенно и просто выраженной чекистской логики, мне пришло в голову, что полковник не указал мне подлинной причины отказа пересмотреть мое дело. Слишком много я знал не только о Калинском и Мессинге. По любопытству, проявленному высокими чекистскими чинами, я мог догадаться, что дело это в Ташкенте замазали и в Москву не сообщили. То есть я был свидетелем скрытия ташкентскими чекистами немаловажного дела от главных московских чекистов! Знать такое для рядового зэка действительно «слишком много».

Но могло быть и похуже, продолжал я рассуждать задним числом, — тут, в Москве, могли знать всю суть дела Мессинга. Но не все, а только те, «кому ведать надлежит». И если это так, то Мессинга будут оберегать от всяких свидетелей — он, скорее всего, чем-то им очень полезен. В таком случае мне совать туда свой нос было смертельно опасно!

И возблагодарив Бога за то, что кто-нибудь из этих важных и вежливых чекистов не предложил добавить мне срок, или посадить в одиночку, или просто прикончить, я отправился в Потьму досиживать свой «червонец».

* * *

А между тем и в лагерь постепенно доходило, что феномен Вольфа Мессинга стал принимать чудовищные размеры. Поездки с «психологическими опытами» продолжались. Афиши, сообщающие о прибытии телепата всесоюзной славы как в крупных городах, так и в поселках Сибири, собирали у касс толпы, так и пёршие напролом, чтобы воочию убедиться, как Вольф Мессинг безошибочно читает человеческие мысли. Госгастрольное бюро организовало специальное выступление для научных работников, для работников искусства, для рабочих новостроек и металлургических комбинатов, для

военнослужащих, для колхозников, — везде, где только можно. Большие деньги за билеты лились рекой. Через год после того как телепат был освобожден их тюрьмы, страну облетело известие о его новом высокопатриотическом поступке: Мессинг подарил Армии второй боевой самолет, приобретенный им на личные сбережения. Воистину не оскудела рука дающего.

В конце пятидесятых годов поэт Роберт Рождественский счел нужным воздать должное великому кудеснику в блещущих вдохновением строках о бегущем по лужам автобусе, в котором:

> Едет Вольф Мессинг,
> спокойствием лучась,
> Шахтерские подземные, подспудные мысли
> Начнет он будто семечки щелкать сейчас

Хотя было известно, что Мессинг наотрез отказывается подвергать себя каким-либо исследованиям, нашлись ученые, объяснявшие феномен Мессинга биологической радиосвязью или «гравитационными волнами». Некий Г. И. Косицкий в журнале «Здоровье» не постеснялся сравнить искусство Мессинга с игрой Давида Ойстраха и Ван Клиберна. Другие сравнивали его с величайшим кудесником всех времен графом Калиостро и утверждали, что он может принимать облик любого животного. К чести самого Мессинга надо сказать, что, хотя такая слава ему, наверное, льстила, сам он ее не добивался и не участвовал в создании вокруг себя легенды. Разве что «помалкивал и многозначительно улыбался», как признался тогда в Ташкентской тюрьме. Он удовлетворялся верным куском хлеба — с маслом — и тем, что скапливал, если не на замок, то на вполне безбедную старость. О своем скудном прошлом он не распространялся и, естественно, не был заинтересован, чтобы в нем копались. Вероятно, он считал, что достаточно в его подноготной покопались майор Сааков и капитан Иванов, а может, и кто покрупнее.

Однако нашелся человек без военного звания, едва не заработавший на прошлом Мессинга изрядный куш. Михаил Васильевич Хвастунов, писавший под псевдонимом «М. Васильев» и известный в Москве как «Михвас», был видным журналистом и ловким «популяризатором» в разнообразных отраслях науки. Он выпустил большую серию «Человек и Вселенная». С Вольфом Мессингом же он встретился, когда составлял брошюру «Человек наедине с собой». Незадолго до этого вышла и пользовалась большим успехом книга воспоминаний популярного в Советском Союзе иллюзиониста Михаила Куни, человека, тоже овеянного

легендой.

Хвастунов сообразил, каким бестселлером могла бы стать книга Мессинга «О самом себе». Но поскольку Мессинг был полуграмотен, а в рус-ском языке более, чем слаб, был заключен договор, по которому Хвастунов выговорил себе восемьдесят процентов всех гонораров за «литературную обработку» материала (!).

Он затворился с Мессингом в своей подмосковной даче и там в течение недели пытался выжать из того хоть какие-нибудь мало-мальски сенсационные воспоминания. Но воспоминания Мессинга, как мы знаем, вовсе не соответствовали его всесоюзной славе и ходившим о нем легендам. Надо было изобрести новую биографию о блистательной карьере, которая началась не в Белостоке в 1939 году, а, как у Геракла, чуть ли не с пеленок — благо ремесло фальсификации биографий для знатных особ в Советском Союзе широко распространено.

И вот Михвас стряпает невероятный комикс под названием «Вольф Мессинг — «О самом себе». Вся жизнь Мессинга представлена там как вереница чудесных и чреватых последствиями встреч. Когда маленький Вольфеле был еще в хедере, писатель Шолом-Алейхем предсказал ему блестящее будущее. Тринадцатилетним мальчиком он бежал в Германию, где быстро прославился как ясновидец. В 1915 году в Вене он запросто бывал у отца психоанализа профессора Зигмунда Фрейда, в доме которого резвился с Альбертом Эйнштейном и «выщипывал волосики из его пышных усов» — по мысленному внушению хозяина. Потом он совершил большое триумфальное турне по всем, какие только существуют, странам мира. В 1927 году в Индии он, естественно, подружился с борцом за ее независимость Махатмой Ганди, который даже в течение какого-то времени был его индуктором.

В Польше Мессинг — иначе и быть не могло, — вращался среди самых сливок аристократического общества и его часто вызывал диктатор маршал Пилсудский и другие руководящие страной лица — чтобы получить компетентные советы в делах государственной важности. В 1937 году, выступая в Варшаве, он предсказал поход Гитлера на Восток, а также его гибель, после чего за ним начало охотиться гестапо и объявило за его голову премию в двести тысяч марок. В 1939 году, благодаря своим сверхъестественным способностям, он вырвался из гитлеровских застенков и очутился в Советском Союзе. Там он начал выступать, а в 1940 году, как раз когда он был в Гомеле, Сталин, узнав о его прибытии в СССР, послал за ним — не сорок ли тысяч? — курьеров. С тех пор Мессинг становится в Кремле своим

человеком и часто встречается с гением всех времен и наро-дов.

Ко всему этому стоит добавить, что Михвас иностранных языков не знал, на Западе никогда не был и специфика тамошней политической и общественной жизни была ему неизвестна, правдоподобно же фантазировать он не сумел. Все произведение было состряпано в стиле, «как это себе представляет маленький Вася». Читателей Михвас, по-видимому, считал идиотами, которые примут все за чистую монету; о редакторах советской печати он был такого же мнения. Чтобы придать «воспоминаниям» Мессинга вес, Михвас нашпиговал их псевдонаучными вставками из своих же брошюр. Этим должно было быть создано впечатление, что автор воспоминаний глубоко ученый человек и знает, что говорит, когда рассуждает о психологии, психоанализе, магнетизме, гипнозе, оккультизме… Это также, что не менее важно, увеличивало количество печатных листов.

Отдельные главы и отрывки «воспоминаний» Мессинга начали публиковать журналы «Смена», «Спутник», «Байкал», «Ставрополье» и газеты «Литературная Россия», «Московский комсомолец», «Правда Востока» и другие. А выпускаемый большим тиражом — что-то около трехсот тысяч — популярный журнал «Наука и религия» напечатал эти «воспоминания» в пяти громадных отрывках.

В 1965 году издательство «Советская Россия» объявило, что в 1966 году «воспоминания» выйдут громадным тиражом. Но вдруг произошла осечка. Многим была очевидна «липа» «воспоминаний». Знали в Москве и о кабальном договоре ясновидца с журналистом — но кому было до этого дело? Вмешались те, на кого никак не указывал, не намекал даже многоопытный Михвас, но кто, как надо полагать, всегда вроде бы стоял за спиной Вольфа Мессинга. Это не более, чем предположение, но характерно, что — как мне рассказывали люди, хорошо это дело знавшие — запрет на книгу и на дальнейшие публикации «воспоминаний» был решительный и никаких аргументов не приводилось.

Таинственность этой акции, как мы увидим, добавила таинственности и самому Вольфу Мессингу и значительности его биографии.

Конечно, больше всех был огорчен Мих. Вас. Хвастунов: главный гонорар так и не дался в руки.

Но вдруг литературный подкидыш Михваса, казалось бы посрамленный и сведенный на нет, налился соками и зажил новой жизнью, сверкая и переливаясь выдумками своего папы. Усугубляло этот сюрприз обстоятельство, что произошло это не в

Советском Союзе, где общественность лишена возможности свободно и критически во всем разбираться, а потому есть где, казалось бы, развернуться и святой простоте и глубокому невежеству. Произошло это на просвещенном и скептическом Западе, где очень и очень многие уверены, что их-то на мякине не проведешь.

Началось это так.

В середине шестидесятых годов специалисты ряда институтов на Западе, в особенности в США, заговорили о том, что советское правительство уделяет все больше внимания парапсихологии, главным образом телепатии, с помощью которой оно намерено со временем наладить связь с экипажами подводных лодок, выполняющих специальные задания, а также с космонавтами на орбите. Кроме того, КГБ с помощью телепатии якобы стремился когда-то осуществить свою заветную мечту: научиться читать мысли политических противников, диссидентов, раскрывать агентов иностранных разведок…

В определенных западных кругах среди любителей сильных метафизических ощущений резко возрос интерес к испытаниям, производимым якобы в этой области в Советском Союзе. И вот, надеясь, что им удастся «вложить персты», две ученые дамы, Шейли Острендер и Линн Шредер, сотрудницы Американского общества психологических исследований, в 1967 году отправились в Москву для участия в конгрессе, посвященном парапсихологическим исследованиям. Они очень надеялись выяснить, какими методами коммунисты проникают в парапсихологические тайники.

Результаты этой поездки можно найти в объемистой книге «ПСИ — научное исследование и практическое использование сверхчувственных сил духа и души за Железным занавесом». В этом «эпохальном» произведении, вышедшем в 1970 году в издательстве «Бентем Бук», к 1980 году выдержавшему пятнадцать тиражей и переведенному на многие языки, наиболее весомая, четвертая, глава — совсем как в пресловутом сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» — целиком посвящена Вольфу Мессингу. Озаглавлена она: «Вольф Мессинг, медиум, с которым экспериментировал Сталин».

Эту главу авторши почти дословно заполнили переводом комикса Михваса в варианте, напечатанном в журнале «Наука и религия». Подлинность описанной там биографии Мессинга для пытливых дам — вне всяких сомнений. Гарантию же этого они усматривают в том, что, несмотря на политическую цензуру и на то, что официальная линия журнала — атеистическая, журнал эту вещь, тем не менее, опубликовал. Правда-истина преодолела все

препоны! Авторш приводят в восторг самые дикие выдумки Хвастунова. В поисках желаемых результатов американские дамы провели несколько разговоров со своими коллегами — советскими учеными, фамилии которых они почему-то предпочли не упоминать. Встречались они также с какой-то подругой одной из внучек Сталина. Их собеседники рассказывали, что по приказанию Сталина с Мессингом проводился целый ряд нигде пока не опубликованных экспериментов. Один из них состоял вот в чем: всемогущий Мессинг появился без разрешения и пропуска на сталинской даче в Кунцево, внушил охране, что он — Берия, и был тут же пропущен к диктатору.

Хотя об источниках информации не названных авторшами словоохотливых советских ученых нам ничего не известно, но мы хорошо знаем, что сам Мессинг избегал всяких интервью и высказываний, предпочитая помалкивать. Можно предположить, что какие-то обстоятельства заставили его войти в контакт с Михвасом, обещать ему 80 % гонораров и отправиться на его дачу, чтобы там прикинуться еще более косноязычным, чем он был на самом деле. Однако сама мысль о том, что Мессинг встречался со Сталиным и Берией, не лишена некоторой доли вероятности. В ней отражена суть государственного мистицизма сталинской империи. Того мистицизма, который, как мы знаем, был присущ и главарям Третьего рейха. Один мой знакомый, знаток советской действительности, как-то сказал: «Вульгарный материализм — лучшая почва для примитивной веры в потусторонние силы. Вспомним хотя бы удивительную карьеру прославленной Джуны и ее связь с Брежневым».

Большое впечатление на авторш «ПСИ» произвела беседа с заведующей конторой Интуриста в Москве. Та рассказывала о Мессинге с таким увлечением, будто речь шла об игре Святослава Рихтера или танце Галины Улановой. К концу разговора, правда, оказалось, что товарищ из Интуриста сама лично Мессинга никогда в глаза не видела. Да и видеть никак не хотела: ужасно боялась, что он тут же прочтет все ее мысли, — а она этого терпеть не может!

С пониманием отнеслись дамы и к сообщению, что Вольф Мессинг никогда не соглашался подвергаться каким-либо обследованиям — ведь для этого у него просто никогда не было времени. Оно все было занято гастрольными поездками. А кроме того, не следует забывать, что люди такого профиля и масштаба весьма эмоциональны. Поэтому заморские дамы нисколько не обиделись и не разочаровались, что им не удалось лично поговорить с телепатом. Для них было достаточно выслушать ряд восторженных о нем отзывов и получить его правдивую

автобиографию в пяти номерах атеистического ежемесячника. Их добыча оказалась бесценной уже в том плане, что принесла им немалое состояние.

Их доказательство при помощи ссылки на обойденную политическую цензуру, правда, дало трещину. В завершение захватывающего рассказа им пришлось добавить: «После сообщения, что автобиография Мессинга будет выпущена издательством «Советская Россия», книга была не-ожиданно изъята, хотя надо полагать, что ее рукопись циркулирует в народе. Быть может, некоторых высокопоставленных деятелей встревожило, что будет оглашено и разоблачено слишком много «чудес». А может быть, Мессинг рассказал слишком много из жизни партийной верхушки. Не исключено, что запрещение этой публикации лишь один из признаков того, что время оттепели проходит. Насколько нам известно из ближайшего окружения Мессинга, и остальные главы этой книги отнюдь не безынтересны».

В Германии произведение американских дам было опубликовано в 1970 году издательством «Шерц» и выдержало в том же году восемь (!) тиражей. Широкая читательская общественность жаждала правды…

Но следует ли судить их так уж строго? Невероятную наивность по отношению к тому, что происходит в Советском Союзе, проявляют не только увлеченные парапсихологией дамочки, но и многие важные западные деятели, которым такой наивности проявлять не следовало бы. Удивительно то, что не менее наивными оказались некоторые проживающие на Западе вполне серьезные люди, родившиеся и выросшие в Советском Союзе. Профессор одного из университетов в Калифорнии, по национальности русский и в прошлом советский разведчик, продолжительное время занимался вопросом использования Советским Союзом парапсихологии для государственных целей. Получив информацию, что в Израиле якобы живет брат Мессинга, он направился туда, чтобы получить сведения из верного источника.

В журнале «Тайноведение» № 7 за 1983 год, выходящем в Израиле, можно прочесть, что ближайший родственник Мессинга «…хорошо помнит неоднократные вызовы брата из гостиницы «Москва», где тот жил, в КГБ и в Кремль; о боязни брата что-либо рассказывать об этих контак-тах; о запугивании брата со стороны КГБ угрозами на случай, если он что-либо расскажет посторонним об этих контактах».

Заинтересованный появлением неизвестных мне подробностей биографии моего героя, я разыскал этого человека.

Оказалось, что он не брат, а однофамилец Мессинга и никогда в Горе Кальвария не был. Однако он считает себя если уж не родным, то двоюродным братом: по его мнению, все Мессинги из Польши должны быть родичами. Увы, вспомнил я, — такого же мнения был следователь Иванов, пытавшийся пришить Вольфу родство с расстрелянным Станиславом Мессингом!

Израильский «брат» признался, что, будучи в Москве, пытался сойтись с Вольфом поближе, — но тот с ним даже говорить не захотел. А на мой вопрос — откуда же он так хорошо знает о контактах Вольфа с КГБ и Кремлём, он удивленно ответил: — Вы что, «ПСИ» не читали?

* * *

Меня всегда поражает и огорчает, что никто, даже люди, в иных случаях готовые скрупулезно и подробно изучать предмет, не пытаются проверить подробности биографии столь знаменитого сына Горы Кальвария. Ведь до перехода в Советский Союз Мессинг сорок лет прожил на Западе и, если верить Михвасу и пересказу его опуса в «ПСИ», был всемирно известен уже в двадцатых-тридцатых годах нашего столетия. Должны же были сохраниться хоть какие-нибудь отклики в прессе того времени? Ведь о других ясновидящих и прорицателях тогда, как и сегодня, писалось немало статей, а бульварная пресса посвящала и посвящает им нередко первые полосы. Ну, могут сказать, что с Пилсудским Мессинг встречался тайно. Но неужели не поместили бы ни строки о выступлениях, где его индуктором был якобы не кто иной, как Махатма Ганди?

В поисках материалов я обратился в Гору Кальвария. Но, увы, из четырех тысяч моих земляков, которых гитлеровцы там захватили, они убили всех — чудом спаслись лишь двое.

Один из них, Феликс Карпман, помнил только, как он мальчишкой, с ватагой другой сорванцов, приставал на улице к Вольфу, вопя «Мессинг, Мессинг, погадай!».

Другой, ушедший от немцев в партизаны Генрих Прайс, мой ровесник, знал Мессинга лучше. Он запомнился ему как тихий, никому не мешавший человек с ухватками старого холостяка, одевавшийся как франт, чтобы создать видимость, как, мол, ему хорошо живется. О жизни и славе Мессинга в Советском Союзе Прайс никогда ничего не слыхал.

Сразу после войны из сибирской ссылки в Польшу вернулись двоюродные братья Вольфа, Йосек и Лейзе Мессинги. Они, как я уже сказал, жили в такой глуши, до которой слава их родича не докатилась, и ничего о нем тоже не знали. Из Польши они вскоре уехали в Бруклин. Сам Вольф Мессинг в Гору Кальвария никогда не писал и оттуда о нем никто не справлялся.

Основатель местного музея и летописец Горы Кальвария, отставной директор гимназии Эдвард Махроцкий, написал мне:

«Ни в отделе записей актов гражданского состояния, ни в списках учеников местных школ я нигде имени Вольфа Мессинга не нашел. Но тем не менее, моя жена и я хорошо помним одно его интересное и удачное выступление в нашем городе. Он дал тогда сеанс гипноза и телепатии. После войны я никогда ничего о нем не слышал».

Польский писатель, автор научно-популярных книг, он же председатель Общества обнаружения подпочвенных вод, Лех Эмфазы Стефанский из Варшавы в соавторстве с Михаилом Комаром выпустил в 1983 году книгу «От магии до психотроники». Разбирая всякие «сверхъестественные явления», авторы пишут обо всех известных польских медиумах нашего времени. Вольф Мессинг в их книге упоминается один — единственный раз в следующем контексте: «Теофик Дадашев, студент университета в Баку, считается после смерти Вольфа Мессинга в 1974 году, лучшим в мире приемником телепатии».

На мой запрос, почему он уделил так мало места своему столь славному земляку, Стефанский, родившийся в 1928 году, ответил, что ввиду своего возраста до войны слышать о Мессинге не мог, а после войны он в Польше никогда не встречал какого бы то ни было упоминания о нем. Только от меня он вообще узнал, что Мессинг родился под Варшавой [Góra Kalwaria] и до 1939 года жил в Польше. Произведения Хвастунова Стефанский не читал.

Получается, что на Западе лишь читатели «ПСИ» да некоторые эмигранты из СССР знают, что был на свете такой Мессинг.

* * *

Странным образом во всем, что прикасается к феномену Вольфа Мессинга, трагическое шагает в обнимку со смешным, предлагая на выбор: хочешь — плачь, хочешь — смейся до слез.

Жила в Москве скромная журналистка Татьяна Лунгина. Случилось так, что она подружилась, почти сроднилась с Вольфом Мессингом, искренне в него поверила, как в «человека не только необычайной судьбы, но и загадочной души, с мистическими всплесками, до сих пор окутанными ореолом таинственности и легендами».

«В течение двадцати лет, — пишет она, — я, чья жизнь проходила бок о бок с жизнью Мессинга, вела скрупулезные записи всех мельчайших обстоятельств жизни, самых мимолетных впечатлении, хоть как-то относящихся к жизни Вольфа Григорьевича… Ведь не секрет, что его знали многие сотни людей во всем мире… Восторженные и правдивые рассказы, передававшиеся из уст в уста, постепенно обрастали фантастическими выдумками и превращались в россказни… Очистить образ и историю жизни Вольфа Григорьевича от таких домыслов и было одной из задач этой книги».

Книга, о которой говорит госпожа Лунгина, написана ею после смерти Мессинга и после того, как она в конце семидесятых годов эмигрировала в США. Там госпожа Лунгина, послушав совета друзей, решила «создать эффектный и броский бестселлер».

Однако для бестселлера двадцатилетних скрупулезных записей оказалось маловато, и автор — очевидно, чтобы наилучшим образом очистить образ и историю жизни Вольфа Григорьевича — решила обогатить собственный текст, вставив в него чужой: все то же немеркнущей славы сочинение Михваса, который к тому времени тоже окончил свой жизненный путь. Ни словом не упоминая о подлинном авторе, госпожа Лунгина придала сочинению Михваса лишь несколько иную форму, форму личных рассказов Мессинга.

Итак: во время отдыха у моря он вдруг разражался многочасовыми монологами о чудесах, сопутствовавших его жизни, о путешествиях по всему миру, о встречах со знаменитыми людьми нашей эпохи. Монолог свой он сопровождал длинными научными рассуждениями…

А его слушательница все это потом записывала слово в слово. Задача не из легких, если учесть, что, как признает госпожа Лунгина, «Вольфа Мессинга было трудно понимать. Русским он владел неважно, а потому приходилось напрягать внимание, чтобы пробиваться сквозь языковую неразбериху».

Кстати, ни Хвастунову, ни госпоже Лунгиной не пришло в голову узнать у Мессинга, на каких языках он объяснялся с мировыми знаменитостями, — ну, например, с тем же Махатмой Ганди. По-польски? Или на идиш?

Ценой больших усилий и жертв удалось автору накопить средства и найти русское издательство, готовое опубликовать книгу. В конце концов она вышла — и оставалось только ждать восторженных отзывов и договоров на иностранные переводы.

Но получилось все, как в известном анекдоте о русской семье, которая прибыла в США без знания языка и, не умея разобрать что к чему, долгое время питалась консервами для кошек и собак.

Так и достойная сожаления госпожа Лунгина, несколько освоившись в США, вдруг узнала о существовании «ПСИ», о ее громадных успехах и о том, что ученые дамы Острендер и Шредер немеркнущей славы сочинение Михваса вставили в свой текст за двенадцать лет до нее!

Скрепя сердце, пришлось дописать, — но не в книге, которая, по-видимому, уже была отпечатана, а на последней странице обложки:

«Часть записок Т.Лунгиной послужила в свое время основой

автобиографического очерка Мессинга, опубликованного в журнале «Наука и религия» и использованного затем в четвертой главе знаменитой книги…» Далее следовали выходные данные «ПСИ».

Однако несмотря на все ее, мягко говоря, недостатки, книга Т.Лунгиной «Вольф Мессинг человек-загадка» несколько пополняет наши знания о Мессинге. Правда, загадок она не отгадывает, а лишь их усугубляет и наводит на размышления: кому все-таки нужен был феномен Вольфа Мессинга? И почему, при внешней благосклонности к нему властей, телепата на самом деле — если верить его приятельнице держали в черном теле?

Госпожа Лунгина рассказывает, что в 1944 году закоренелый старый холостяк Вольф Мессинг женился. Якобы однажды, прямо после выступления, за кулисы явилась, судя по имеющимся фотографиям, немолодая, грузная бой-баба — Аида Михайловна Рапопорт. С места в карьер она разбранила манеру чтения вступительного слова. А всего через два дня она уже сама вела программу Мессинга. Странно, если вспомнить, как трудно сходился он с людьми.

Необычайно скоро она стала его женой и непременным помощником. Мастер избавился от одиночества, но вряд ли он обрел спокойствие. У подарившего Красной Армии два боевых самолета человека не было собственной квартиры и молодоженам разрешили снять номер в столичной гостинице «Москва». Там они и прожили четыре года — втроем: после снятия блокады с Ленинграда к ним вселилась чудом уцелевшая и тяжело больная сестра Аиды, Ираида Михайловна, которая до самой своей смерти осложняла жизнь Мессингу, даже после того как он овдовел.

Мессингам выделили квартиру только в 1948 году. Если действительно, — как пишет Т.Лунгина, — «по личному распоряжению Сталина», то нельзя не прийти в крайнее удивление. Мы знаем, что если Сталин шел на такой шаг, то он, заботясь о создании вокруг себя легенды как о добром и щедром вожде, не скупился. Достаточно вспомнить его жест по отношению к вундеркинду-скрипачу Бусе Гольдштейну. Квартира же всесоюзной славы телепата и миллионщика, удостоившегося личной благодарности вождя, состояла из крохотной комнаты с кухонькой. И ютились в ней — сам Мессинг, его жена, ее сестра, прикованная к креслу-кровати, да еще громадная овчарка. Когда Аида Михайловна в 1960 году смертельно заболела раком, в квартире у постели умиравшей еще постоянно находилась медицинская сестра.

Квартира была на Новопесчаной улице. Утверждение Т.Лунгиной, что это далекая окраина и что туда надо было

добираться полтора часа от последней остановки метро «Белорусская», следует поставить под сомнение. По словам московских старожилов район этот фешенебельный, заселенный деятелями науки и искусства, а также высокими военными чинами; кроме того, рядом остановка метро «Сокол».

Миниатюрность квартиры Мессинга Т. Лунгина объясняет тем, что Мессинг был противником «блата», никогда пользы из своей славы не извлекал и не желал выпрашивать у государства приличного жилья. И только в 1972 году, за два года до смерти, на помощь к нему пришла одна из почитательниц, служащая Министерства культуры, и устроила ему покупку двухкомнатной квартиры на улице Герцена, на тринадцатом этаже дома для работников министерства.

Да, несмотря на миллионные прибыли, которые он ей давал, советская власть никогда к Мессингу особенно не благоволила. Скромный юбилей 65-летия, отпразднованный, когда Вольфу было уже 67 лет, одна небольшая награда, заурядное звание «заслуженного деятеля искусств РСФСР» — и это почти все. Роскошная жизнь, о которой он мечтал когда-то, выражалась лишь в золотом кольце с бриллиантом в три карата, с которым он никогда не расставался. Не была ли эта драгоценность одной из тех, что он когда-то приобрел у Калинского? Не должна ли была она ему постоянно напоминать — вовсе не о роскоши, а: будь осторожен, вокруг недруги?

«Ни разу не было и разговора, чтобы съездить хотя бы по туристической путевке в Болгарию или на прежнюю родину — Польшу, которую он помнил и любил до последних дней», — сообщает Т.Лунгина и добавляет две фразы, первая из которых — хвастуновская, а вторая скорее всего верная: «И это казалось особенно странным, если учесть, что первые сорок лет жизни он провел в непрерывных заморских путешествиях. Не исключено, что ключи от тайны держались на Лубянке».

Подтверждает это предположение и то, что, когда в начале семидесятых годов евреям разрешили эмигрировать из Советского Союза, Мессинг, по свидетельству его биографа, «… глядя в пол, тихо и размеренно произнес фразу: что же касается меня, то меня скорее, уберут, чем выпустят».

Когда он серьезно заболел эндартериитом, кровь не поступала в нужном количестве к нижним конечностям, — ему не разрешили вызвать из США бригаду известного доктора Майкла Дебеки, который в 1972 году успешно оперировал по такому же поводу президента Академии наук Келдыша, хотя Мессинг хотел оплатить расходы сам, сколько бы это ни стоило.

При описании имущества после смерти в квартире Мессинга

обнаружены сберегательные книжки на общую сумму чуть больше миллиона рублей, не считая процентов, не взятых за последние 10–15 лет. Его друзья якобы никогда не смогли водрузить на его могиле памятник мешало им в этом якобы Министерство культуры, ибо, как пишет госпожа Лунгина, «…кто-то упорно стремился наложить вето на самую память о нем».

Чем же Мессинг не угодил советской власти, кто так в нем разочаровался, чьи расчеты он не оправдал?

У меня почему-то упорно не выходит из головы место из книги госпожи Лунгиной, где она восторженно рассказывает о том, как Мессинг в первые послевоенные годы познакомился «…с одной замечательной личностью, сложной душевной конституции, изломанной судьбы». Речь идет о графе Алексее Игнатьеве.

Из старинного рода графов Игнатьевых произошло немало крупных государственных деятелей, из которых, вероятно, наиболее значителен Николай Павлович, русский посол в Константинополе, участвовавший в подготовке Сан-Стефанского мирного договора, завершившего в 1878 году русско-турецкую войну и обеспечившего Болгарии, Боснии и Герцеговине автономию, а Сербии, Черногории и Румынии — независимость. Граф Алексей Игнатьев, о котором идет речь у госпожи Лунгиной, родился в 1877 году в семье генерала, командира кавалергардского полка, генерал-губернатора Иркутска, а затем Киева, где он был убит социалистом-революционером. Сын окончил привилегированное училище — Пажеский корпус и Академию генерального штаба. В русско-японскую войну был адъютантом главнокомандующего Куропаткина. Во время первой мировой войны — представителем русской ставки при главной квартире. Одним словом — служил России и поддерживал честь своего рода.

Его «сложная душевная конституция», изломавшая его судьбу, обнаружилась в 1924 году, когда он сдал советским представителям во Франции все хранившиеся у него документы и значительные казенные суммы, за что был принят в советское гражданство и на работу в советское торгпредство. В 1937 году он переехал в Москву.

Но в то время как репатриировавшийся в Советский Союз другой представитель древнего русского рода, всемирно известный критик и литературовед князь Святополк-Мирский в том же 1937 году погиб в сибирском лагере, граф Алексей Игнатьев получил великолепную квартиру в центре Москвы, — по словам госпожи Лунгиной, на Старой площади, — открыл литературный салон и написал мемуары, выпущенные отдельной

книгой в 1959 году, через пять лет после смерти автора. Название ее широко известно: «Пятьдесят лет в строю». Не менее известна и хохма, которую добавляют к этому названию: «…и ни одного дня в бою». Есть и другая, еще более злая переделка: «Пятьдесят лет в струю»… В 1943 году графа Игнатьева произвели в генерал-лейтенанты. За какие именно заслуги? Этого никто из простых смертных не знал.

Вольф Мессинг, как пишет госпожа Лунгина, считал, что у него с графом много общего, хотя бы «скитания по житейским дорогам». Он часто посещал генеральскую квартиру и беседовал подолгу с хозяином, «великолепным собеседником, умевшим и слушать, и рассказывать». О чем могли часами говорить сиятельный, владеющий всеми европейскими языками утонченный граф и полуграмотный и косноязычный фокусник из местечка Гора Кальвария, — одному Богу известно.

А впрочем, может быть, не только Богу. Какой-то свет проливает на эту курьезную связь выявленное во время хрущевской оттепели обстоятельство: Игнатьев был засекреченным высоким чином КГБ, а его квартира — явочным пунктом для избранных агентов.

Я допускаю, что жизнь заставила Вольфа Мессинга быть шарлатаном, что она заставила его подписать определенные обязательства и давать сведения известным органам. Но хочу верить, что продаться окончательно, выполнять гнусные задания, опуститься до уровня провокатора — не позволила совесть. Не в этом ли кроется причина недовольства им советской власти?

В завершение своей книги госпожа Лунгина пишет:

«Быть может, на Западе сейчас уже находится кто-то, кому могла быть известна хоть какая-то крупица тайны Мессинга, лежащей в одной из папок с грифом «Совершенно секретно».

Я льщу себя надеждой, что мне, по мере моих возможностей, удалось хоть отчасти раскрыть эту тайну.

Конечно, много к этому мог бы прибавить Абрам Калинский. Но он сидит где-то далеко…и вряд ли заинтересован в раскрытии правды о своем славном прошлом.

Тех же, кто так и не может понять, как вообще могло возникнуть такое явление, как феномен Вольфа Мессинга, я отсылаю к книге Вильгельма Губиша «Ясновидцы, шарлатаны, демагоги». Тридцать лет автор исследовал и разоблачал трюки всяких ясновидцев и эстрадных телепатов. Чтобы показать, как человеческие массы охотно верят невероятному, он несколько тысяч раз выступал в роли телепата, чтобы затем настроить людей критически и предостеречь их. Выступал он перед публикой, состоящей из врачей, юристов, педагогов, студентов,

доцентов… И опросы, произведенные после его выступлений — до того, как он раскрывал трюки — показали, что около девяноста процентов зрителей было твердо убеждено, что он на самом деле ясновидец.

Автор предисловия к книге Губиша, известный психолог профессор И. Виттман, пишет:

«Если бы он (Губиш — И. Ш.) стал ясновидцем-профессионалом, ему было бы нетрудно нажить себе большое состояние с помощью шарлатанства. Но он предпочел тяжелый и неблагодарный путь раскрытия правды о том, что всякого рода «маги» своим успехом обязаны только великому доверию людей. Люди стремятся быть обманутыми — сознательно или подсознательно».

* * *

Вольф Мессинг мистифицировал людей сознательно — без этого не мог бы существовать жанр, в котором он работал. Пройдоха Михвас замахнулся шире — из славы Мессинга стараясь извлечь для себя немалую выгоду. Однако измышления Михваса придали славе Мессинга политический оттенок: всемирно известный ясновидец отказался, мол, от буржуазного Запада и стал пламенным советским патриотом. Он, де, хотя и мог бы снова покорять все столицы мира, но не хотел покидать свою новую родину, Советский Союз! Как поется в примитивной песенке, состряпанной для советских моряков: «А я остаюся с тобою, родная навеки страна! Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна!»

Этот обычный прием советской пропаганды загадок в себе не таит. Загадка, и немалая, в том, почему определенные круги на Западе приняли версию Михваса, не пытаясь даже проверить достоверность подброшенных им сказок, что было бы совсем не трудно. Не пора ли авторам и издателям «ПСИ» извиниться за то, что они годами вводили и вводят читателей в заблуждение? Если же, цитируя вранье Михваса, они знали, что это вранье, — то какие таинственные цели они при этом преследовали?

* * *

Я уже собирался завершить мое повествование о встрече с Вольфом Мессингом и робкую попытку анализа его загадки и феномена, как дело неожиданно обернулось новой стороной.

Вследствие «перестройки» нескольким моим хорошим знакомым, которых я не видал уже много лет, удалось побывать на Западе. Поскольку я знал, что они имели какое-то отношение к Мессингу, мне было интересно поговорить с ними о моем герое. Тем более что, как уже было сказано, после совместного пребывания в ташкентской тюрьме я его больше не встречал, а только читал, что о нем писали.

Беседы с моими знакомыми, любезно согласившимися ознакомиться с рукописью, оказались для меня весьма полезными и пролили новый свет на личность Мессинга. Как оказалось, мне было неизвестно, что он до конца жизни испытывал чувство страшного одиночества. В своей тюрем-ной исповеди он несколько раз намекал, что во время гастрольных поездок его одолевало это чувство, но я не знал, что с годами, — несмотря на успех и все возрастающую славу, — оно все усугублялось.

«Он всегда казался мне маленьким человечком и главное впечатление от него — запуганность и униженность, — сказал мне многоопытный, знающий людей, человек. — Мессинг как будто всю жизнь умирал от страха. Сейчас, когда я узнал, что с ним проделали в Ташкенте, мне легче понять причину этого. От одиночества он пытался избавиться поздним супружеством, оттуда и согласие на обременительное сосуществование со свояченицей. Он был рад и сиделке и даже собаке, чтобы только не оставаться наедине с самим собою».

Мои собеседники находили в моем подходе некоторую предвзятость и излишнюю эмоциональность, что, говорили они, вполне понятно, когда дело касалось Калинского. Но ведь главные виновники не Калинский и чины госбезопасности, с которыми он сотрудничал. Они были бы невозможны, их бы вообще не было, если бы не было создавшей их системы. Вольф Мессинг был жертвой системы — одной из миллионов жертв бесчеловечной советской системы.

Затем мои собеседники упрекнули меня — и, я думаю, справедливо — в том, что все, что делал во время своих выступлений Мессинг, я свожу к трюкачеству, — хотя сам на этих выступлениях никогда не присутствовал, если не считать смутного воспоминания школьных лет. Тот факт, что он так легко попался на провокацию, в какой-то мере, особенно в глазах обывателя, может его компрометировать. Но отнюдь не дисквалифицировать: страстное желание покинуть страну, «в которой нельзя жить», могло заглушить предчувствия и затемнить ясность внут-реннего видения. Дело в том, что широко известны — отнюдь не из «баек» и сплетен, а из серьезных и достоверных источников, факты, когда Мессинг проявлял гипнотические и

телепатические способности. Еще живы свидетели, знающие об этом по своему личному опыту.

И еще рассказали мне такое, о чем я никак не подозревал. В моем представлении у Вольфа Мессинга, человека нелюдимого, женщины всегда были где-то на заднем плане: короткий эпизод с белостоцкой Симой и спокойная жизнь под боком властной супруги — и всё. Но мне рассказали, что он вовсе не был полубесплотным существом, а не прочь был и пофлиртовать и вступить в связь с увлеченной им поклонницей.

Рассказали мне также, что Мессинг всегда — и до самых последних дней — в свои выступления вкладывал себя всего и просто «душу из себя выматывал». И что страх и волнение, о которых он когда-то мне говорил, никогда его не оставляли. «От страшного напряжения, — рассказывали мне, — он на сцене невероятно потел: по нему прямо потоки текли».

И уж совершенно неожиданно я узнал кое-какие подробности о приключениях Абраши Калинского, который, отбыв 15 лет одиночного заключения, в 1959 году появился в Москве и начал посещать друзей и знакомых трагически погибшей от неизлечимой болезни Татьяны Златогоровой, которую он выдавал за свою жену. Но этого и писать бы не стоило, если бы не одно обстоятельство.

Одна моя собеседница хорошо знала одну из поклонниц Мессинга и через нее познакомилась с телепатом. Но конечно, она ничего не знала о пагубной роли Калинского в судьбах Мессинга и моей. Теперь она напрягала память, чтобы помочь мне и побольше сообщить о его судьбе. И вдруг вспомнила, что уже в семидесятых годах, то есть незадолго до смерти Мессинга, она неожиданно увидела его в сберкассе при гостинице «Москва», на проспекте Маркса. Я подумал, что ослышался, когда она добавила, что он был в обществе «этого, как его звать, Калинского, что ли, ну, который околачивался вокруг Златогоровой».

— Как? — Я выпучил глаза. — Мессинг в обществе Калинского?! Могло ли быть такое? Что они там делали?

— Что они могли делать? Разговаривали. Довольно оживленно.

— О чем же они могли разговаривать?

— Откуда я знаю? Я рядом не стояла. Видела только, как они размахивают руками. Но вы сами знаете, что евреи нередко разговаривают с помощью рук.

— Они, наверное, ссорились?

— Трудно сказать. По тому, как они размахивали руками, об этом было трудно судить. Но что с вами?

Я был совершенно ошеломлен. Мессинг мог встречаться с Калинским? Я мог себе многое представить, но только не это. Что они могли сказать друг другу? Что теперь, после всего, что было, могло их связывать?

Я пытался представить себе Мессинга, который может быть уже начал избавляться от страхов сталинского времени и от воспоминаний о Ташкенте. И вдруг перед ним вырос Калинский, человек из прошлого, ко-торого хотелось забыть навсегда. Чего могла хотеть от Мессинга эта фигура, вынырнувшая из мрака забвения? А не шантажировал ли он его? Но чем, собственно, он мог его шантажировать? Ведь не угрозой разглашения того, как он спровоцировал и посадил в тюрьму великого ясновидца?

Я не находил ответа на возникающие один за другим вопросы. Что это еще за новая чертовщина? А что, думал я, если Мессинг не питал никакой вражды к своему злодею? Может быть, его жизненный поворот в Ташкенте, начавшийся весьма скверно, окончился очень благополучно? А что, если Калинский и Мессинг одним миром мазаны? Что, если освобождение из следственной тюрьмы в Ташкенте надо рассматривать с совсем иной точки зрения?

И я понял: до сих пор я лишь ходил вокруг да около. Я предполагал, что разгадал какие-то тайны, но оказалось, что за ними стоят тайны гораздо более сложные. И что мне, по всей вероятности, придется выкинуть белый флаг…

Загадка Вольфа Мессинга так и остается для меня неразгаданной. Может быть, кому-нибудь посчастливится подобрать к ней лучшие ключи, чем те, которые были у меня. Я же больше не в силах рыться в этой трясине.

Apage, Satanas! Чур меня!

notes

Примечания

1

Григорьевич

2

Норбертович

3

Игнатий Шенфельд — раввин с горы Кальвария или загадка Вольва Мессинга (опубликовано в журнале литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли «Грани», издававшемся на русском языке в г. Франфурт-на-Майне (ФРГ), 1989 год. № № 153 и..

259,с., л. портр. 21 см, Смоленск ТОО «Полиграмма» Минск ООО «Алфавит» — Предисл. Б. Окуджавы